

Фёдор Микишин

Хан Батый и десантники книга 3 Становление

Альтернативная история с
попаданцами

Посвящается курсантам военных
училищ СССР

16+

Фёдор Васильевич Микишин

Хан Батый и десантники.

Книга 3. Становление

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67247090

SelfPub; 2022

Аннотация

Попавшие чудесным образом в 13 век курсанты десантники пытаются приспособиться к реалиям существующего строя. Они выполнили программу- минимум, заставили власть имущих считаться с ними и остерегаться нападать на них. Удалось принудить хана Батюя заключить соглашение о взаимном ненападении и совместных действиях против Европы. Они продолжают строительство собственного города крепости, развивают промышленное производство, стремясь выйти на самоокупаемость. Главная задача – создать собственные вооружённые силы, способные противостоять агрессивным проискам, как русских князей, так и монголов. Они уже вполне могут дать отпор достаточно сильным противникам, за исключением Орды. Поэтому с Ордой приходится дружить

Фёдор Микишин

Хан Батый и десантники.

Книга 3. Становление

Часть 1.

Воронежский филиал. Переезд.

19 июля. Вторник. Вечерело, когда вдали, ниже по течению, показался парус. Без сомнений это был корабль «Ока». Он шёл под парусами, а когда приблизился, то мы услышали звук работающего двигателя. По ходу, матросы убрали паруса, к пристани корабль пристал с помощью движителя. Бросили якорь, канатами прикрепили корабль к причалу. Сбросили сходни и по ним на берег сошли человек двадцать, оставив на борту вахтенных. Я и Теплов ждали, стоя на пирсе. К нам подошёл капитан корабля прапорщик Иван. Он отдал нам честь и доложил, что корабль из пробного плавания вернулся. Мы его прервали и разрешили матросам отдыхать, а сами отправились в столовую, послушать его рассказ.

Иван: – после спуска корабля на воду 10 июля, я и 30 волонтёров моего взвода, загрузили на корабль пушку, огне-мёт, установили пулемёт на турели и отплыли вниз по течению. Нам предстояло проплыть чуть более 1500 км до Азов-

ского моря и вернуться обратно. Плавание проходило без проблем. Ветер и течение способствовали скорости. За время плавания вниз по течению, установили рекорд скорости без включения мотора - 22 км в час. Если вычесть скорость течения, то получится до 12 узлов. Не так уж и плохо. Через трое суток вышли в море. Проплыли часа четыре, развив скорость до 11 узлов, опять же без мотора и повернули обратно. Включили двигатель. С парусами развили скорость до 16 узлов, то есть почти 29 км в час. Обратная дорога заняла гораздо больше времени. Часто приходилось подключать двигатель. Кстати, встретили сегодня две плоскодонки с нашими волонтерами. Разминулись почти у устья Воронежа.

– Прекрасно, – заметил я. – Значит, они уже на месте.

Иван продолжил: – В пути никого практически не встретили, кроме нескольких лодок с рыбаками, которые спешили удрать на берег при нашем появлении. Это являлось при- скорбным фактом. Монголы разогнали половцев, обитавших в тех краях, а русские купцы остерегались плавать в Крым, отложив это до лучших времён, как, впрочем, и генуэзцы, и византийцы, торгующие с Крымом. Монголы напали на Крым весной этого года, и мы не имели информации о происходящих в тех краях событиях. Не было никаких сомнений, что там произошла резня местного населения и грабёж. Сомнительно, что купцы повезут туда что-нибудь, не удосто-

верившись в своей безопасности. Таким образом весь Дон, от устья до границ Пронского княжества, пустынен, как никогда.

Ну вот и чудненько, – отметил Теплов. – Значит, нам никто не помешает переехать на новое место.

20 июля. Среда. Позавтракали пораньше и уже в 8 часов начали погрузку на корабль. Опять все были в мыле. Руками перегрузить 240 тонн грузов это вам не фунт лиха! Участвовали все свободные от дежурства, полторы сотни человек. Однако управились до темна. Сегодня ещё раз переночуем.

21 июля. Четверг. Отплыли наконец-то в 8 часов. С нами почти вся рота Теплова, без одного взвода, 20 строителей, 30 пленных и мои люди. Без учёта уплывших на плоскодонках ранее, 97 человек. До устья Воронежа дошли за 10 часов, встретив по пути 3 раза лодки с рыбаками, которые при виде нас, спешили убраться подальше. Вошли в Воронеж и стали подниматься по течению вверх. Через 20 км разглядели большой костёр на берегу и причалили к этому месту в половине восьмого вечера.

На песчаном берегу лежали несколько, вытасненных на песчаный берег, лодчонок и наши две плоскодонки. С помощью вёсел и шестов развернулись кормой к берегу на рас-

стоянии от него 2 метра. В этом месте уклон дна составлял не менее 45 градусов и на этом расстоянии глубина достигала 2 м. Мы ещё немного попятимся, пока киль не коснется дна. Бросили якорь и дополнительно накинули несколько канатов, прикрепив

корабль к забитым в землю кольям. Только после этого скинули сходни и открыли ворота в корме. Я вышел из корабля и мне доложили, что всё в порядке. Личный состав уже установил палатки для всех и ждёт приказаний. В стороне стояли несколько оборванных рыбаков, наблюдая за нашими действиями. Я приказал начать разгрузку.

Вначале трюм покинули ГАЗ 51 и САУ. Затем начали вытаскивать доски и брёвна, уже подготовленные Тепловым для расширения своего лагеря в Данкове, но уже там не нужных. Мы договорились, что, покидая Данков, Теплов захватит и все брёвна из тына, ограждающего лагерь. Разгрузку прервал ужин, после которого работы решили прекратить. Я собрал в своей палатке командиров взводов и старшину, всего шесть человек. Во-первых, приказал обеспечить охрану лагеря целым взводом волонтеров, с дежурством в ГАЗ 51 при пулемёте и в САУ. Завтрак приготовить к 7 часам утра на корабле в камбузе и сразу после него, приступить к разгрузке. У капитана уже имелись ранее назначенные повара, входившие в экипаж судна. После этого отпустил всех.

22 июля. Пятница. Пока волонтёры и пленные разгружали корабль, я с командирами взводов и десятком бойцов охраны, обошли побережье, определяя, где нам лучше начать строительство лагеря. При свете дня я смог увидеть, что наша стоянка расположена на левом берегу Воронежа, где река образует широкую и длинную бухту в глубь территории, обусловленной впадающим в реку, пересыхающим летом ручьём.

Бухта вдавалась в этот овраг на полкилометра, делая незаметными, находящиеся здесь объекты. Берег с нашей стороны поднимался вверх, под углом 30 градусов, достигая в самом высоком месте 15-20 метров выше уровня воды. А вот на другом берегу Воронежа, подъём был отвесным и представлял из себя небольшие горы до 70-80 метров выше уровня реки. Наше место было уже тем хорошо, что его выбрали для себя, поселившиеся здесь рыбаки. Я уже рассмотрел их деревеньку. Имелось 12 землянок, в которых проживали люди пяти семей, родители и их взрослые дети с семьями. Всего 48 человек, что я позже насчитал. Шестеро стариков, 12 мужиков в возрасте от 20 до 50 лет, их жёны и 18 детей от 3 до 14 лет. Пока мы тут работали, все мужчины выплыли на лодках в реку и закидывали сети. Берег отчётливо выдавал ширину разлива реки.

На первый взгляд, половодье повышало уровень воды на

2-3 метра. Заметная граница максимального разлива в нашем месте простиралась вглубь суши на 3 метра, поскольку подъём достигал 45 градусов. Такой берег тянулся в обе стороны на 30 метров и представлял собой наилучшее место для причала, а вот дальше берег становился совсем пологим, и граница затопления отодвигалась на 20-30 и даже до 100 метров. Как раз на таком расстоянии от берега начинали расти деревья. Сначала мелочь – берёзы, осины, а ещё через сотню метров уже начинался настоящий лес. Здесь преобладал уже смешанный лес. Между прочим, в числе лиственных деревьев, огромная доля принадлежала дубам, среди которых попадались могучие великаны в 2 и 3 обхвата. Росли и сосны, и ели. Строить посёлок на самом берегу было бы опрометчиво, и я решил поступить, как в нашем Маргелово – защититься хотя бы 50 -60 метрами леса.

Мы прошли вглубь участка, имеющему незначительный уклон к реке, примерно, как и в Маргелово. Я принял решение – проделать проход среди деревьев длиной в 60 метров и начать с этого места вырубать лес для строительства посёлка. Мы прошли ещё метров пятьсот, обозначая границы будущего посёлка и вдруг наткнулись на небольшой участок вырубленного леса, площадью в 3 гектара, на котором колосилась рожь. За полем наблюдалась ещё одна деревенька. Мы подошли к ней. Получалось, что она расположилась на расстоянии километра от реки. Здесь, видимо, жили зем-

лепашцы.

Мы нашли примерно 15 землянок, окружённых небольшими огородами. Но людей не было, видимо они убежали, заметив наше приближение. Я посчитал, что эти люди нам не помеха, да и мы им вреда не принесём. Короче задача стала ясна –разгрузить корабль, устроить временный навес для грузов и немедленно начинать вылить лес. Я грубо набросал на тетрадке план участка, и мы вернулись к берегу. Вызвал бригадира артельщиков и поставил перед ним задачу. Один артельщик с бензопилой направился к лесу и начал спиливать деревья, обозначая проход шириной в 4 метра.

С ним принялись отпиливать сучья шестеро других артельщиков, вооружённые двумя двуручными пилами, топорами и ножовками. Ещё десяток артельщиков начали споро возводить бревенчатые стойки для временного склада. Волонтёры и пленные сгружали доски и брёвна. Я с ординарцем Арзамасом и его братом, подошли к землянкам рыбаков, и я спросил у одной из женщин, которая стирала одежду в корыте, о лесной деревеньке. Женщина поведала, что в самом деле, в лесу стоит деревенька, жители которой занимаются выращиванием зерна и с которыми они обмениваются рыбой.

Там живут 8 семей, общим числом около 50 человек. Все они поселились в этих местах всего лишь 10 лет назад и бы-

ло их совсем мало, но к ним постепенно примыкали новые жильцы, представляющие из себя убежавших от своих хозяев холопов. Они не платят налогов, а по своей бедности их не трогают забредающие в эти края разбойники, называющиеся бродниками, которые обитают гораздо ниже по течению. Бродники сразу покорились монголам и даже пошли к ним на службу, но не все. Некоторые занялись грабежами, нападая на южные границы княжеств, порой захватывая мелкие городки. Это сообщение вызвало у меня тревогу. Необходимо усилить охрану лагеря!

Я отправился в свою палатку и начал рисовать более подробную карту местности, применяя имеющуюся карту из атласа СССР. Будущий город Воронеж будет начинаться в этом месте и простираться далее вверх по течению. Разгрузкой занимались весь день с перерывом на обед и закончили в 20 часов. После ужина я вызвал командиров и сообщил им о наличии в этих местах бродников, которых следует опасаться. Я велел поставить САУ передом к лесу и наблюдать его через прицел ночного видения. В случае обнаружения опасности, немедленно разбудить меня и попытаться не поднимать шума, чтобы их не спугнуть, а уничтожить всех, чтобы ликвидировать риск последующих нападений. Сегодня ночью сторожить подступы от леса двумя взводами.

Бродники.

23 июля. Суббота. Ночь прошла спокойно, и мы продолжили разгрузку. Артельщики соорудили к вечеру временный склад с навесом над сложенными предметами. От леса отгородились небольшим забором из досок, высотой в полтора метра и длиной от реки до склада, где-то 200 метров. В заборе устроили промежуток в два метра, в котором поставили САУ. ГАЗ 51 поставили между складом и берегом в другой стороне. Получилась дуга обороны, длиной в 400 метров, прикрывающая палаточный лагерь.

23 июля. Воскресенье. И эта ночь прошла спокойно. Разгрузку мы почти закончили к обеду. Посредине лагеря воздвигли на брёвнах площадку с ограждением, высотой в 6 метров. Незадолго перед обедом на неё забрался наблюдатель с биноклем. Он то и заметил примерно в 13 часов каких-то людей в глубине леса с юго-восточной стороны. Это явно были не пахари, деревня которых располагалась на северо-востоке от нас.

Наблюдатель не стал поднимать шум, а доложил мне об увиденном. Я сообразил, что не сегодня, так завтра, следует ждать нападения. После обеда собрал командиров, и мы начали строить планы обороны. Несомненно, что бродники, живущие в нижнем течении Дона, могли к нам проникнуть только с запада. Мешающий им залив со стороны реки, за-

щитит нас с той стороны, так что нападение следует ожидать с юга, там, где у нас поставлен забор. Решили, что следует послать засаду, с целью обхода противника с севера и захода в их восточный фланг.

Существовала опасность нападения и со стороны реки на корабль. Скорее всего, бандиты нападут на нас с двух сторон – с реки и из лесу. Это, между прочим, облегчало нашу задачу по уничтожению всех врагов разом. На корабле я приказал установить ночью наблюдение за входом в узкую бухту с помощью прибора ночного видения. На случай нападения договорились включить прожектора и ослепив противника, тут же, включив двигатель, напасть на врага, используя огнемёты. В это время с вышки заорал часовой: – Тревога, к оружию!

– Твою же мать! Все планы полетели к чёрту!

Мы выбежали из палатки, и я заорал командирам: – Бегом, к своим взводам, приготовиться к отражению врага!

Я, держа в руках бесполезный пистолет помчался к САУ. Хорошо, что наблюдатель заметил опасность вовремя! С южной и восточной сторон, из леса выбегали вооружённые люди. К складам, которые представляли из себя вполне достаточную защиту своими стенами из доски сороковки, бежали

артельщики из леса. Пленные, бросив кладь кинулись туда же. Волонтёры, к счастью, бывшие при оружии, частью легли на землю, выставив винтовки, частью забежали за ГАЗ 51, закрывшись за его корпусом, а другие к забору. Спрятаться успели все, так как враги не могли стрелять из леса, где им мешали деревья. Однако выскочив оттуда, они начали пускать стрелы в сторону лагеря. Это во многом помогло нам собраться.

Те, 3-4 минуты, пока в нас стреляли, командиры, в какой-то степени, организовали обороняющихся и те успели прихватить щиты, лежащие рядом с маршрутом между кораблём и складом, подготовившись к стрельбе. Боковым зрением я заметил входивших в бухту множество ладей на вёслах, которые устремились к кораблю. Десятка три волонтёров успели вскочить в трюм, откуда им открывался путь на палубу, так что за корабль я мог не беспокоиться. Самое опасное происходило на земле. Выпустив несколько сотен стрел, не причинивших нам вреда, воткнувшихся в доски склада, продырявив пустые палатки, бродники кинулись на штурм. Их было несколько сотен.

Я заорал во всю силу лёгких: – Не стрелять без команды! Сам же кинулся к забору и начал следить за подбегавшими. Когда до них осталось примерно 30 метров, я вновь заорал – Огонь! -и выстрелил из пистолета в набегавших.

Бандиты, на бегу, продолжали стрелять из луков по забору и это принесло плоды. Несколько волонтёров получили ранения и сидели, и лежали на земле под защитой забора, утыканного стрелами. И тут волонтёры открыли огонь. Десятки винтовок и нескольких автоматов, пулемётов с вышки и из САУ, произведённые фактически в упор, свалили в первую же минуту сотню нападавших. Остальные, продолжая бежать по инерции, натыкались на пули и пачками падали на землю, роняя луки, копья и другое оружие. За одну минуту картина боя изменилась кардинальным образом.

На земле лежали, по крайней мере триста убитых и раненых, а уцелевшие, развернувшись, показали спины, в которые стреляли уже, как по мишеням. Некоторые бросались на землю, закрыв головы руками. Несколько человек, державшихся сзади, являвшиеся видимо командирами, увидев ужасающую картину разгрома метнулись за деревья. Я схватил из рук, стоявшего рядом волонтёра, карабин и начал отстреливать удирающих руководителей. К сожалению, деревья мешали целиться, но пару человек я срезал искомандовал – Вперёд! –

За мной цепью помчались до сотни волонтёров. На ходу, я приказал бежавшему рядом командиру взвода, остановить своих и разобраться с лежащими. Мы же погнались за убегающими. Командиры бродников не имели луков, и мы не

опасались напороться на стрелы. Они быстро выдохлись и рухнули на колени, моля о пощаде. Я приказал их вязать и вести в лагерь. В это время на реке развернулись следующие события: двадцать ладей войдя в бухту, гребя вёслами, приближались к кораблю. Они даже не торопились, уверенные, что корабль не сможет уйти от них, запертый в тупике. У команды было аж 10 минут на организацию отпора. Вскочившие в трюм волонтёры, закрыли ворота и сбросили в воду сходни. Одновременно, матросы подняли якорь.

Корабль был готов плыть. Включили двигатель и направились навстречу ладьям, из которых велась стрельба, но стрелы в большинстве ещё не долетали, падая в воду, а долетевшие не имели силы даже воткнуться в борт. Волонтёры и матросы, числом в сорок человек, открыли огонь по людям в ладьях. Застучал и пулемёт, как косой, валя за борт десятки бортников, прикрывавшихся щитами в тщетной попытке заслониться от смерти. Сметя экипажи десяти ближайших ладей, корабль подплыл почти вплотную, к уже начавшим бешено грести в сторону берега, пиратам. Капитан корабля прицелился из огнемёта и полоснул струёй огня по одной из ладей.

Второй огнемёт выплюнул заряд огня в другую ладью. Десятки загоревшихся людей выпрыгивали из ладей в воду. Корабль настиг убегающих и начал их топить корпусом. Ни

одна ладья не ушла, только несколько десятков людейплыли к берегу, но получив пулю, тонули. До берега добрались несколько счастливчиков и побежали к лесу, но их всех застрелили, не дав добежать до деревьев. Некоторые бандиты, из потопленных ладей, хватались за корабль и просили их пощадить. В некоторых ладьях остались живые и они стояли, подняв руки вверх, ожидая смерти или плена. Подплывая к очередной ладье, в неё спрыгивали два-три волонтёра и вязали живых, а потом брались за вёсла и гребли к берегу. Сражение закончилось в течении полутора часов.

Корабль, загрузив ещё 30 волонтёров, направился к устью Воронежа, чтобы осмотреться и проверить, нет ли ещё где прячущихся бортников. Уцелевшие ладьи подогнали к берегу и вытащили на песок. Пленных согнали в одно место и заставили сначала снять все доспехи, оружие и сложить в кучу. По месту сражения бродили волонтёры, добывая раненых, которые не могли подняться, избавляя их от мучений, а тех, кто мог передвигаться, гнали в общее стадо. Пленные Суздальцы раздевали и обыскивали убитых, снося всё найденное в одно место. Вылезшие из землянок рыбаки, до этого момента сидевшие там в страхе от скорой смерти, подошли к нам и попросили забрать с мёртвых одежду. Я разрешил и они, позвав своих жён, начали раздевать убитых почти догола. Только к половине шестого были закончены все работы по раздеванию и сбору оружия. У нас были потери, пятеро

убитых, из которых два волонтёра и три суздальца, восемь раненых, два артельщика и шесть волонтёров.

Пленных бортников оказалось 102 человека, среди которых 54 легко ранены. Взятые в плен живыми 3 главаря. Здоровых бортников заставили стаскивать трупы своих в одно место и затем рыть ров, для их погребения. Своих убитых, мы положили отдельно. Я корил себя за то, что не придал должного внимания к замеченным в лесу бандитам. Почему то, я думал, что они будут нападать на нас в ночное время, но не учёл, что бортники, обладая достаточной военной подготовкой, не побоятся напасть на нас днём, осознавая своё преимущество, более чем два к одному, а к тому же учитывая фактор внезапности. Да, жизнь постоянно вносит свои корректировки. Я, с командирами начал выслушивать показания главарей бортников. Мы уселись прямо на берегу, на брёвнах, пока наши люди занимались сбором оружия и материальных ценностей.

В первую очередь я спросил: – Все ли здесь или где-то прячутся ещё их пособники? Видя, что наш корабль отправился в сторону, откуда они прибыли, самый главный сообщил, что в пяти километрах ниже по течению, стоит их главный корабль – двухмачтовая галера. Почти все матросы галеры участвовали в нападении и там остались всего 30 человек для охраны. Они ждут сигнала, чтобы приплыть в бухту

за добычей. А больше никого нет, божился главарь. Почти все пленные говорили по-русски, но по словам главаря здесь присутствовали хазары, половцы, болгары, греки и несколько касогов. Мы выслушали их историю последних лет.

Бродники, сразу же согласились на все условия монголов и большинство их перешло на службу к последним, образовав специальный отряд в несколько тысяч воинов. А эти, скрылись от службы и переждав, пока монголы уйдут далее на запад, гоня перед собой половцев, вышли на свет божий и занялись грабежом уцелевших поселений византийцев, местных греков, алан и касогов, изредка поднимаясь вверх по Дону до русских поселений, угоняя с собой жителей и продавая в рабство в Крыму. Они оказались в положении отверженных, так как монголы не терпели в своих землях разбойников, и уничтожали их, без всякой жалости.

Тем не менее, добычи было пока что в достатке. Люди, пережившие нашествие, возвращались в места своего проживания и, оказавшись без защиты разорённых княжеств, не могли оказать должного сопротивления, чем бортники и пользовались. К ним приставали новые отверженные и беглецы. Вот и набралось их 740 мужиков, готовых на всё. Многие имели семьи, и они создали в дельте Дона несколько поселений, собираясь вместе, для нападений. В их послужном списке два захваченных городка на Руси, десятки разорённых

ных деревень и сотни проданных в рабство жителей.

Однажды им удалось захватить большую двухмачтовую, 60-ти вёсельную византийскую галеру, зашедшую в устье Дона и севшую там на мель. Корабль был купеческий и не оказал достойного сопротивления. Весь экипаж продали в рабство персам, а с купцов получили хороший выкуп. С этой галерой они совершали захваты других купеческих кораблей в Чёрном море, на ней устраивали рейды на южные княжества Руси. Они даже порой нападали на небольшие отряды монголов, уничтожая их поголовно и забирая их военные доспехи и лошадей. Короче, это были самые обычные бандиты, по которым виселица плачет. Я спросил, про нападение на нас.

Оказалось, что среди рыбаков, живущих непосредственно в месте впадения Воронежа в Дон, у них имеется осведомитель. Он заметил наш корабль, когда тот первый раз проплыл мимо них в Азов, а потом обратно. А совсем недавно оказался свидетелем прибытия двух плоскодонок с двадцатью военными. Он подобрался ближе и заметил, что они ставят палатки на большое количество людей. Тут же отправился докладывать

об этом событии. Как раз, так получилось, что бортники промышляли совсем рядом, грабя близлежащие деревни и собирались в набег на южные границы Пронска.

Прибытие «Оки», фактически совпало с прибытием бортников. С первого дня они наблюдали за нами, оставаясь незамеченными, ждали сбора всей своей банды. А сегодня, решили воспользоваться тем, что все мы заняты разгрузочными работами. Количество возможной добычи застало их глаза и они, практически без подготовки и тщательной разведки напали на лагерь. 300 человек нападали в ладьях и 370 из леса. Они были уверены в победе и поэтому даже оставили галеру с 30 гребцами в укромном месте. Главарь просил отпустить хотя бы их троих, обещая за это большие деньги. За всех остальных он не беспокоился. Подошло время ужина, и как раз вернулась «Ока».

За ней, на прицепе, тянулась, описанная бандитами галера. «Ока», маневрируя на вёслах и движителе, встала в прежнее положение, кормой к берегу. Сходни установили к корме и открыли ворота, а галеру отцепили и поставили рядом. С галеры сошли 30 наших волонтеров, помогавших во время движения вёслами. Из трюма «Оки» вывели десяток связанных пленников, которых подогнали к общей толпе бортников. Я распорядился об их охране, и мы приступили к ужину. Я с командирами и матросами ели на корабле, в кают-компании и выслушивал рассказ капитана Ивана:

– «Ока», выйдя на реку, отключила двигатель и по течению, слегка управляемая вёслами, двинулась к устью. Вы-

плыв за небольшой полуостров, заметили галеру, стоящую на якоре. Нас тоже заметили и на галере поднялась паника. Матросы кинулись выбирать якорь, но у них совершенно не было времени, уж очень близко мы оказались. Они успели поднять якорь, но не успели сделать и нескольких взмахов вёслами, как мы взяли их на абордаж. Часть из них кинулась к нам, размахивая мечами, а часть попрыгала за борт и поплыла к берегу. Мы дали залп по набегаящим, убив и ранив большинство из них. Выжившие бросили оружие и сдались. Несколько волонтёров подбежали к борту галеры и открыли огонь по пловцам. До берега никто не добрался. Раненых добили и выкинули за борт, сняв вооружение и обыскав.

В живых осталось 9 бортников. Мы проплыли до устья и, никого не обнаружив, вернулись к галере, зацепили её тросом и прибыли на место.

Поужинав уже почти в 10 вечера, мы вышли на берег, и я велел всех бортников загнать в трюм «Оки», чтобы было проще их охранять. Им передали пару сотен лепёшек, которые мы обнаружили в трюме галеры. Там же обнаружили сотню живых баранов и 40 свиней, а также сотни три куриц и гусей. Мы решили, что они подождут до утра и отправились спать. Я приказал устроить подъём в 6 часов утра.

24 июля. Понедельник. Ровно в 7 утра весь состав собрался на берегу. Из трюма «Оки» выгнали бортников и ве-

лели всем усесться на песок. Им выдали по лепёшке, а волон­тёрам дали задание закончить выгрузку. Артельщики отпра­вились валить лес. С нами остались 30 волон­тёров, да ещё с «Оки» на нас взирали 30 матросов Тепло­ва. Мы начали ре­шать, что делать с пленными? Командиры взводов предла­гали всех казнить. Я поразмыслил и предложил следующий расклад:

– Не будем жестоки сверх меры. Эти люди бандиты, но стать ими, их вынудили обстоятельства. Раньше они жили в своих селениях и занимались трудом, добывая пропитание. Но их жизнь поломали монголы, как и нам, между прочим. Я предлагаю отпустить всех раненых, потому что у нас нет времени и средств для их излечения. Пусть они плывут к се­бе, и мы передаём их судьбу в руки Бога. Кому суждено, тот доберётся до дома живым, а кому не повезёт – значит на то была Божья воля. Мы вернём им три ладьи, дадим пищи на 3 дня и по 2 здоровых человека в каждую ладью, чтобы оказать помощь, если потребуется. А вот здоровых мы оставим себе, потому что нам нужны рабочие руки. Они будут трудиться у нас и если будут стараться, то я даю своё слово, что отпущу их домой через 3 года, а может и раньше. Это следует про­делать немедленно.

Я подошёл к сидевшим бортникам и объявил своё реше­ние. Большинство приняли мои слова с восторгом, кроме

здоровых. Я прошёлся между бортниками и выбрал 6 человек, наиболее пожилых и тщедушных. Им я велел столкнуть 3 ладьи в воду и подготовиться к отплытию. А всех здоровых поднял и велел продолжить копать ров для погребения. Через полчаса все три ладьи, загруженные ранеными бортниками, отплыли. Я распорядился выдать на каждого по 10 лепёшек и по мешку зерна в лодку. – Доберутся!

Я, также, велел трём главарям передать через уплывающих, чтобы их родственники привезли выкуп за каждого из них – по 5 кг золота или равноценное количество серебра. Таким образом мы оказались собственниками 51 раба. Затем, с командирами взводов, мы занялись осмотром добычи. В трюме галеры нашлись почти 100 баранов, 40 свиней, птица около 300 штук. Всех животных и птицу, по сходям выгнали из галеры на берег, где те начали пастись под присмотром нескольких волонтёров.

Также выявили – 10 столитровых бочек вина, 40 мешков зерна, в основном рожь и ячмень. 200 копчёных окороков, столько же кругов колбасы, 30 мешков муки, горшки со сливочным маслом, кувшины с оливковым маслом, походную кузницу, к которой прилагались несколько сотен цепей с оковами, предназначенными для захваченных рабов. Нашлась и казна отряда. В сундуке, обитом железом, лежало 700 золотых динаров и 1030 золотых византийских солидов, 4200 се-

ребряных французских ливров, 12 тысяч дирхемов и опять же, до сотни золотых цепей, 54 перстня с камнями, золотые кресты с камнями, кинжалы, оправленные золотом, шлѐмы, серьги, браслеты. Всё это я, устав пересчитывать, сложил обратно и отнёс на «Оку», велел спрятать в каюте капитана. Разгрузка «Оки» закончилась и началась разгрузка галеры.

К обеду управились со всеми делами, в том числе и выкапыванием рва. После обеда я нашёл кузнеца в толпе бортников и велел ему заняться заковыванием своих собратьев в оковы. Всем им надлежало сковать ноги, с тем, что они теперь не смогут носить штаны, а только халаты. Нам ко всему достались более 600 комплектов вооружения, в том числе и очень дорогих- византийских, французских и монгольских. Около сотни бандитов утонули в доспехах, и я не стал заморачиваться их доставанием, предоставив эту добычу рыбакам. Кстати, на телах убитых нашли и сложили в общую кучу до трёх тысяч дирхемов и 420 золотых солидов, а также перстни, кольца, цепочки и т.п. Я даже не стал на это глядеть, а велел командирам взводов сосчитать эту добычу и поровну поделить между всеми волонтѐрами, оставив себе четверть от всех золотых монет, один перстень и толстую золотую цепь. Так что всеобщее ликование царило в лагере до отбоя. Пока кузнец заковывал бортников, мы предали земле своих убитых.

Для них отвели место перед лесом, вырубив здесь мелкие деревья. На пяти могилах поставили кресты, хотя двое убитых волонтеров являлись язычниками. Раненые находились на излечении в палатке, рядом со складом. К 17 часам оклаивали всех бортников, в том числе и самого кузнеца. Заставили их уложить убитых в четыре выкопанных рва рядами и засыпать землёй. Тем временем артельщики прорубили просеку шириной в 4 метра и длиной в 50 и приступили к вырубке собственно участка для лагеря. На этот раз, я приказал выставить несколько сторожевых постов в лесу, впереди нас, на визуальном расстоянии друг от друга. Постоянно в дежурстве находились 5 десятков волонтеров, а остальные работали.

Сваленное дерево распиливали на 9-ти метровые брёвна, которые тут же начинали освобождать от сучьев и коры. САУ выкорчевывал пень и волок в кучу, куда сваливались сучья и мелочь. После расчистки большого участка, всё это будет предано огню. Артельщики, попеременно работая бензопилой, валили по дереву каждые 4-5 минут и тут же переходили к следующему. Пленные бортники двуручными пилами распиливали поваленное дерево на 9-ти метровые отрезки, а Суздальцы топорами и ножовками отпиливали сучья и снимали кору. Работали весь световой день с перерывом на обед. За день свалили 220 больших и до 50 маленьких деревьев, освободив чуть менее гектара. Все пни выкорчевали,

а участок выровняли прихваченным бульдозерным отвалом, навесив его на САУ.

Филиал. Новостройка.

25 июля. Вторник. Начали работу в половине восьмого. Я, прихватив с собой одного из главарей, назвавшегося Пlosкиня, что поразило меня по аналогии с именем бортника, предавшего русских князей в битве на Калке. С тех пор прошло 15 лет, и этот человек не мог быть тем самым. Видимо просто тёзка. Однако я его спросил об этом. Оказалось, что ему знаком тот Пlosкиня, но к нему он никакого отношения не имеет.

Я взял с собой десяток волонтёров, и мы поплыли на одной из ладей к устью реки, разыскивая рыбаков, среди которых оказался стукач. Выйдя в Дон и свернув налево, вниз по течению, сразу же наткнулись на несколько рыбацких лодок, закидывающих сеть. Мы появились столь внезапно, что они, поняв, безысходность положения, просто стали ждать нашего приближения. Подплыв вплотную к одной из лодок, Пlosкиня крикнул:

– где Пихно?

Ему ответили: – На берегу лодку смолит.

Мы завернули к берегу, где за небольшим холмиком, замаскировалась рыбацкая деревня. Если не подплыть совсем близко, то её было не разглядеть. Рыбаки, причалив к берегу, оттаскивали лёгкие лодчонки за холмик, где в десятке землянок проживали рыбацкие семьи. Мы вышли из ладьи и направились к землянкам. У одной из них два парня смолтили перевернутую вверх дном лодку. Один из парней узнал Плоскиню и удивлённо взглянув на его ноги в цепях, бросил палку с намотанной на неё тряпкой и кинулся бежать.

– Стой, сука! – заорал я, но тот припустил ещё быстрее. Я вынул пистолет и выстрелил вслед, целясь в ноги. Парень свалился на землю, крича от боли. Мы подошли к нему, катающемуся по земле, обхватив раненую ногу ладонями. Я пнул его ногой, и он замер, с ужасом глядя на меня.

– Ты почему наводишь бандитов на мирных людей?

Пихно завыл, плача и начал быстро говорить, трясаясь от страха: – Не убивай, боярин! Бес попутал, пощади, век буду на тебя молиться!

Парень был лет 25 -27, довольно тщедушного телосложения, с жиденькими усами и бородкой. В это время, встревоженные выстрелом, из землянок вылезли несколько женщин

и глядели на эту сцену. Издали наблюдали за нами несколько детей. Второй парень, помогавший Пихно, куда-то исчез. Некоторое время я обдумывал, убить Пихно или оставить в живых?

Наобум спросил у какой-то женщины – Убить его? Она со страхом покачала отрицательно головой:

– Пожалейте его, у него мать совсем больная!

– Ладно, – сказал я Пихно. – Живи, но если я узнаю, что ты с нехорошими людьми связался, то не обессудь!

Пихно подкатился к моим ногам и стал их обнимать, неся полнейшую чепуху. Я, брезгливо отпихнул его, и мы вернулись к ладье. Я забрался туда и велел грести обратно. Ребята поставили парус, и ладья побежала веселее. До обеда я набросал примерный план посёлка, который показал своим командирам. Моя рота имела номер 5 и полностью состояла из Эрзя последнего призыва. Командирами взводов были Эрзя из сотни Микиша, по именам Парамза, Кечуш и Камай. Теплов командовал третьей ротой, в которой один взвод был из русских, тот самый, который являлся экипажем «Оки».

Присутствовал и бригадир артельщиков по имени Килибака. Я велел ему немедленно начать строительство учебно-

го корпуса, который временно будет и казармой, а возможно и столовой. Взяв с собой рулетку, мы пошли размечать план здания. Со мной был и Арзамас. Я всегда старался держать его при себе, чтобы он набирался ума во всех начинаниях. Мы разметили план стен и обозначили его флажками. Я посоветовал Килибаке вырыть небольшой котлован для устройств, если не полноценного подвала, то хотя бы цокольного этажа, чтобы разместить там котельную. Килибака уверил меня, что если я дам ему бортников, то они выкопают нормальный котлован.

Я согласился с ним, и он начал делать распоряжения. Следующим необходимым шагом, я посчитал устройство водопровода. Мы прихватили с собой два водяных электронасоса, но они не могли засасывать воду с большой глубины, а только в налив. Поэтому их нужно было ставить на уровне воды. Воду нужно подать в какую-то ёмкость, а уж оттуда качать насосом на высоту до 20 метров. Для начала необходимо определить глубину залегания воды, иначе говоря, выкопать колодец. Поскольку мы располагались не на много выше уровня воды, то наверняка грунтовые воды лежат не глубоко. Против учебного корпуса, примерно в 20 метрах, я приказал начать копать колодец, размерами два на полтора метра. Сюда приставили шестерых бортников. Все остальные 45 их коллег копали котлован под здание. Суздальцы, под руководством Арзамаса, начали сборку козлового крана, необхо-

димого для стройки.

У нас имелись два тельфера, грузоподъёмностью по 3,2 тонны. Они имели колёсики, но передвигать их можно было только вручную, зато подъём осуществлялся электромотором. Арзамас со своим братом Алёшкой, уже установили один дизель-генератор на 12 квт. Мы практически разорили склады в Маргелово, забрав все последние запасы кабеля -500 метров и 80 лампочек, оставив Судейкину 20 последних. Две 5-ти метровые трубы диаметра 200 мм и другие, меньших размеров, метров по 20-30. Кое-какой металлопрокат, 20 унитазов, 40 примусов и всего 5 керосиновых ламп.

Самым больным местом были электрические лампы. Они стгорали, а заменить было нечем. Через 6-7 лет их не останется вообще. Это касалось и кабеля, труб и т.д. Для козлового крана вкопали две опоры из брёвен по 14 метров высотой, а сверху уложили ещё бревно, квадратного сечения, получив П-образную конструкцию с пролётом в 11 и высотой в 12 метров. По верху квадратного бревна можно было перекачивать тельфер, висящий на колёсиках. Артельщики разделились на лесорубов и строителей, продолжая непрерывно валить лес. К сожалению, более половины гектара леса в день, освободить не удавалось, но и это было совсем не плохо.

Я, наконец, познакомился с жителями деревушки земле-

дельцев. Поняв, что мы не причиним им вреда, они вернулись в свои землянки. Эти люди были эрзя и они очень обрадовались, встретившись здесь со своими земляками. В деревушке проживали 16 семей четырёх родов. Конечно же 16 семейных пар, среди которых проживали и их родители, но людей старше 50 лет было всего трое. Старостой деревни являлся 53-летний, а по виду и на все 70 лет, мужик по имени Бурнай. Он знал русский язык и воевал против русских под командованием знаменитого Пургаса.

В 1228 году Пургасова волость подверглась опустошительному набегу Суздальского и Рязанского князей, которые жесточайшим образом истребляли мордву, уничтожали посеы и много людей угнали в рабство. Через год Бурнай ходил в ответный поход с Пургасом на Нижний Новгород. Пожгли посады, пограбили деревни, но город взять не удалось. А через короткое время на Пургаса напал мокшанский царь Атымас, в союзе с половцами и сильно пограбил Эрзя. Вот тогда и убежал Бурнай на запад к Воронежу, взяв с собой родственников и односельчан. Это произошло всего 10 лет назад.

С тех пор они тут и живут, скрываясь от всех. В 3-х километрах восточнее имеется еще одна такая же деревня его соплеменников. Там живут примерно 18 семей. В деревне Бурная детей до 16 лет имелось 21. А всего было 56 человек.

Дети старше 10 лет уже помогали родителям, а мелюзга 4-9 лет крутились у нас под ногами, мешая работать. Земледельцы почти всё время проводили в огородах, время от времени отправляясь на охоту, с корявыми луками и копьями, добывая то дикую свинью, то оленя.

Кабанов было очень много в округе, чему способствовали многочисленные дубравы, изобилующие падающими желудями. К раздеванию убитых бродников, пахарей тоже допустили и сейчас они все были одеты и обуты, как и рыбаки., да ещё и в запас набрали кучу одежды и обуви, которую мы побрезговали использовать, хотя комплектов 100, не сильно запачканных кровью, приберегли для пленных. Охотники, благодарные нам за одежду и спасение от бортников, принесли нам убитого лося, которого мы съели за 3 дня. Все мы работаем не покладая рук, нам надо обязательно к холодам построить себе жилище. Я немного тосковал по налаженному быту в Маргелово, по мягкой постели, цивилизации. Сколько я вложил своего труда в развитие посёлка, а теперь всё надо начинать сначала, к тому же в гораздо худших условиях. Наверно и волонтеры вспоминают с тоской о покинутых казармах.

Сейчас мы ночуем в палатках. Я в отдельной 6-ти местной, втроём, командиры взводов и старшины, в 12-ти местной, а все остальные в 20-ти местных. Ещё у нас имеется

большая палатка для общих сборов, палатка –изолятор для больных и палатка-столовая. Матросы ночуют и кормятся на корабле. У нас нет кроватей, и мы спим прямо на земле, набив мешки соломой. Несколько человек с помощью иглы шьют наволочки и матрасники из перкаля, чтобы набить их позже сеном, а по мере накопления –пухом и перьями. Как раз для курей сделали курятник с насестами. Куры разгуливают по посёлку, ища корм, а вечером забираются в курятник

Свиней и баранов пасут четверо волонтеров с карабинами. Лошади пока не обустроены и со спутанными ногами пасутся на побережье. Кровати сделаем из досок, их у нас должно хватить. Из камней и глины соорудили три большие печи, каждую на 2 котла, освободив походную кухню. 15 человек я определил для выделывания кирпичей из глины. Пока жарко, пусть сохнут. Ещё 8 человек роют яму для обжиговой печи. Кирпич нам будет необходим для устройства печей. Так что бездельничать некому. Рыбой нас бесплатно снабжают рыбаки, тоже в благодарность за одежду. Здесь ни у кого нет наличных денег. Все живут тем, что поймают или вырастят, в лучшем случае, обмениваются продуктами.

29 июля. Пятница. Ну вот уже и стали заметны плоды нашей деятельности. Выкопали колодец, глубиной 7 метров. Я велел копать до тех пор, пока вода не дошла до груди

копавших. Стены и пол обложили осиновыми брёвнами, до верха. Устроили пока «Журавль»— длинный шест с ведром на верёвке, типа шлагбаума. Сейчас несколько человек строили водонапорную башню высотой в 12 метров. За 3 дня удалось устроить пилораму из электромотора и одной круглой пилы диаметром 120 см, что позволит пилить брёвна диаметром до полуметра. К сожалению, диск был только единственный.

Но нам не нужно пилить брёвна, у нас достаточно досок. Нам потребуется пила для изготовления тонких досок из толстых, или каких-то особых. Как раз такой момент наступил, так как я предложил изготовить ёмкость на башню из дубовых досок. Вообще, по моему приказу мы не стали трогать дубраву, площадь в гектар, находящуюся на территории, запланированной под посёлок. Я хотел устроить там парк отдыха. Но пришлось спилить там пару деревьев. Ёмкость водонапорного бака определили в 10 кубометров. Работяги вырыли котлован под здание, глубиной 2 метра.

Укладка фундамента, он же и стены подвальных помещений ещё не начаты. Первая партия кирпича будет готова только завтра. Я запланировал выложить фундамент из кирпича, подняв его над уровнем земли на полметра, а все три этажа из брёвен, которых уже было достаточно. Я не разрешил применять куриные яйца в пищу, а собирать их, чтобы

добавить их в качестве связующего в раствор для кирпичной кладки, так как у нас не было извести. Каждый день куры давали до 250-300 яиц. Пока строители подтаскивали к месту стройки брёвна и доски. Сразу же выпиливали в брёвнах проёмы для дверей и окон. Оконные рамы уже начали изготавливать, применяя плёнку в два слоя. Плёнку я велел ценить пуще золота, она была невосполнима. Сразу же начали копать траншею для отвода канализации от здания. Перед началом защитной лесополосы разметили место для септика и начали копать. Копали и под водопровод от башни к зданию. По расчётам, все запасы труб уйдут у нас на обвязку только этого здания. Керамические, мы, конечно, можем ещё сделать, но металлические на исходе.

На плане я разместил уже склады для отдельных видов имущества, конюшню, хлев для скотины, курятники, боксы для техники и т.п. С планом я ознакомил бригадира строителей, и он одобрил его. Кстати, вчера приплывали рыбаки из деревни Пихно и подарили нам центнер рыбы, видимо, чтобы задобрить нас из-за действий своего родственника. По их рассказу, Пихно всё ещё болен, но уже начал немного передвигаться, сильно хромая. Пулю ему извлёк местный знахарь, живущий неподалёку в лесу. Я заинтересовался этим фактом и попросил показать место, где тот обитает. Рыбаки объяснили, как его найти. Я решил незамедлительно посетить его, как раз сегодня. Взял с собой

Арзамаса с Алексеем, десяток волонтеров и старшину своей роты Инжевата. Следовало пройти от нас 3 км по лесу на восток. Мы пошли пешком.

По дороге я беседовал с Инжеватом о жизни. Кстати, я спросил, его – Не против ли он, если я его буду называть Женя, конечно, только при разговоре без посторонних? Он был не против. Я, между прочим, уже договорился с командирами взводов, что буду называть Парамзу -Парамоном, а Кечуша- Кешей. А вот для Камая нового имени не придумал. Через 25 минут добрались до землянки знахаря. К нему вела тропинка от деревни рыбаков, это ещё дальше на восток. Мимо землянки протекал тоненький ручеёк, который был в одном месте перегороден и там собрался небольшой водоём, выложенный камнями и глубиной полметра. Вход в землянку прикрывала шкура громадного волка, откинутаая сейчас в сторону.

Мы подошли ближе, и я засвистел какую-то мелодию. Из землянки показался мужчина, лет сорока пяти, весь заросший бородой и усами. Зато голова была выбрита до блеска. Он, не говоря ни слова, посмотрел на меня, на сопровождающих и остановил свой взгляд на мне, поняв, что я тут главный.

Я сказал – Мир тебе, человек!

Он ответил – И тебе того же!

Я спросил – Ты умеешь лечить людей?

– Умею-ответил он. – А ко мне пойдёшь?

Он ответил: – Я знаю, кто ты. Но почему ты зовёшь меня? Меня гонят отовсюду. Я не верю в нового Бога, поэтому меня даже хотели убить в Муроме, но я сумел убежать. Всего 7 лет назад я поселился в этом месте. Никого не трогаю, никому не мешаю. Если кто-то приходит ко мне с жалобами, я помогаю чем могу. Оставьте меня здесь.

Я ему отвечал: – Мне безразлично в кого ты веришь, или вообще ни в кого не веришь. Мне очень нужен человек, который может помочь больным и раненым. У меня 8 раненых в бою. Если ты можешь им помочь, то я прошу тебя это сделать. Я не останусь неблагодарным. Более того, если ты захочешь и в дальнейшем мне помогать, то можешь остаться у нас жить. Я дам тебе настоящий дом и не оставлю голодным.

Мужик ответил – Я не один. Со мной живёт моя жена, которая мне помогает и две девочки сироты.

– Ничего страшного, – сказал я. – Я приму вас всех, но лечить раненых мне нужно немедленно.

Мужик кивнул мне – Хорошо, я иду с тобой. Он крикнул в землянку – Молчана, собирайся! Подождите, я сейчас, – сказал он и скрылся в землянке. Через короткое время из землянки вышел знахарь, его жена и две девочки 12-13 лет. У знахаря через плечо была перекинута сумка, видимо с инструментом или лекарствами. Мы отправились к нам.

Я спросил, как его зовут. – Мизгирь-ответил он.

Мизгирь рассказал, что сам он из Муромской земли. Его отцом был волхв, который учил его премудростям врачевания и заклинаний. Отца его убили, когда ему стукнуло 14 лет. Сам он прятался в лесу, выходя изредка к людям. Потом прибился к одной деревеньке, где лечил людей используя знания, полученные от отца. Лет 15 прожил в этой деревне, женился, родили детей. Но дети умерли. Жену он учил всему, что знал сам и она охотно всё перенимала. Потом в деревне построили церковку и туда пришёл священник, который начал преследовать парня. Люди не могли его защитить, а однажды поп натравил на него жителей, обвинив в колдовстве.

Он едва сумел убежать с женой. Они опять скитались несколько лет, пока не осели в этом месте около 7 лет назад. Год назад встретили двух сестёр, убежавших от монголов,

разоривших их деревню на реке. Приютили их у себя и теперь учат своему ремеслу, а они помогают им.

Так, беседуя, мы дошли к себе. Я провёл всё семейство к палатке-лазарету. Мы все вошли внутрь и огляделись. На, в спешке, сколоченных нарах, лежали 8 человек, один из которых, видимо в забытьё, стонал. Я назначил сюда одного из Суздальцев, мужика в годах, который уже много лет служил у князя Ярослава и участвовал во многих битвах, где и научился помогать раненым. Всё, что он мог – это подать пить и сменить повязки. Знахарь и его жена стали осматривать раненых. Я стоял у входа, наблюдая за ними. Через некоторое время знахарь объявил:

– Вот эти шестеро скоро вылечатся, а вот эти двое – не уверен. У первого рана загноилась, и краснота поднялась выше, а у второго, он показал на молодого волонтёра, стрела попала в глаз и наверно задела мозг. Тут уже ничем не поможешь.

Я слушал его и ругал себя последними словами. Это моя вина, не доглядел. Но что я могу сделать? Первому я могу помочь. Воспаление можно убрать антибиотиком, и он у меня есть в таблетках и в ампулах. А ранение в мозг ничем не вылечишь. У меня слёзы навернулись на глаза. Я подошёл к стонущему волонтёру и встав на колени у его постели, взял его голову и обнял. – Прости парень! -Я поднялся и вышел.

Пошёл в склад, достал ящик с эмблемой красного креста и вынул из него несколько ампул пенициллина и стерилизатор со шприцами. Зашёл на кухню и налил в стерилизатор кипятку. Подержал некоторое время, потом вынул шприц и всосал в него пенициллин с новокаином.

Вернулся в палатку, где лекарь со своими помощницами хлопотал над ранеными. Постоял над раненым, соображая, куда сделать укол, в ягодицу или около раны в ногу? Решил, лучше в ногу. Развязал повязку и вколол тому укол прямо в красноту ноги. Знахарь с недоумением наблюдал за моими действиями. Я, без слов, набрал в шприц новокаина и подойдя в умирающему волонтёру, вколол ему укол в руку. Хотя бы боль снять у человека!

– Занимайтесь больными – сказал я Мизгирю. Всё, что нужно – обращайтесь к этому человеку, – показал я на дружинника, а если он не может решить вопрос, то прямо ко мне. Я вышел и направился к стройке. Подозвал к себе прапорщика Парамона и велел ему поставить 6-ти местную палатку для лекаря.

5 августа. Пятница. Неделя промчалась незаметно. Всю неделю 19 артельщиков непрерывно укладывали фундамент, толщиной в два кирпича. Каждому я приставил помощника, чтобы тот подавал кирпичи и раствор. Работая

весь световой день уложили более 90 тысяч кирпичей, устроив подвал глубиной 2 метра, площадью 500 квадратных метров. Одних только яиц ушло на раствор более 5 тысяч. Теперь дело за брёвнами для стен. Выздоровели раненые, кроме одного, которому я колол пенициллин.

Он ещё лежит, но ему гораздо лучше. Умер волонтер с раной в голову. Мы похоронили его с почестями. Всё это время знахарь с помощницами ухаживали за ранеными и жили в палатке, где им очень понравилось. А бесплатная кормёжка и отсутствие необходимости готовить пищу и добывать продукты, устранила все сомнения. Однажды они сходили до своей землянки и забрали все свои вещи в палатку.

Им поставили ещё одну палатку – для приёма больных. Среди нас больных не было, но я разрешил местным жителям обращаться за помощью к нашему знахарю. Известие о его переезде уже достигла ушей всех жителей региона. К нам часто приходили совершенно чужие люди, чтобы подивиться на растущий из ничего, посёлок. Весть о разгроме бортников облетела всю округу, что позволило аборигенам несколько расслабиться и почувствовать себя защищёнными.

Мы, неожиданно для себя, обнаружили, что эти места весьма многолюдны, просто люди умеют прятаться, если им грозит опасность. Одним общим характерным признаком

местных, в радиусе многих десятков километров, являлась их бедность. Я уже упоминал, что наличных денег здесь никто даже не видел. Особенно тяжело стало с момента прихода монголов, разоривших и уничтоживших все населённые пункты, обладавшие хоть каким-то достоянием и живших оседло на виду у всех. Интересен факт, что на берегу реки, прямо перед нашими временными складами, пользуясь безопасностью, предоставленной нашим присутствием, стихийно возник рынок, куда местные жители стали привозить свои немудрёные изделия и продукты для обмена.

Некоторые торговцы поставили шатры и ночевали в них, практически образовав небольшой городок на 15 шатров. Быстро возникли причал для лодок, трактир под навесом, коновязь, торговые ряды из досок, выпрошенных у нас. Я даже договорился со старшиной рынка о совместном строительстве нормального причала для достаточно крупных кораблей, и мы уже строили его, чуть дальше в бухту. Я рассчитывал устроить в том месте склады для прибывающих с кораблями товаров, как и следует быть в настоящем портовом городе, в который должен вырасти наш посёлок. Я уже назвал его Воронеж и это название начало приживаться в округе.

Мы закончили строительство водонапорной станции. Как и в случае Маргелово, на самом верху водонапорной вышки, вокруг ёмкости, устроили наблюдательный и оборонитель-

ный пост. На девяти, вкопанных в землю брёвнах, на высоте 12 м, расположилась площадка, размерами 6х6 м, с баком внутри. Стены из досок сороковок с амбразурами в 4 стороны, оцетинились пулемётами. На вышке имелась рация с вытянутой антенной на ближайший дуб, давшая возможность связи с Маргелово. Были также прибор ночного видения и четыре автомобильные фары с аккумуляторами, включавшимися по ночам на короткие промежутки времени. На посту постоянно дежурили четверо волонтёров. Эта вышка, явилась предметом моей гордости. Её покрасили в ярко-зелёный цвет, а над ней развевался шёлковый флаг с эмблемой ВДВ.

Вышку было видно чуть ли не с Дона, так и с вышки, видимость была прекрасной. Никто не мог подойти к нам незамеченным. Пока что мы пользовались водой из башни непосредственно от крана под ней. Насос качал воду в ёмкость до тех пор, пока она не начинала выливаться из переливной трубы. Тогда часовой отключал насос. Единственным недостатком системы была необходимость заполнения системы водой перед включением, так как насос не мог всасывать воду из колодца через пустые трубы.

Но это выполнялось наливанием воды из присутствовавшего здесь же крана от башни. Колодец, после пуска башни в эксплуатацию, надлежало надёжно прикрыть, для недопу-

щения отравления его недоброжелателями. Мы освободили от леса территорию в 7 гектаров и своими силами, под руководством двух строителей начали ставить основной склад из брёвен и досок, для хранения имущества, лежащего сейчас под навесом перед лесополосой у берега. Дежурившие там часовые, постоянно отгоняли любопытствующих, желающих поглядеть, что за диковинные вещи прячем мы от местного населения и эта кутерьма нам была не по душе.

Базарным днём был четверг и в этот день нас посещали несколько сот человек с округи и это было только начало, ведь ещё не все узнали о нас. Вчера я принял решение снять оковы с Суздальских пленных, объявив им, что уже не считаю их врагами. Они с огромной радостью восприняли этот дружественный акт. А вот бродники оставались закованными. Я, между прочим, имел беседу с некоторыми из них, в частности с двумя бывшими византийцами.

Я спросил их – Кто населяет Крым? По их словам, Крым принадлежал Византии, но в последнее время, практически был независим от него. Население составляли славяне, греки, армяне, готы, половцы, черкесы, евреи и др. Всё восточное и южное побережье принадлежало генуэзцам, а на юго-западе располагалось самостоятельное княжество Феодоро, союзное Трапезунду, государству, образованному на осколках Византии. Монголы вторглись в Крым в прошлом го-

ду и захватили весь север и центр Крыма, но пока ограничились этим. Перед нашествием монголов, на Крым напали турки-сельджуки и захватили город Судак, разгромив при этом союзников византийцев – русских и половцев. Эти двое убежали тогда и нанялись в дружину бортников, сотником в которой являлся Плоскиня, а главный воевода был убит в сражении.

Из их рассказа я почерпнул, что для прохода в Чёрное море, мне понадобится пересекать керченский пролив, принадлежащий и контролируемый империей Трапезунд. В настоящее время императором Трапезунда являлся 21-летний Мануэл I. Я знал, что те края тоже будут завоёваны монголами, но не помнил точной даты. Мы могли бы помочь Трапезунду в борьбе с Иконийским Султанатом, но не желательно было вступать в противоречия с монголами. Так что цель остаётся прежней – Никейская империя и Константинополь.

12 августа. Пятница. Местные хлебоборбы собрали урожай зерновых, а в Маргелово это случится на неделю позднее, климат не тот. Вчера к нам прибыла ладья, от семей, оставшихся в живых троих сотников бродников, которые трудились для нашего блага. Их представляли престарелый дядя Плоскини и отцы двух других пленных. Они привезли выкуп – 15 кг золота в форме кубков, чаш, церковных крестов, перстней и цепей, скорее всего из ранее награбленных

ценностей. Договор дороже денег, я вызвал всех троих и передал посредникам. Все трое пленных были вполне здоровы и не имели к нам претензий по поводу плохого содержания. Я предупредил их о необходимости воздержаться от нападений на нас и наших соседей. Меня заверили, что они всё понимают и никогда не забудут о моей доброте.

Я велел снять с них оковы, и они удалились. Однако это было не всё. С ними прибыл представительный мужчина, назвавшийся главой общины бродников низовья Дона, что-то вроде непризнанного князя. Он сообщил, что имеет ко

мне поручение от родственников, пленённых нами, рядовых бродников. Он поинтересовался, какую цену я возьму за освобождение остальных пленных? Я запросил по 10 гривен за каждого или равноценную сумму в любой другой валюте. А ещё я сообщил, что если они отработают у меня до следующей осени, то я отпущу их бесплатно.

А сейчас он может сам посмотреть на условия содержания пленных. Их не мучают, кормят. Всё что от них требуется –это помощь в строительстве укреплённого поселения на 5 тысяч воинов. Я специально загнул такую цифру, чтобы эта новость распространилась повсюду и не дала бродникам надежды на попытку освобождения пленных вооружённым путём. Мужчина, имя которого было Чурило, согласился со мной, и я провёл его к объектам строительства. Бывшие пираты отработывали свои грехи ударным трудом. Чурило поговорил с несколькими пленными. Я стоял в стороне и не вмешивался в разговор. Чурило освободился и вновь подошёл ко мне. Спросил – Если мы привезём выкуп, я освобожу пленных немедленно? Я подтвердил своё обещание. Чурило добавил: – Не у всех родственников наберётся указанная сумма, возможно для этого понадобится некоторое время, хотя община поможет чем сможет. Прибывшие раненые сообщили имена выживших родственникам и те будут прилагать усилия в поисках средств.

Я заверил Чурило, что буду отпускать пленных немедленно, по получении выкупа и могу подождать, у меня есть время. Чурило тоже удалился. Но за ним ко мне подошли четверо женщин с десятком детей и, встав на колени, стали умолять меня оставить их здесь, чтобы ухаживать за своими мужьями и быть с ними рядом. Я в уме усмехнулся:

– Настоящие жёны «декабристов» 13 века. Какая верность и самоотверженность! Ладно, согласился я. Раз уж вы такие любящие, то я пойду вам навстречу. Я ценю подобную искренность. и уважаю вас за этот шаг. Для вас поставят 4 палатки, в которых вы поселитесь. Но я вас тоже заставлю работать. Одна из вас будет заниматься детьми, а три других выполнять мои указания, потому что вы должны заработать на своё содержание своим трудом. Вечером я буду отпускать ваших мужей к вам на 2-3 часа, но ночевать они будут обязаны со своими коллегами, если можно так выразиться. Если вы согласны, то оставайтесь, а если нет, то ладья ещё ждёт вас.

Они согласились остаться и пытались обнимать мои сапоги, но я не позволил. Меня в самом деле поразила такая привязанность этих молодых женщин. Им было не более 25 лет, а самому младшему ребёнку от силы полтора года. Я указал, стоящему рядом старшине:

— Женья, поставь 4 шестиместных палатки для этих героических женщин. А вы, следуйте за ним.

Я же отправился поглядеть на наши успехи. Общими, с работниками торго, усилиями, закончено строительство пристани. В дно реки были забиты десятки свай из брёвен, на которые уложены наши доски. Причал протянулся вдоль берега на сто метров, имея ширину 5 метров и переходил плавно в сушу берега. Наши корабли и ладьи занимали крайние позиции в глубине залива. Мы со старшиной торго договорились, что он будет взимать с ладей по 2 ногаты в день, а с кораблей побольше по 4 ногаты за стоянку. Простые лодки обычно приставали к берегу, и хозяева вытаскивали их на сушу. Между тем в стороне от торго появились первые землянки, заселённые работниками торго – грузчиками, постоянными торговцами, перекупщиками, охранниками, сторожами и т.п.

В них появились женщины и дети. Я не препятствовал этому, но предупредил, чтобы дорогу к причалу от лагеря держали свободной от строений по 20 метров в обе стороны и не застраивали территорию напротив нашей стоянки. С установкой антенны, я поддерживал связь с Данковым и Маргеловым. Даже несколько раз пообщался со своими девочками. Строители уже выложили стены учебного корпуса и занимались возведением крыши и внутренней отделкой.

Здание по высоте конька достигала 11 метров. Каждый этаж имел высоту до потолка в 2 с половиной метра. Суздальцы строили склады против нашего причала. Остальные строили конюшни, хлев, птичники, гаражи, склады. Лесорубы вырубили уже 11 гектаров леса. По плану, пока ещё, освободили полосу шириной 800 x 130 м и продолжали её расширять. Все помещения занимали первые 20 метров полосы, ближе к реке. Планировали расчистить площадку 800x800 м для будущего посёлка, по аналогии с Маргелово. Разметили площадку для строительства бани и клуба.

21 августа. Воскресенье. До ближайшей церкви более 200 км. Мы не ходили на службу полтора месяца, но это никого не волнует. Сегодня разрешил устроить выходной день. Как раз вчера к вечеру, закончили баню и сегодня люди, по очереди моются. До этого мылись прямо в реке. Баня большая -24x8 м. Два зала, из которых поменьше – женский. Раздевалки, парные, кладовые для тазиков, помещение для персонала – всё по уму. Чтобы использовать рационально площади посёлка, все помещения строим в три этажа. Поэтому над баней два этажа. Второй этаж отвели для клуба, а третий для школы, с тремя помещениями для классов и одно для учительской и школьных пособий. Я собирался законодательно подчинить себе все, окружающие посёлок деревни, в радиусе до 5 километров и заставить родителей отпускать своих детей, в возрасте от 6-7 до 12 лет, в школу. Террито-

рию эту, я намеревался объявить свободной от власти любых княжеств и подчиняющихся лишь «Совету десяти».

Наконец-то закончили строительство учебного корпуса, конюшен, хлева, складов, бани, клуба, гаражей и взялись за строительство казармы на три роты волонтёров. Это будет здание П-образной формы, в средней части которого разместится штаб, руководящие органы посёлка и комендатура свободной территории. Всё имущество из временного склада перед лесополосой, ограждающей посёлок от пристани и стихийного рынка, переместили в постоянные склады, а оставленные помещения передали администрации торгова, где они тут же создали свои склады, отдаваемые в аренду. Я уже известил все, окружающие нас населённые пункты, об их новом статусе «Свободной территории», подчинённой пока, лично мне и о необходимости обучения детей в школе с 1 сентября.

Не всем, наверно, понравилось известие о закреплении местного населения под властью неизвестного «Совета десяти», но пока ещё, с них не начали собирать налоги и заставлять работать на барщине, народ решил ждать, чем всё закончится. О своём решении я сообщил в Маргелово, и Судейкин ответил мне, что согласует мои действия с князьями. Я также передал ему, что необходимо объявить всё население нашего округа свободным от холопства, а всех бывших

холопов, бежавших от своих хозяев освободить от преследования. Судейкин обещал решить этот вопрос в скором времени. Он вообще хотел отменить институт холопства во всех княжествах, зависящих от Рязани, но эта проблема наверняка потребует значительных усилий и времени.

Маргелово. Похищение.

После отбытия Вождёва, в посёлке стало гораздо свободнее. Продолжалось расширение территории за лесополосой. Предприятия выпускали примусы, брикеты топлива, доски и деревянные изделия, керосин и нефтяное масло на рынок. Корабль занимался перевозом товаров. Волонтёры учились, устраивались манёвры. На освободившиеся места в казарме пригласили всех 200 волонтёров из Коломны. Их надлежало научить обращаться с огнестрельным оружием, так как «Совет десяти», приняв решение, довести количество стрельцов до 1000 человек, по количеству имеющегося оружия на складе. Был собран хороший урожай, но гораздо меньше планируемого. Погода в этом году подкачала. Тем не менее, урожай нашего экспериментального зерна даже превысил общий урожай обычных культур.

Наши зерновые с 60 га дали гречки и пшеницы 186 тонн, против 156 тонн обычных со 195 га., то есть урожайность наших зёрен превысила обычные в 4-5 раз. А картофеля, хоть

и ожидали его вдвое больше, собрали всего 560 тонн, из которых 60 тонн решили пустить в пищу, а остальное посадить в следующем году вместо зерна, которое можно сажать уже только наше, на вновь освобождаемых территориях. Предполагалось, что в

следующем году мы будем иметь до 300 га пашни. Для этого мы оставили для посева 200 центнеров нашей гречки, 200 центнеров пшеницы и 300 тонн картофеля, не учитывая незначительного количества кукурузы и подсолнечника, для которых отводилось по 1 га. Для тыквы и кабачков запланировали 5 га и для остальной

мелочи- помидоров, баклажанов, перца всего 1 га. Оставшегося нам должно было теперь хватить на прокорм более чем нужно. Но вновь мы решили есть только местные зерновые, а наши складировать до следующего года. мало ли что?

Мы начали получать небольшой доход от своей деятельности. К концу августа, от продажи керосина, примусов, досок и т.п., а также фрахта корабля получили 182 гривны, что с лихвой окупало все затраты на производство. Если дело пойдёт так дальше, то мы станем рентабельными. Но следует учесть, что со следующего года мы будем платить налоги в казну княжества Пронского, к которому мы относились территориально. Половину этой суммы заберёт Рязань, как участник совместного предприятия по обучению волонтеров. Со сбором урожая, возобновилось строительство кот-

теджей внутри посёлка. По плану к следующей посевной выстроим их примерно 25-30. Между тем, в посёлок прибыло ещё 16 семей специалистов разного профиля, нанявшихся самостоятельно, поскольку слухи о хорошем заработке и добром отношении к рабочим начали растекаться по княжеству.

К счастью, свободных коттеджей пока хватало, тем, более, что семьи 20 артельщиков предполагалось выслать за мужьями в Воронеж. Туда же пошлём ещё одного кузнеца, плотника, каменщика, печника и наших наложниц. Судейкина весьма заинтриговало предложение Вождёва, объявить свободной зоной, территорию Воронежа. Очень сомнительным выглядело решение вопроса об освобождении осевших в Воронеже беглых холопов, а также 20-ти наложниц, которые до сих пор являлись собственностью боярина Кобылы. Такой вопрос надо решать уже в масштабах всего княжества. Вот будет крика в боярской думе! Надо ехать в Рязань и собирать думу и решать этот вопрос хотя бы на уровне одного княжества. Судейкин оповестил князя Ингваря о своём приезде и необходимости собрания боярской думы полного состава. Назначили собрание на 25 августа.

25 августа. Четверг. Судейкин поехал в Рязань с Иманкуловым и двумя десятками волонтёров. Для этого воспользовались ЗИЛ131. Автомобиль уже не вызывал панического

ажитожа у жителей, но всё равно к нему относились с опаской. Машина въехала в Рязань, но узкие улицы были мало приспособлены для езды по ним и поэтому ЗИЛ остался снаружи стен, под охраной десятка гвардейцев – так мы стали называть тех 32 воинов эрзя, из прибывших с Микишем и Кежаем. Эти люди умели водить машины и САУ, стрелять из пулемёта и пушки. Они слыли самыми надёжными воинами в нашей армии, включая ещё 12 женщин, которые сейчас, по причине наличия детей, в наших разборках не участвовали. Собрание началось в 12 часов дня.

Ингвар радушно принял нас и лично привёл в собрание, указав мне и Иманкулову места на скамейке среди бояр. Присутствовали и Кобыла, чьи холопки исполняли обязанности наложниц у курсантов, председатель главного собора, отец Варсонофий и сам, епископ Муромский и Рязанский Ефросин Святогорец. Выслушали доклад одного из бояр по сбору налогов с нынешнего урожая, который в этом году оказался несколько ниже прошлогоднего. Другой боярин отчитался за расходы казны, в том числе и на содержание 300 Рязанских волонтеров, также на помощь Маргеловскому отделению.

После них князь предоставил слово Судейкину. **Судейкин:** – Я встал и сообщил, кстати, о расходах на наше подразделение – мы принесли больше прибыли в результате раз-

грома Суздальцев, чем убытков, поэтому об этом не следует забывать. Я хочу обратиться к думе со следующим предложением: в настоящее время достаточно много беглых холопов обретаются в местах, не подвластных Рязанскому княжеству, и занимающимися деятельностью, не приносящей пользы своим бывшим хозяевам.

Вернуть их нет никакой возможности и поэтому, не почитает ли дума возможным, объявить их свободными, учитывая, что мы найдём им достойное применение, позволяющее принести большую пользу и прибыль княжеству?

– Ого, как вскинулись бояре! Как так? Не можно так решать! Есть закон, о не подлежащем времени, возврате холопов прежним хозяевам. До самой своей смерти, они будут считаться собственностью хозяев и никакой альтернативы не может быть. Более того, решение об их освобождении подорвёт основы государственности и личной собственности, освящённой законами и церковью! Я вновь призвал бояр к логике – послушайте, ведь эти холопы всё равно недостижимы и, мало того, при попытке их возврата, прибегнут к вооружённому отпору, что повлечёт жертвы и большие государственные расходы, а возможно и гибели самих этих холопов.

Какой смысл считать их своими? Это совершенно неразумно. Подумайте сами – я предлагаю возможность вернуть

сотни, а может быть даже тысячи людей в лоно государства и церкви! Это ведь даст немалые деньги в казну государства и, в конечном счёте, вам самим! В дальнейшем последовала продолжительная перепалка. Высказался и князь, в том духе, что я даю дельный совет, который даст княжеству прибыль и новых подданных. Выступил и епископ Ефросин, призвав бояр проявить человеколюбие и милость к несчастным, приводя пример, что все эти холопы являются такими же христианами, как и здесь присутствующие. Эта склока продолжалась два часа, но нам удалось всё-таки убедить бояр в их недалёковидности и бессмысленности настаивать о признании прав собственности на отсутствующие объекты (холопов).

Это словесное сражение было настолько тяжёлым, что о всеобщем признании холопов свободными в целом по княжеству, не могло быть и речи. Я решил отложить этот вопрос на неопределённое время. Я понимал, что и решение об освобождении наложниц тоже не удастся протащить и решил этот вопрос решить полюбовно с самим боярином Кобылой. Покидая собрание, я шепнул Кобыле, что у меня есть к нему разговор. Я отпустил Иманкулова, предложив ему навестить Паруша, пока я буду уговаривать Кобылу дать вольную свои холопкам. Кобыла вышел следом, и я зашёл с ним в какую-то свободную комнату. Мы уселись на лавку у стены, и я изложил ему свою просьбу. Кобыла насупился и помрачнел.

– Нет! – сказал он. – Я не дам им вольную. Чего ради, я буду разбрасываться своим имуществом?

Я мог бы напомнить ему, что этих наложниц он выдал нам по приказу ханши Боракчин, послушаться которой он никак не мог. Но тут я понял, что мы сами виноваты, не потребовав в своё время купчей на владение имуществом. Ну что тут поделаешь? Придётся торговаться и покупать этих девушек. Я спросил, что он хочет за них? Кобыла, не будь дураком, запросил по 12 гривен за каждую, что составило 240 гривен – сумасшедшую сумму, равную содержанию роты волонтёров в течении года. Я был обескуражен. Слава Богу, хоть беглых холопов удалось отбить!

Хотя бояре принудили меня согласиться на составлении списка всех отпускаемых на волю холопов, с указанием их бывших хозяев. Я взглянул на свой перстень, который мне подарили возвратившиеся из похода в Баку волонтёры. Я понятия не имел о его стоимости, но был уверен, что стоит он дорого. Я снял его с пальца и протянул Кобыле – вот возьми за девок! Он взял перстень, и я заметил, как загорелись его глаза.

Кобыла произнёс: – Ладно господин лейтенант, только по дружбе, отдам тебе твоих девок. Заходи завтра за купчей. Я

не хотел задерживаться в Рязани и попросил его прислать купчую с нарочным. Мы распрощались, и я направился в сторону выхода. Я задумался, вспоминая отчаянную борьбу за свободу холопов и не услышал шагов сзади. Удар сзади по голове, и я отключился.

Судейкин: – Я очнулся, ощущая под собой дно телеги, подсакивающее на ухабах. Меня куда-то везли. Руки мои были связаны сзади, ноги тоже. Мало того, верёвка была пропущена между руками и ногами внатяжку, заставляя меня выгибаться назад.

Я перевернулся на бок и увидел вверху облака и опустившееся солнце. Видимо я был без сознания не меньше пары часов, если меня везут уже далеко за городом. Впереди маячила спина возничего, понукавшего лошадь. По одежде это был обычный простолюдин. – Очнулся? – услышал я сзади. Там скакали несколько всадников, вооружённых и одетых в доспехи. Я не ответил. Да и меня больше не спрашивали.

Через час мы заехали на какой-то двор. По увиденной мною макушке церкви, я понял, что это, скорее всего, монастырь. Телега остановилась. Меня выволокли из неё, и потащили в распахнутую дверь. Проволокли по ступеням в подвал и втолкнули в тесную клетку.

– Повернись спиной, – приказал один из стражей. Я по-

вернулся и тот развязал верёвки. Я тут же начал тереть и массажировать затёкшие конечности. – Посиди пока тут, объявил тот же страж и вышел. Я оказался в подвале, тёмном и душном. Имелось одно маленькое окошко в стене, настолько засиженное мухами, что через него едва пробивались лучи ещё не скрывшегося солнца. Помещение 8х6 метров, с рядами клеток вдоль стен, точно таких же, как и у меня. Размер клетки метр на метр, что позволяет усесться, но не лежать. В середине стол и два стула. На одной из стен висят какие-то предметы. Приглядевшись, я понял, что это орудия пыток – плети разной длины и толщины, какие-то железяки. Ну, я попал, наконец смог я начать мыслить.

Что же случилось? Я помню, шёл к выходу из терема, когда получил удар по затылку. Вот что значит не носить шлём! Берет -не самая надёжная защита от удара дубиной! Кто же меня приласкал? Клеток я насчитал аж 16 штук. Ещё одна клетка, третья от меня, была занята каким-то неопрятным типом, одетым в рваньё, но было видно, что его одежда не так давно была достаточно богатой. Его короткие волосы слиплись от грязи и крови, да и сам он был невероятно грязен, будто его валяли в болоте, а потом катали по пыли. Он сидел, отрешившись от мира, ничего не видя перед собой, уставившись в одну точку. Он не обратил внимания на моё появление и даже не изменил направления взгляда. Чокнутый- подумал я.

Рядом с ним сидел ещё один узник. Он был одет, как богатый купец или княжеский придворный. Он меня разглядел, но не произнёс ни слова. Ладно, подождём, решил я про себя и пошарил по своему телу. Ремень с кобурой и пистолет, штык нож, с которыми никто из нас не расставался, отсутствовали. Однако ждать пришлось долго. Всю ночь я провёл, скорчившись в клетке и даже поспал, но утром, затёкшая шея, дала о себе знать головной болью, усугублённой последствиями удара по затылку. Мой сосед, вроде бы немного отошёл и что-то бормотал себе под нос.

26 августа. Пятница. Я разобрал некоторые слова, типа – это не я, я не виноват. Другой безмятежно спал. Забрезжило утро. Мне захотелось по-маленькому, и я побрызгал через прутья решётки в сторону входа. Хотелось также пить. Почему-то часы, с руки у меня, не сняли, видимо не заметили через рукав гимнастёрки. Они показывали 8 часов утра. Но вот заскрипела дверь и в подвал зашли трое. Первым шёл здоровенный мужик, в фартуке, и голым торсом. Мускулы играли на его руках.

Боже мой! Его лицо чем-то мне знакомо! Я начал вспоминать. Следом зашёл монах в чёрном одеянии, а за ним человек, в обычной одежде горожанина, держащий в руках письменные принадлежности. Монах взял один стул и поставил его рядом с моей клеткой и уселся на него, сверля ме-

ня взглядом. Его глаза горели фанатичным блеском. Тот, который с бумагами, уселся за стол и разложил на столе свои предметы, приготовившись писать. Здоровяк тоже приблизился к клетке и смотрел на меня мрачным взглядом. Я никак не мог вспомнить, откуда он мне знаком.

Вдруг я заметил, что и он узнаёт меня. Тут меня осенило: – Ну как же! Трактир в Рязани, Беспалый, драка со здоровяком. Кажется, его кличка была Бугай? Или бык? Не помню. Да и какое теперь до этого дело. Самая подходящая работа для такого экземпляра.

Я сразу сообразил, что это кат –палач. И он будет меня катать, правда не известно за что. Видимо это зависит от моего поведения. Монах, буравивший меня взглядом, наконец-то раскрыл рот и задал мне вопрос:

– Ну что, сын мой, как ты себя чувствуешь?

– Не плохо—ответил я. – Но могло бы быть и хуже. Писарь застрочил по бумаге.

– А как же тебя величают, юноша—продолжил монах.

– Вадим-ответил я.

– А откуда ты прибыл в наши края?

Я начал рассказывать про остров Россия, но монах меня перебил:

– Говори правду, сын мой.

– Я и говорю.

– От чьего имени ты говоришь? – строго спросил монах.

– От своего, – это я.

Монах – А веришь ли ты в Господа нашего Иисуса Христа?

Я – Конечно верю.

Монах – А давно ли ты был на исповеди?

– Две недели назад, -соврал я.

– Врёшь! – Заорал монах. – Дьявольское отродье! Я всё про тебя знаю.

Я – А раз знаешь, чего спрашиваешь?

– Молчать! – Опять заорал монах. Он положил на стол мой пистолет. – Что это?

Я – Мой пистолет.

– Где ты его взял и у кого?

Я – Его сделали мастера на моём острове.

– Опять врешь! – Заорал монах. – Это дьявол тебя прислал и сам ты его порожденье. Нет таких вещей в Божьем мире. Эта вещь убивает людей издалека. Не мог человек придумать и сделать такое. Из самого ада принёс ты эту вещь. Она пахнет серой. Эта вонь ещё не развеялась у адского изделия. Я знаю, что ты служишь Богопротивному Батью, который и сам прибыл из ада с адскими слугами. Почему никто не может победить посланца Сатаны? Отвечай!

Я понял, что любые мои оправдания ничего не стоят и монах этот не поверит ни одному моему слову. Я – Почему вы меня держите здесь? У вас есть против меня конкретные обвинения? Я старюсь на благо Рязани. Только благодаря моим людям Рязань не уничтожили!

– Не ври! – Монах разъярился и брызгая слюной, начал

кричать: – Только с Божьего соизволения стоит Рязань. Только заступничество Божьей матери спасло нас, грешных, от напасти. Всё из-за грехов наших. Покайся, нечестивый!

Я молчал. Вновь заскрипела дверь и в подвал спустился сам епископ Ефросин, поддерживаемый под локоть крепким гриднем в доспехах, с мечом на перевязи. Монах встал и подошёл под благословение.

– Ну что? – Спросил его Ефросин. – Сознаётся?

– Пока ещё нет, -ответил монах. – Но сейчас мы его обрабатываем. Монах подвинул стул Ефросину и тот уселся на него, глядя на меня.

Доносят мне, – начал Ефросин, – что не охотно посещаешь ты храм Божий. На исповедь не идёшь, да и вообще заметно, что никогда ранее ты не посещал церковь и даже креститься не умел. Ни одной молитвы не знаешь. И люди твои тебе подобны, а двое и вообще, магометане. А всё больше ты окружаешь себя язычниками Богопротивными –Мордвою, а русских угнетаешь и посылаешь на бой. Я думаю, что хочешь ты навести на Рязань монгол, чтобы разорить её вконец.

Я слушал эту совершенную чушь с обалденным видом. – И это говорит тот, которого мы спасли от неминуемой смер-

ти в предназначенной для полного уничтожения, Рязани? Разве не знает он, что мы выкрали Батыя и заставили уйти монголов отсюда? Меня поражала вся нелепость этой ситуации.

– Так в чём вы меня конкретно обвиняете?

– А в том, что ты своим колдовством заморочил голову князю и растишь в своём посёлке Богоотступников, с которыми и собираешься напасть на наш святой город. Ты служишь антихристу и отвращаешь людей от церкви! И мы заставим тебя, в этом, признаться.

Я ответил, что это полнейший бред. – Я не слуга дьяволу.

– Ладно, сказал Ефросин. – Сейчас мы покажем тебе, что тебя может ожидать. Покажите ему, повторил он и удалился, поддерживаемый гриднем. Монах кивнул Бугаю и тот, открыв дверь в клетке с чокнутым, вытащил его за ноги наружу, хотя тот бешено сопротивлялся и лупил ногами по воздуху, изрыгая проклятья. Бугай схватил его, как куклу, держа за шиворот и штаны и шмякнул на стоявшую в углу скамейку. Уселся на его ноги и ловко привязал жертву к скамейке. Потом подошёл к стене и выбрал один из хлыстов, взмахнул им, пробуя на гибкость и поглядел на монаха.

– Начинай! -велел монах. Бугай взмахнул хлыстом и полоснул им вдоль спины чокнутого. Тот закричал во всю си-

ду своих лёгких. На явственной полосе от удара, проступила кровь. Ещё-велел монах. -Три раза. Бугай с отяжкой нанёс ещё три удара. Крик избиваемого достиг самой высокой ноты и оборвался, он потерял сознание.

– В клетку его – велел монах. Бугай отвязал мужика и сграбастав его в охапку, кинул в клетку, затворив за ним дверь на замок.

– Ну, а теперь твоя очередь– сказал монах мне. -Или признаешься сразу?

Я решил, что буду драться до последней возможности и приготовился. Всё это время, как я заметил, третий узник наблюдал за происходящим, ничем не выдавая своего страха или другого чувства. Я даже позавидовал его самообладанию. Однако Бугай повёл себя странно. Он зашёл со спины к монаху и вдруг, схватив его за голову, резко крутнул её вокруг оси. Монах даже не пикнул, а Бугай, подержав его несколько секунд, опустил на пол. Затем он достал ключ и открыл дверь клетки странного узника и выпустил его наружу. Онемевшего от ужаса писаря, Бугай заставил войти в эту клетку и закрыл её. Потом он вытащил и чокнутого, который, совсем неожиданно пришёл в себя и совершенно спокойно подошёл к двери и, встав на стул, начал смотреть через стекло наружу.

Первый узник уселся на стул и спросил у чокнутого – Ну что там? Бугай же начал открывать мою клетку, на что первый удивлённо спросил:

– Ты зачем открываешь? Оставь его, он нам не нужен!

Чокнутый повернулся и тоже спросил у Бугая: – Ты что, рехнулся, брось!

Но Бугай всё-таки открыл мне дверь и сказал: – Я его знаю и беспальный его знает. Он ему обещал помочь в случае чего. Я выскочил из клетки и кинулся к столу. Вытащил у монаха из-за пазухи свой пистолет и передёрнув затвор, убедился, что обойма с патронами на месте. О ремне и штык ноже, конечно, придётся забыть, но и это немислимая удача!

– Спасибо, Бугай! – первое, что я сказал и протянул ему руку. Тот протянул свою и я крепко её пожал.

– Тебе повезло, сказал «спокойный». – Бугай должен был вызволить меня из тюрьмы. А вот этот, указал он на «чокнутого», пытался меня спасти три дня назад, но попался. Его немного помучили, а потом бугай представился катом и вчера, и сегодня, разыгрывал сцену истязания. Немного конечно пришлось ударить, но для виду. Пройдёт через месяц и следа не останется. А, как и что тут произошло – не твоего

ума дело. А теперь нам надо отсюда выбираться.

Чокнутый приоткрыл дверь и огляделся по сторонам. – Пошли – позвал он и выбрался наружу. Мы потянулись следом. Вышли за дверь и притаились в прямке лестницы, ведущей в подвал. Чокнутый приподнял голову над стенкой прямка и наблюдал за обстановкой.

Судейкин: – Я догадался, что мы находимся сзади церкви. Здесь располагался хоздвор, подсобные помещения, судя по запаху –хлев и курятник. Чокнутый, прижав палец к губам, велел затаиться. Через пару минут, жестом позвал следовать за ним. Мы, пригибаясь, выбрались на двор. В стороне была видна спина, только что прошедшего мимо монаха, несущего два ведра на коромысле. Мы метнулись в другую сторону. Стараясь не шуметь, достигли ворот в высокой бревенчатой стене. К счастью, плодовые деревья и кусты скрывали нас от возможного наблюдателя. Мы встали перед воротами и начали соображать, как их преодолеть? Стены имели высоту метров 5-6 и, чтобы на них взобраться, требовалось альпинистское снаряжение, а проще говоря, хотя бы верёвка длиной в 10 метров. Время поджимало нас. Я предложил напасть на самого епископа и заставить его нас выпустить

– Ну ты даёшь! –ответил «чокнутый» – У него здесь сотня личной охраны. Я кивнул, понятно. Пистолет против сот-

ни дружинников не помеха. Для дружинников, конечно. В самих воротах имелась калитка, на засове которой висел замок. Я скинул с себя гимнастёрку и попросил «чокнутого» дать мне его рубашку. Тот, с недоумением исполнил мою просьбу, поняв, что я что-то задумал. Я вынул пистолет и передёрнул затвор. Нацелил ствол на одно из ушек задвижки, выполненной из железа, толщиной, от силы, в полтора миллиметра. Я велел «чокнутому» намотать на мою руку с пистолетом мою гимнастёрку и его драную рубашку, а другого узника, прибавить к этому комку свой кафтан. Ничего не понимая, они выполнили мои требования и я, хорошенько прицелившись, нажал на курок.

Предпринятые меры помогли – звук выстрела, почти не был слышен, а ушко засова, оказалось перебито, что позволило освободить засов от дужки замка и открыть дверь. Мы вышли и перед нами открылась полоса открытого пространства, шириной в 50-60 м, а за ней лесной массив. Спрятаться было решительно негде и оставалось уповать на то, что в нашу сторону никто не будет глядеть. Бугай предложил нам разойтись на 30-40 шагов друг от друга вдоль стены и по одному уходить к лесу, изображая из себя случайного прохожего, а если того начнут задерживать, всем кинуться бежать со своих мест. Идея была подходящая и мы так и сделали. Я и Бугай пошли в левую сторону, а двое других в правую. Бугай остановился в 30 шагах от ворот, а я прошёл ещё не менее

50-ти и остановился, мы видели друг друга со своих позиций и помахали руками, показывая, что готовы действовать.

Первым пошёл «чокнутый». Он шёл свободно, делая вид, что он не спешит и вообще идёт по делу. Ему удалось дойти до лесу и скрыться в нём. Вторым пошёл я, предварительно сняв с себя тельняшку, которая могла бы демаскировать меня. Мне тоже удалось войти в лес, и я сразу пошёл резко влево и затем побежал. Видимо, всем удалось уйти, потому что я не слышал никаких криков. Я пробежал около двух километров, а затем свернул вправо и бежал ещё столько же. Однако мне было совершенно неизвестно моё местонахождение. Куда идти? Я поразмыслил и сделал вывод, что в любом случае, где бы я не находился, лучше всего идти на север, в сторону Оки. А уж дойдя до реки, я сориентируюсь. День ещё только начинался. Мои часы показывали 10 минут первого. Я завёл часы и вновь побежал. Сильно хотелось пить, а солнце припекало. Впереди послышался колокольный звон и одновременно показался конец леса. Я осторожно вышел из-за деревьев и глянул вперёд. Мать честная! Да это же Рязань! И в самом деле, я узнал купола церквей и крепостные стены.

Я всё время был где-то, совсем рядом! А передо мной открывалась небольшая деревенька на десяток дворов. Я тут же отступил в лес и решил, что лучше перестраховаться и не идти через деревню. Пройдя на запад ещё километра три, я

вновь вышел из леса. Теперь деревня осталась от меня на востоке, а Рязань лежала напрямиком на север, в 3-4 километрах. Я не решился заходить в город. Мало ли что случилось после моего пленения? А вдруг и Иманкулов захвачен? Мне необходимо приблизиться к западным воротам Рязани, именно перед ними стоял ЗИЛ 131 с гвардейцами.

Уж их то вряд ли смогли захватить врасплох. Попытка неожиданного захвата ЗИЛа, могла стоить жизни нескольким сотням нападающим, а лобовая атака вообще не рассматривалась, тут бы не хватило всей княжеской дружины. Я так и поступил- стараясь не светиться, подобрался к западным воротам и издалека стал разглядывать стоящий на прежнем месте ЗИЛ. Ничто не выдавало его захвата, и я пошёл уже не таясь. В руках у меня, до сих пор, находился ком свёрнутой одежды с пистолетом внутри. Прямо по ходу, я одел тельняшку и гимнастёрку, а пистолет засунул в карман.

Гимнастёрка была измята и прострелена в нескольких местах, как и тельняшка. Места пулевых отверстий были ещё и опалены пороховыми газами, выстрела в упор. Я ещё был весь всклокоченный, без головного убора и ремня, короче, выглядел, как бомж. Но я был совершенно цел и, если не считать шишки по голове, здоров. Меня заметили издали, когда я надел тельняшку. Навстречу бежали двое гвардейцев с автоматами наизготовку, а двое, встав у кабины выставили ав-

томаты в стороны, разыскивая возможных преследователей. Всех гвардейцев, Судейкин знал лично, ведь было их всего 33 человека, 7 Кежаевских и 26 Микишинских. Все они, в настоящее время, исполняли обязанности командиров взводов волонтёров и старшин рот.

Только в чрезвычайно серьёзных случаях их отрывали от своих обязанностей, как и в этом случае. Только им мы могли доверять безоговорочно. Его встречали сейчас прапорщики Пирчук и Маресь, с лёгкой руки Вождёва, именовавшиеся с некоторых пор Пирча и Марс. Их лица выражали неподдельную тревогу из-за моего неординарного вида. Но я улыбался во весь рот, и они немного расслабились. Я обнял

их обоих и объявил, что у меня всё в порядке, но очень хочется пить. И поесть, тоже не отказался бы. Меня завели в кузов ЗИЛа, представляющему из себя небольшую крепость на колёсах, имеющей пулемёт на турели над кабиной и десяток стрелков с автоматами, готовых стрелять через бойницы в стенах кузова, сделанных из досок сороковок. Здесь мне протянули флягу с водой, которой я сначала напился, а потом умылся. Один из стрелков принёс кусок холодного мяса с куском свежего хлеба.

Иманкулов: – Я навестил ведомство Паруша, разместившегося в трёх кабинетах кремля. В одном кабинете находилась «святая святых» – рация, у которой дежурил посто-

янно один из радистов, обученных Парушем принимать и передавать сообщения. Техническое обеспечение Паруш не позволял делать никому. Кроме должности главного связиста, на него дополнительно возложили обязанности главного почтмейстера, и он теперь принимал и посылал гонцов, имея в своём подчинении целую службу. Судейкин объяснил ему особенности ордынской организации почтовой службы – «Ямы». По всем важным направлениям, на расстоянии примерно 20-30 км устраивались почтовые станции со сменными лошадьми, для обслуживания гонцов, следующих с поручениями. На основании подорожной квитанции, гонцам меняли уставших лошадей на отдохнувших, а сами гонцы могли здесь перекусить и, если послание было не срочным, то и переночевать.

Вот Паруш и проталкивал сейчас в жизнь это новшество. Пока эта служба действовала по маршруту Рязань – Муром и Рязань – Пронск. У князя было недостаточно средств для финансирования этих проектов. Иманкулов пообщался с Парушем и передал ему, привезённые с собой, заряженные батареи для рации, забрав старые. Я вышел из терема и подзвал одного из сопровождающих нас волонтеров. На мой вопрос о Судейкине, тот отвечал, что он не выходил. Я передал ему сумку с батареями и вернулся в терем искать лейтенанта. Прошёлся по всем комнатам, спрашивая про него, но никто не мог мне ответить. Я стал искать боярина Кобылу.

Но и того не оказалось.

Княжеский тиун доложил, что боярин отбыл в своё поместье, где-то около Ольгова. Уж не с ним ли уехал Судейкин? Пока что я был совершенно спокоен, уверенный, что Судейкин не даст себя в обиду, но было странным, что он не поставил меня в известность и сам не зашёл к Парушу, поздороваться. А может он уже ушёл в ЗИЛ? Я поспешил туда с десятком волонтёров. Но и там Судейкин не показывался. Я вернулся в кремль и пошёл напрямиком к князю. Но князь не смог меня успокоить на этот счёт и заверил меня, что немедленно пошлёт десяток дружинников на конях в село Кобылы.

Я же, с десятком волонтёров, решил поискать Судейкина в городе. Был ещё вариант, что тот зашёл в дом Паруша, хотя это было маловероятно. Однако мы посетили этот дом и убедились, что Судейкина и там не было. Прошлись по городу, заглядывая в трактиры, понимая всю абсурдность этой акции и, наконец вернулись к ЗИЛу. Я приказал усилить охрану автомобиля и быть готовыми на случай нападения. Я уже начал подозревать князя Ингваря в покушении на нас. Но передавать сообщение в посёлок, пока не стал. Подождем возвращения посланцев к боярину Кобыле. Посланцы вернулись к 9 часам вечера без результатов. Вот теперь настала пора волноваться.

Не смотря на темноту, князь разослал конные разъезды на все дороги от Рязани с приказом осматривать придорожные трактиры и проверять подозрительных проезжих, особенно с телегами. Также и по городу разошлись несколько отрядов стражников, проверять все значные места. Я не мог найти себе места и почти не спал, подремав 3 часа перед рассветом. С утра субботы продолжили поиски, но безрезультатно. Были арестованы и допрашивались, несколько человек, показавшихся подозрительными патрулю. В 13 часов дня, я прибыл к князю, чтобы согласовать наши последующие действия. Князь тоже был крайне озабочен, и я перестал видеть в нём участника похищения, настолько он выглядел огорчённым. Мы решили пообедать, когда к нам вошёл тиун и доложил, что к нам просится Паруш с доброй вестью.

Князь велел тому входить и Паруш с порога объявил, что Судейкин обнаружен живой и невредимый и в данный момент находится в ЗИЛе, откуда по рации, получил сообщение Паруш. Мы втроём тут же отправились на выход. Князь кликнул с собой два десятка дружинников и коней. Уже через 10 минут мы скакали по городу к западным воротам, до которых было всего полкилометра. Прискакав к ЗИЛу, мы спешили и направились к машине, где стоял сам Судейкин, одетый в рабочий комбинезон ремонтника. Вперёд вышел князь и демократично обнялся с ним. Следом подошли и мы, также обнятые лейтенантом. Затем мы забрались в ку-

зов вчетвером, где Судейкин поведал нам свою историю. Дело было за князем. Однако он, выслушав рассказ, заметно стушевался.

Он заявил: – Я крайне возмущён поступком преподобного Ефросина, но войдите в моё положение. Епископ отречётся от своего участия в похищении и будет отрицать все обвинения и, мало того, обвинит нас самих в клевете и навете. Авторитет и власть епископа значительны и, хотя, он не в силах со своей сотней охраны, противостоят мне, но вряд ли дружина поддержит князя в его намерении арестовать епископа без видимых и достоверных причин. Я предлагаю вам забыть эту историю, тем, более, что лейтенанту не нанесли увечий и он очень быстро освободился.

Я даже уверен, что епископ даже не организовал погоню, посчитав, что он в достаточной мере проучил зарвавшегося, по его мнению, председателя «Совета десяти». И скорее всего, он не станет даже изображать смущение в этом неллицеприятном для самого епископа, происшествии. К сожалению, сильные мира сего, часто принимают решения, которые идут в разрез с установленными законами и рамками приличия. Но на то они и правители, которым дозволяется иной раз идти против своей совести, решая важные государственные задачи.

Мы поняли его правильно. Не настолько мы сильны, чтобы идти против церкви. Придётся в самом деле, сделать вид, что ничего не произошло. Судейкин попросился с князем и велел немедленно отъезжать домой. Всю обратную дорогу Иманкулов и Судейкин обсуждали происшествие и сетовали на невозможность наказания Ефросина за его подлую выходку.

– Ладно, забудем –произнёс в конце концов Судейкин и они переключились на другие, более насущные проблемы посёлка. Прямо из автомобиля мы предупредили всех о счастливом исходе и поставили Вождёва в известность о принятом решении освободить Рязанских и Пронских холопов, если они поступят на службу Воронежского военного коменданта Вождёва. К ужину прибыли в Маргелово и после него собрали совет. Судейкин рассказал о своих мытарствах и о том, что этому факту не стоит придавать особого значения, но взять его на вооружение. Далее Микиш сообщал, что с приходом Коломенских волонтёров, число обученных обращению с огнестрельным оружием составит 987 человек, если не считать «Совет десяти» и 12 женщин, которые в настоящий момент не несут службы.

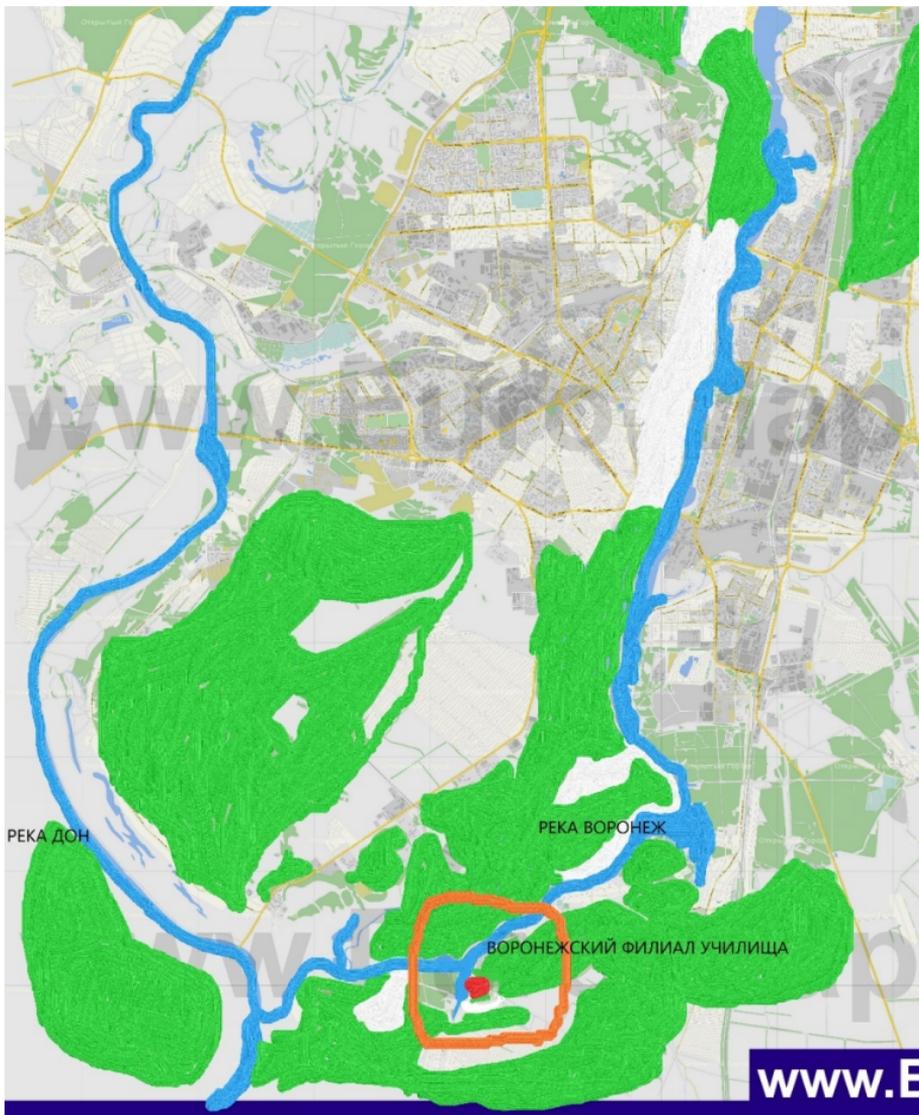
До следующего года 200 новых стрелцов безусловно научатся обращению с оружием и тогда в нашем полку окажется 500 обычных дружинников, вооружённых обычным ору-

жем и 987 стрелцов, что несколько не соответствует первоначальному плану – 300 стрелцов и 700 дружинников., что в сущности, к лучшему. Заведующий складом вооружений, Марченко доложил, что весь запас стрелкового оружия исчерпан и выдан на руки. Осталось всего 43 не задействованных автомата АКМ.

Пистолеты тоже розданы. Весь наш потенциал теперь состоит в паре сотен комплектов обычного вооружения на складе и в кладовке у рачительных Эрзя, собравших оружие во время разгрома Ойротов. Слава Богу, что патронов истрачено не так уж много, всего около 25 тысяч на учебные стрельбы и в боях. Большинство стреляных гильз собрано и хранится в надёжном месте. 30 тысяч патронов увёз с собой Вождёв. Снаряды и мины все почти в целости, мы их практически не применяем.

Часть 2.

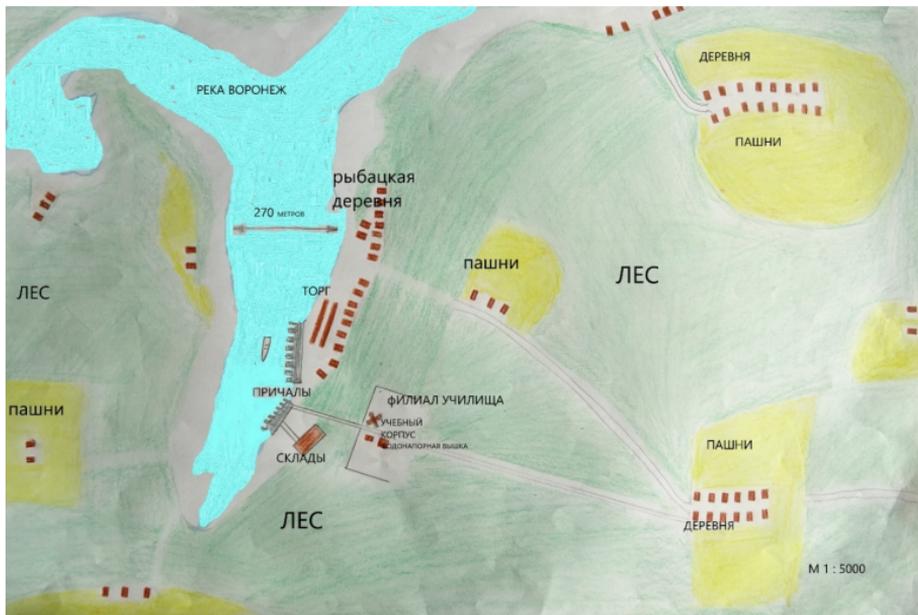
Воронежский комендант.

28 августа. Воскресенье.

Я получил известие об освобождении холопов, изъявивших желание служить нам в Воронеже. Надо сказать, что далеко не все местные жители являлись беглыми холопами. Было очень много свободных крестьян, бежавших от монголов или от непомерных налогов, выросших из-за чудовищного разграбления княжеств, пытавшихся путём увеличения налогов, обустроить разрушенные хозяйства. Скрывались здесь и недобитые Половцы, Мордва, Булгары и Бог знает кто ещё! Тем не менее, я пока не спешил донести эту новость до жителей округи. Между делом я обдумывал- как мне лучше привлечь на свою сторону местное население, чтобы создать автономный район, не зависящий ни от кого? Сегодня я объявил выходной и

люди мылись в бане, стирали одежду и устраивали свои дела. Я занимался начертанием плана будущего посёлка, с учётом известных мне населённых пунктов поблизости. В радиусе 7-8 км от строящегося посёлка находились 5 рыбацких деревень, девять крестьянских хуторов по 2-3 семейства и четыре деревеньки. Все на левом берегу Дона.

Карта окрестностей Воронежской Комендатуры.

На правый берег Дона мы не плавали, хотя и там, наверняка существовали населённые пункты. А 7-8 км — это расстояние от нашего посёлка до слияния Воронежа с Доном.

Итак, я лично, с десятком волонтеров, посетил по очереди, каждый населённый пункт поблизости от лагеря и, собрав мужиков, устроил что-то сродни встречи народного депутата с избирателями. Прежде всего я оповещал, что собираюсь устроить свободную, независимую ни от кого, территорию, подчиняющуюся непосредственно мне, как Воронежскому коменданту. Я уже договорился с русскими князьями

об освобождении всех беглых холопов от преследования и объявляю их свободными.

– Обещаю защищать всех тех, кто признает мою власть, от нападений врагов и гарантирую их безопасность. Обещаю поддерживать всех жителей Комендатуры, в случае неурожая или отсутствия улова рыбы, продовольствием. На ближайшие 3 года освобождаю всех от уплаты налогов. Но после трёх лет, платить налоги придётся. Обещаю, что налог будет не обременительным. Также я оставляю за собой право, привлекать жителей к отражению вооружённых нападений со стороны недружественных соседей.

После этого я рассказывал о необходимости обучения детей в возрасте от 7 до 12 лет, грамоте, обещая устроить обучение в стенах строящегося военного посёлка. Тут же я записывал количество детей, которых родители соглашались послать в обучение. Начало занятий я установил на 1 сентября и предложил всем желающим, привести своих детей с утра в посёлок, где я их лично встречу и укажу, где они будут учиться. Это предложение, между прочим, было весьма горячо встречено жителями. Возможность получения детьми образования, была недостижимой мечтой простонародья всех наций этого столетия. Исполдволь, я записывал примерное число обитателей того или иного населённого пункта. Во вторник я проверил свои записи и пересчитал количество насе-

ления в посещённых поселениях. Оказалось, что в округе живут около 300 взрослых и примерно 200 детей до 16 лет. Точные цифры я привести не могу. И это только в радиусе 8 км от посёлка!

31 августа. Среда. Сегодня устроил генеральную проверку готовности учебного корпуса и школы, к началу учебного года. Обошёл все этажи, заглянул в каждое помещение. Проверил свет и наличие в классах досок с мелом и тетрадок с карандашами и резинками. Надо сказать, что тетради мы использовали многократно. После заполнения всех страниц, написанное стиралось аккуратно резинкой и тетрадь была вновь готова к употреблению. Вот только кто будет преподавать волонтерам?

Я совершенно одинок. Решил читать лекции одновременно двум взводам, чтобы за день охватить всех. А для учёбы детей решил привлечь Арзамаса, его брата Алёшку и всех троих прапорщиков своей роты, по очереди. Грамоте они вполне смогут учить, а также детей Эрзя русскому языку. В хозяйстве продолжалось расширение площади училища по полгектара в день и строительство П-образного штаба с казармами, площадь которого в общем составит 405 кв. метров на каждый этаж! Копалась траншея под канализацию до общего септика. Очень большие проблемы принесла необходимость обеззараживания воды. Многочисленные опросы

местных светил науки и собственные воспоминания, привели к следующему способу – в водонапорный бак положили килограмм кремния и десять серебряных гривен.

Не знаю, дало ли это результат, но больных животом от воды, пока не наблюдалось, да и вода, на первый взгляд, являлась кристально чистой. И это не удивительно – на дворе 13 век, ещё не успели воду загадить! Ну а пища – просто мечта. Всё натуральное, на чистых кормах. Никаких минеральных удобрений! Кстати, Судейкин рассказал, что они выставили на продажу 30 тонн картошки и провели рекламную акцию. Прямо на торге, созвав любопытных, на примусе нажарили картошки на масле с луком и бесплатно угостили желающих. Теперь и картошка, и примусы, а к примусам керосин, раскупаются моментально.

1 сентября. Четверг. С утра приготовились к встрече учеников. Прибыло не менее 60 детей от 6 до 12 лет, сопровождаемых родителями. Я велел им собраться перед школой на пустыре и выступил с речью. Для Эрзя переводил прапорщик Парамон. Я, конечно, обрисовал все плюсы образования и необходимость регулярного посещения уроков. Затем провёл взрослых в школу и показал, где и как их будут учить. Познакомил с преподавателями, уверив, что их молодость перекрывается их же талантами. Затем мы разделили детей на русских и не русских. В числе последних, было несколько

Половецких и Булгарских детей, которые, с грехом пополам понимали русский.

В сущности, дети быстро учатся языкам, так что нация не помеха. Русских детей, которых было большинство, разделили на две группы по возрасту, таким образом, получив три класса по 20 человек. Я строго наказал родителям, что дети в обязательном порядке должны посещать школу и если этого не соблюсти, то они очень скоро отстанут от своих одноклассников и их придётся отчислить из школы. Первый урок был ознакомительный. Преподаватели записали имена детей в журналы, расспросили об их местах проживания и профессию родителей. Детям рассказали о благах цивилизации, которыми мы пользуемся, имея на вооружении последние технические достижения. На втором уроке провели экскурсию по училищу, показав насосную, столовую, САУ, автомобиль и генератор тока, приводимый в действие дизелем. А на третий час покормили детей сытным обедом и отпустили домой, велев приходить завтра в обязательном порядке. Волонтёров в это время гоняли на строевой и физической подготовке. Я провёл две лекции для 4-х взводов на историческую тему.

Кстати, у нас имелось две столовые. Одна для артельщиков и бродников, где им готовили 2 жены последних. А для нас готовили пока свои, но я думал привлечь к этой работе

кого-то из местных. Между тем, меня начали отвлекать от дел местные жители,

приходящие ко мне, разрешать свои споры и жаловаться на какие-то нарушения договоров. Чтобы быть беспристрастным, я был вынужден тратить своё время на поиски истины. Хотя, обычно, я решал споры честно и, как мне казалось справедливо, обязательно находились недовольные, поэтому я решил создать в посёлке третейский суд, который начал функционировать с 27 августа.

Для этого я пригласил из 9-ти известных мне деревень, по одному старику и поместил их в одном из помещений школы, которое в учебное время являлось классом. Я их разделил на 3 группы по трое и они, после уроков, когда дети расходились, сидели в этом помещении до вечера, принимая жалобы от населения. Они-то и решали возникающие проблемы посменно и, если вопрос оказывался сложным, то в девятёрном. За эти дежурства я разрешал им обедать и ужинать у нас.

Кроме этого, я пообещал выплачивать им по серебряному дирхему в месяц и, даже заплатил им эти деньги вперёд. Обращение ко мне за судом, надо сказать, мне польстило, но я не хотел погрязнуть в этих разборках. Я несколько раз имел беседы с некоторыми из бродников, на предмет уяснения сложившейся политической ситуации в регионе. Мне стало

известно, что в настоящее время то, во что превратилась сейчас Византия, а в частности Ромейская империя, возглавляемая Болдуином вторым, переживает весьма нелёгкие времена. Император соседней, Никейской империи, Иоанн 3 Дука, по описаниям, весьма достойный правитель, отобрал у Болдуина почти всю азиатскую часть его владений и вообще сильно притеснил его.

Только защита венецианских покровителей, помогает Болдуину держаться на плаву. Греческое население настроено к нему враждебно, и он постоянно вынужден искать помощи у европейских правителей. Сейчас самое время подтолкнуть Болдуина, и он рухнет с трона. По плану, мы собирались нападать на Константинополь в апреле-мае, но сами мы не справимся с крестоносцами, поддерживаемыми венецианцами. Нам надо заручиться поддержкой Иоанна за достаточно длинный срок, чтобы он мог принять решение и собрать нам в помощь экспедиционный корпус.

А самое главное – убедить Иоанна, что мы в самом деле можем ему помочь. Для этого следовало посетить Никейскую империю и вступить в переговоры с императором. Но я не мог оставить комендатуру без руководства. Я, этим вечером, связался с Судейкиным, и мы с ним обсудили эту тему. Переговоры с императором сочли крайне необходимыми и провести их надо было срочно, пока не наступила осень, а с

ней плохая погода на Чёрном море. Я предложил прислать мне в заместители Терю, обладавшему непререкаемым авторитетом среди Эрзя и имевшему большой опыт в руководящей деятельности. По меркам 20-го века, он приравнивался к генералу и, по крайней мере губернатору.

Я попросил немедленно прислать его ко мне. «Совет десяти» согласился с моей просьбой. Я также просил прислать мне заодно бинокль, примус и пистолет, для подношения императору, а ещё и пару холопов, имеющих опыт работы с горшечником по производству керамических изделий. Судейкин обещал выслать Терю уже завтра. Мне оставалось только определить помещение для его проживания. Штаб с казармой ещё строились, а мы все жили в палатках, погода позволяла, но к октябрю нам необходимо будет переселиться в более тёплые помещения. Этот вопрос я решил решать сразу после окончания строительства штаба.

6 сентября. Вторник. Теря прибыл только сегодня к обеду. Конечно же, всякие не предсказуемые причины, заставили его задержаться. Теря прибыл с женой и пятью своими телохранителями на посланной для него ладье из Данкова. Он привёз всё, что я заказал, а кроме этого, Андреевский флаг для нашего корабля. Корабль «Ока» был уже нами подготовлен для плавания, в которое я решил отправиться завтра с утра. После обеда, я посвятил Терю во все наши

тонкости, представил план действий на время моего отсутствия. Пока, Теря с женой, поселились в палатке.

За последние 5 дней не случилось ничего особенного, кроме прибытия нескольких купеческих кораблей из Пронского княжества, привёзших на торг кое-какие товары, с целью ознакомления с существующим спросом. Купцы открыли постоянное представительство, поставив недалеко три шатра, куда сгрузили свои товары и оставили двух человек для торговли. Кстати, с низовьев Дона тоже приплывали несколько ладей с товарами от генуэзских владений в Приазовье. Торг уже приобрёл известность и в прошлый четверг сюда собрались не менее 500 человек.

Я, со старостой торгога Меняйло, задумали расширять пристань и ставить дополнительные торговые ряды. Школу посещали дети с окрестных деревень и их количество возросло с 60 до 73. Я велел учителям несколько повременить с обучением азбуке, ожидая, пока жители округи привыкнут к моим нововведениям и поймут, что присылать детей в школу, дело необходимое, безопасное и перспективное. Для стимулирования учения, я распорядился устроить столовую для детей и кормить их один раз перед занятиями. В качестве поварих, я нанял шестерых женщин из ближайшего рыбацкого посёлка. Здесь же расположил хлебопекарню, пока временную. У нас было много муки и курей, несущих до 200 яиц в день, из

добычи, доставшейся нам от бродников, так что сырьё для хлеба было достаточно. Назревала также задача о строительстве ветряной мельницы для помола зерна из той же добычи и привезённого нами. Таким образом, колония процветала.

Плавание в Никею.

7 сентября. Среда. Сразу, после завтрака, на «Оку» погрузились два моих взвода, кроме матросов, представленных взводом из роты Теплова, с капитаном корабля Иваном. Всего нас было 98 человек. Я взял с собой Арзамаса, оставив его брата Алёшку на берегу. Взял с собой и двоих византийцев и одного половца, в качестве переводчиков. Мы взяли с собой, кроме личного оружия, два огнемёта, две пушки, снятые с САУ, два пулемёта на турелях, автомобиль ГАЗ 51 и отплыли в половине десятого. На верхушке мачты развевался Андреевский флаг. Нас провожали почти все волонтёры и до сотни рыбаков и торговцев.

10 сентября. Суббота. Ночью, около 3-х часов, проплыли мимо города Тана, находящегося в месте впадения в Дон, реки Старый Дон. В 20 веке на этом месте стоит город Азов. К нашему счастью, пробное плавание «Оки», как и сейчас, не дало возможности увидеть этот город, ночь помешала. Тем не менее, проходи это плавание, всего полгода назад и нам пришлось бы держать ответ перед стражей этого города,

центра одноимённой округи, созданной венецианскими купцами и заселёнными в основном гражданами Венеции и Генуи, а также местными аборигенами, занимавшимися в основном торговлей не только разными товарами, но и рабами из Русских княжеств и окрестных земель, которые составляли львиную долю их доходов.

Буквально несколько месяцев назад, город и округа подверглись опустошительному нашествию монголов и, согласившись платить им дань, сейчас занимались восстановлением разрухи и поэтому не имели сил, что-либо контролировать, а даже сами боялись нападения соседей. Так что, без всяких проблем, выплыли в Азовское море и проследовали к Керченскому проливу, соединяющему Азовское море с Чёрным.

Мы плыли под всеми парусами, едва выдавая 12 узлов, т.е. около 20 км в час. Монголы настолько распугали местных и не только, жителей, что на всём Дону, последние 4-5 месяцев, практически ни одно приличное судно, не появлялось. Так что мы, без каких-либо приключений, пересекли Азовское море и вышли в Чёрное. У меня имелась карта Чёрного моря и я проложил маршрут, который исключал приближение к полуострову Крым, а напрямик, через середину моря, вёл к побережью будущей Турции, туда, где находился один из портов Никейской империи –Амастрида.

Однако эта мера, не помогла нам избежать нападения пиратов. Пролив мы прошли в 7 часов вечера, незаметно для пограничников Трапезунда, не ожидающих со стороны Азовского моря любых судов, но, через, примерно два часа, заметили, что по ходу движения, впереди, медленно дрейфуют две галеры, неизвестной принадлежности, поскольку уже было темно, и мы не могли рассмотреть флаг на мачте, так же, как и они наш. Можно было сразу догадаться, что они ждут всякий одиночный корабль, следующий без охраны. Галеры были точно такие, что и наша, отбитая у бродников, что позволило нам сразу угадать, что на кораблях, по крайней мере, по 120 человек одних лишь гребцов. А экипаж, пожалуй, составит, человек по 100.

Капитан Иван немедленно объявил тревогу и на палубу выбежали все волонтеры. Я прикинул в уме, как лучше встретить гостей? Без всяких сомнений, галеры будут брать нас на abordаж. Ветер дул с востока, и я решил, что нам не следует встречаться лоб в лоб. У галеры имеется на носу таран и встреча с ней может привести к нежелательным последствиям. Поэтому я приказал резко сворачивать на запад, по ветру, с тем чтобы пойти параллельно с противником. Иван подал команду и корабль изменил курс.

Противник повторил наш маневр, и мы пошли практиче-

ски в кабельтове от них, одним курсом. Но противнику помешало то, что они шли нам навстречу парой и при развороте замешкались, пропуская друг друга. Теперь обе галеры плыли слева от нас, отставая на 2 кабельтова. Гребцы резко навалились на вёсла, и мы слышали, как на борту галер, барабаны, отбивающие ритм, зачастили. Наш корабль двигался лишь под парусами и галеры начали нас настигать. Вражеский командующий, видимо решил взять нас в клещи и тот корабль, что был к нам ближе изменил курс, заходя к нам с правого борта, из-за чего потерял скорость и отстал уже на 3-4 кабельтова.

А крайняя галера, пошла нам наперерез. Разница в скорости должна была позволить врагу, примерно через полчаса, оказаться на расстоянии арбалетного выстрела. Я прекрасно понимал серьёзность арбалетов и их более убойную силу, чем у луков, поэтому распорядился, чтобы два имеющихся у нас прожектора, направили на корабли, но пока не включали, а волонтёрам, распределиться на оба борта поровну и ждать сигнала открывать огонь, старательно при этом прячась за бортами. В самом деле, через полчаса, обе галеры, взяв нас в клещи, приблизились на 150 метров, и кое-кто начал прицельно постреливать по нам, пристреливаясь. Стрелы и арбалетные болты падали почти у корабля, а некоторые долетали, но не имея силы, отскакивали.

Я дал команду—Огонь! Вспыхнули прожектора, ослепляя вражеских стрелков, а по ним, ставшими видимыми, как на ладони, открыли стрельбу. Я могу себе представить, насколько неожиданно и устрашающе, повлияло на пиратов волшебное превращение дичи в страшное нападающее чудовище. Стрелять по метущимся, под ярким светом прожекторов, фигуркам, было совершенно безопасно и, я бы сказал стыдно.

Видит Бог, я не планировал нападать на кого-либо, но раз так случилось, то нападающих следует наказать со всей строгостью, чтобы впредь, те кто останется в живых, зареклись от пиратства. Поэтому я не препятствовал волонтёрам отстреливать прячущихся за фальшбортами и мачтами, приготовившихся было, к abordажу нашего судна, морских разбойников, приказав, по возможности, щадить гребцов. Галеры были на целых два метра ниже «Оки» и нам были прекрасно видны все находящиеся на палубе и эти люди поняли это. Оставшиеся в живых запрыгнули в трюм, оставив галеры без рулевых. Гребцы, практически сразу перестали грести и пытались спрятаться, улёгшись на палубу.

Убежать в трюм им не позволяли цепи, которыми он были прикованы к вёслам. Через 10 минут мы вплотную сблизились с левой галерой, которая по инерции продолжала плыть параллельно. Я приказал взводу Парамона спрыгнуть на па-

палубу корабля и занять её. Затем наш корабль принял правее и настиг правую галеру. На её палубу спустились два десятка волонтеров с аналогичной задачей. Они же подняли брошенные пиратами абордажные крюки и закинули их к нам на борт, крепко соединив корабли.

Мы наблюдали за происходящим с высоты нашей палубы. В свете прожектора, волонтеры начали обыскивать убитых и добивать тяжелораненых. Я уже как-то привык к этому варварскому обычаю и терпел его, понимая, что вылечить их не удастся и лучше ускорить мучительный конец. В это время нас нагнала первая галера и волонтеры закрепили её абордажными крюками к «Оке». Легкораненых пинками согнали к мачте и усадили вокруг неё, заставив сложить оружие и доспехи. Гребцы поднялись с палубы и уселись на свои места, со страхом наблюдая за действиями победителей. Расслушав русскую речь, многие из них плакали от радости и просили их освободить.

Я со своего места закричал: – Всем гребцам оставаться на месте! Вы продолжите плавание вместе с нами до Амастриды, а там будете освобождены. Поэтому, с настоящего момента, вы подчиняетесь нам и должны выполнять наши команды.

Гребцы успокоились, хотя ослепляемые прожектором не

могли меня видеть, и начали разьяснять тем, кто не понимал русского языка, суть моих слов. Выяснилось, что нападавшие – турки сельджуки, подданные Конийского султаната. Но они, в данный момент, являются пиратами, так как между Султаном и Императором Никеи заключён мир и страны не воюют между собой. Эти люди подчиняются некоему бею Клыч Ниязу, которому принадлежат эти две галеры. Сам бей живёт в Синопе. Они уже третий месяц дежурят здесь, вылавливая одинокие суда, следующие к Крыму или от него. В случае появления судов в сопровождении военных, делали вид, что просто патрулируют территорию. Всего турок 300 человек. Я приказал пока не открывать трюмы, пусть турки сидят в них до утра, а там посмотрим, что с ними делать. Я пошёл спать, но спалось плохо. Промучившись до 6 утра, поднялся и начал приводить себя в порядок.

11 сентября. Воскресенье. Мы не спешили. Обе галеры плыли в кильватере за нами, под парусами, без помощи гребцов, которые спали прямиком на своих сиденьях. Я приказал галерам пристать к нам и закрепиться. После завтрака, в котором участвовали и гребцы, которым выдали по лепёшке с вином, я послал взятого с нами половца, на переговоры с турками, сидящими в трюмах. Сначала на одной, а потом на другой галере. Я обещал оставить их в живых, если они сдадутся. Турки согласились.

Осторожно открыв крышку трюма, под надзором волонтеров, выжившие турки, по одному вылезали на палубу, освобождались от оружия и доспехов и садились в общую толпу с ранеными. После пересчёта выяснилось, что выжило всего 95 человек, из которых 22 оказались легко ранеными. Гребцы норовили кинуться на своих мучителей, но им не позволяли цепи, и они ограничились плевками в их сторону. Среди двухсот сорока гребцов, почти все оказались христианами. Это были армяне, греки, итальянцы и русские. 40 человек оказались турками, осуждёнными на каторжные работы. Всех пиратов перевели на одну галеру и загнали в трюм до конца путешествия.

Предварительно осмотрели содержимое трюмов. Конечно же, в первую очередь, конфисковали кассу, в которой оказалось всего 245 золотых номизмов или, как их ещё называют, солидов, 8460 серебряных драхм и полмешка мелких, бронзовых денег, которые мы не стали считать. А в карманах убитых и живых турок, оказались ещё 640 золотых монет и 1200 серебряных. Кассу я забрал себе, для передачи в казну нашего филиала, а остальные деньги велел сложить вместе и поделить, между нами. Себе лично я взял 50 золотых, каждому прапорщику досталось по 25, остальным по 5 золотых, 10 серебряных и горсти бронзовых. 300 серебряных монет оставили в резерве.

Пираты, в течении последних 10 дней, выловили всего один торговый корабль, который вместе с грузом продали черкесам. Все деньги, от ограбленных ранее судов, уже передали в Синоп своему хозяину. Ещё были, как обычно, золотые изделия – перстни, кольца, цепочки и т.п. Их мы отложили до возвращения. Также нам достались 300 комплектов вооружения, продовольствие, цепи для рабов и 70 живых баранов. Надо сказать, что я не ставил самоцелью личное обогащение, путём грабежа.

Пределом моей мечты оставалось, всего лишь, наличие квартиры со спальней, залом, личным кабинетом, детской, ванной, большой кухней. Я не сомневался, что и другие курсанты думают о том же. Мы, пока ещё, не имели желания, окружить себя сотней наложниц, рабами, золотой посудой и дворцами с роскошной мебелью. У меня, по крайней мере, даже в мыслях не было подобного. Пленным приказали скинуть трупы убитых в море. Кстати, сравнительно хорошие и целые вещи из одежды, оставили для гребцов. Далее мы опять построились в кильватер и продолжили движение.

13 сентября. Вторник. В 4 часа утра достигли побережья и пошли вдоль него на запад. По пути встречались деревни и посёлки покрупнее, но мы искали город. В 6 часов утра нам навстречу попались 2 большие, военные галеры, с количеством гребцов почти 300 человек. На мачтах разве-

вался флаг с жёлтым крестом на красном поле. Наверно их несколько озадачил наш Андреевский флаг, тем, более, что за нами следовали две галеры с полумесяцем и 8-ми конечной звездой на флагах. В эти времена Андреевский флаг использовали Шотландцы и, возможно, об этом было известно византийцам. Тем не менее, нам дали понять, чтобы мы остановились для досмотра. Паруса были опущены, и мы легли в дрейф. К нам направилась шлюпка с какими-то чинами. По трапу на борт взобрались два важных чиновника и пять вооружённых солдат. Я подошёл к ним в то время, как мои волонтёры выстроились в шеренгу на палубе.

Чиновники, с некоторым удивлением, разглядывали пулемёт с башенкой и сидевшего под ней бойца, державшего на мушке галеру. Капитан Иван посадил на вёсла по 15 человек на борт, чтобы они вёслами табанили корабль, не давая ему плыть. Со мной рядом стояли оба византийца и десяток волонтёров, одетых в монгольские доспехи, для показа. Я сам был в таких же доспехах монгольского сотника. Один из чиновников подошёл ко мне и представился. Переводчик перевёл:

– Это Феофан Алиат, турмарх Амастриды, иначе говоря, начальник береговой охраны.

Я ответил, что я комендант Воронежский, Феодор, от ли-

да Рязанского княжества, направляющийся для переговоров к императору Никейскому.

Феофан некоторое время переваривал мой ответ, а потом продолжил опрос, поинтересовавшись о кораблях Конийского Султаната. Я рассказал о неудачном нападении на нас и о том, что корабли захвачены мной в плен и я собираюсь их продать, а гребцов отпустить на волю.

Турмарх задумался и несколько минут молчал, а затем, пряча глаза, произнёс: – Вот ведь какое неприятное дело. Мы сейчас не воюем с турками, и я боюсь, что продажа этих кораблей на нашей территории, может повлечь серьёзные осложнения с Конийским султанатом. Я даже не знаю, как вам лучше поступить? Безусловно, вы совершенно посторонние лица в этом регионе и с турками вообще не имеете дела.

Честно говоря, только, между нами, я бы предпочёл, чтобы турки и их корабли исчезли и не появлялись здесь вообще, но поскольку их уже видели много посторонних глаз, то было бы лучше, если бы вы передали эти корабли и их экипажи в Синоп. А мы бы объяснили факт нападения на вас простым недоразумением, где, конечно же, вина падает на турок и поэтому вы можете оставить себе захваченное в бою. Мы не можем вас заставить это сделать, но я, от лица Дуки

Пафлагонии, прошу вас проявить понимание и выполнить мою просьбу.

Я понял, что лучше мне согласиться с турмархом, чтобы не портить отношения с местными властями.

– Хорошо, сказал я. – Берите корабли, но я обещал освободить всех гребцов христиан! –

– О, конечно, конечно, заверил меня турмарх, это ваше право, более того, я уверен, что среди гребцов имеются подданные нашего императора и вы совершите богоугодное дело, достойное истинного православного христианина! При этом он перекрестился, что пришлось повторить и мне. Я рад, что мы договорились – продолжил он – а теперь не могли бы вы посвятить меня в вашу миссию?

– К сожалению, я могу сообщить о своей миссии только самому императору или, по крайней мере, его архистратигу – ответил я.

– Понятно – отвечал турмарх, – вы можете следовать дальше в порт и там решить свои проблемы с городскими властями. Кстати, в городе сейчас находится катепан – Иосиф Манкафа. Вы можете посвятить его в свои планы, а он поможет вам встретиться с императором.

Я спросил у переводчика: – Кто такой катепан? Тот ответил, что это вроде главнокомандующего флотом империи. – Вот, это прекрасно! Этот человек мне и нужен! Я не знал, что совсем недавно, можно сказать на днях, флот Никеи был вздрезан разгромлен венецианцами и катепан прибыл сюда, чтобы забрать часть кораблей на Средиземноморский театр военных действий, где у империи почти ничего не осталось. Турмарш покинул корабль, посоветовав оставить турецкие галеры в гавани Амастриды. Мы вновь возобновили движение в кильватерном строю.

Через час вошли в гавань, где нам открылся вид на укрепления города, и возвышающиеся над другими строениями, куполами нескольких церквей. Найдя свободное место между многочисленными кораблями различных государств, в том числе и турецких, мы причалили к пристани. Закрепившись швартовыми к специальным тумбам (кнехтам) и бросив якорь, мы приготовились к освобождению турок. Галеры встали правее нас, бок о бок. Я распорядился освободить гребцов от цепей, что и было сделано. Турок-гребцов загнали в трюм, и я обратился с речью к гребцам.

– Все вы свободны! – объявил я. – Можете идти, куда хотите, прямо сейчас. Вам выдадут одежду, оставшуюся от убитых турок, по одному дирхему и по две лепёшки.

Гребцы обрадованно зашумели. Десять волонтеров начали выдавать им одежду, обещанные лепёшки и дирхемы. Дирхем, честно говоря, являлся приличной суммой денег, составляя примерно полумесячную зарплату чернорабочего, так что на первое время им хватит. Одежда была им крайне необходима, так как все они были одеты в совершенные лохмотья. Получив свои деньги, первыми, корабль покинули византийцы, итальянцы и другие европейцы. Остались русские, числом 63 человека и 15 половцев.

Они просили взять их с собой в обратный путь с отработкой в любой должности. Я согласился и разрешил им перебраться на наш корабль. Поручив Парамону разделить их на десятки, с назначением десятников и старшего, я обратился к выпущенным на палубу галеры туркам:

– Мы прощаем вас и отпускаем на волю! Турки громко выразили свою радость. Я продолжил: – Забирайте свои галеры и можете плыть домой. Всё, что имеется в трюмах ваших галер из продуктов, оставьте себе.

Турки не могли поверить такому счастью и призывали Аллаха мне в помощь. Турок было почти 150 человек вместе с 40 каторжниками, которые отказались плыть домой и выйдя на пристань, разошлись. Разобравшись с этими делами, я со-

шёл на берег и в сопровождении десятка волонтеров и одного переводчика, отправился искать катепана. Я одел военную форму с сапогами и кителем, а мои сопровождающие были в доспехах, но с пистолетами. А десятник ещё и с автоматом. Спросили, где искать катепана и отправились по указанному адресу. Катепан расположился во дворце претора (мэра города). У дворца стояла стража, не позволяя никому приблизиться к дворцу ближе 100 шагов и было их не менее 30 человек. Выглядели они внушительно и были запакованы в доспехи так, что видны были только глаза. Между прочим, к ним было страшно подойти. Однако мы подошли. Монгольский доспех, кстати, был ничуть не слабее.

Вид моих волонтеров, наверно, произвёл должное впечатление на стражу и ко мне подошёл офицер, т.н. Лохаг – сотник. Через переводчика я объяснил свою задачу. Лохаг позвал одного из солдат и послал его с поручением во дворец. Мы стали ждать. Лохаг поинтересовался у меня, откуда мы. Мы разговорились. Я наплёл ему, что мы прибыли от Рязанского князя, по поручению хана Батыя. Слава о монголах уже достигла Византии и Лохаг сменил тон на более уважительный. Он сообщил, что катепан прибыл в Амастриду две недели назад и останется здесь ещё на месяц.

В это время к нам подошли два чиновника в красивой, богатой одежде, как оказалось, претор и стратопедарх. По-

следний являлся замом катепана и они заявили мне, что катепан занят и не может меня принять немедленно. Я намекнул им про хана Батыя, и они сразу, будто бы, встрепенулись и, переглянувшись, назначили мне встречу на завтра в полдень. Ну что же, конечно, катепану надо выдержать марку, это нормально, хорошо, что не назначили встречу через месяц! Имя Батыя повергало всех в священный трепет. Я откланялся, и мы вернулись на корабль. С моего разрешения, два десятка волонтеров отправились погулять по городу, но только группами по пять человек.

Я тоже решил осмотреться и, с Арзамасом, пятью волонтерами, переводчиком, сошли на берег. Гавань города имела размер около квадратного километра и представляла из себя круглый залив с узким входом, который при опасности, перекрывался толстой цепью. Причал был заставлен купеческими и военными кораблями. Одни корабли загружались, другие разгружались. По пристани сновали сотни людей, кипела работа. Отойдя на сотню метров в город, наткнулись на торг. Здесь, под навесами и в отдельных лавках, торговали всякой всячиной, люди десятков национальностей.

Многие сотни людей прохаживались вдоль рядов, покупая товары. Важные патриции и патрицианки в носилках, раздвинув занавески, рассматривали товары и указывали на интересующие их вещи рабам, которые тут же подносили

эти товары хозяевам, чтобы те могли их рассмотреть получше. Ну а простые люди, толклись пешком, прицениваясь и ощупывая товары, торговались с продавцами. Стоял гвалт и можно было услышать десятки различных наречий, в том числе и русские. Попадались весьма симпатичные девушки и более зрелые дамы, в сопровождении и без оного.

Лично мне ничего не было нужно, а Ивану Еремеевичу-капитану корабля, я поручил купить продуктов на неделю. Парамона попросил продать половину доставшихся нам баранов, так как их нечем было кормить и купить травы для оставшихся. Решено было также продать 100 комплектов вооружения и доспехов из имеющихся трёхсот. Так что на базаре находилось двадцать волонтеров с определённой миссией. Целых два часа мы гуляли по торгу, дивясь пестроте национальностей, а потом вернулись на корабль к обеду. Обе галеры уже исчезли. Надеюсь, этот жестокий урок не пройдёт даром для бея Клыч Нияза. Кстати, четверо из русских гребцов и два половца, не вернулись на корабль, видимо найдя себе какое-нибудь занятие или знакомых. Я никого не держал, и они могли беспрепятственно гулять по городу. Ну и ладно, как говорят: – «баба с возу, кобыле легче». На ужин собрались все. Парамон доложил, что продал 35 баранов и все 100 комплектов вооружения, выручив за баранов 450 дирхемов, а за вооружение 2000 дукатов и 24000 серебряных милисиариев, хотя продавали всё вдвое дешевле, лишь бы быстрее.

Интересно, что, почуяв запах пищи, к кораблю собрались полтора десятка нищих голодранцев и они так умильно смотрели на матросов, что я распорядился дать им по лепёшке с горячей бараниной и выставил половину анкерка с вином, литров 7-8.

Между делом я рассматривал с Иваном, стоящие в гавани корабли и сравнивал с нашим. Наш корабль был одним из самых крупных, но вот мачты подкачали. У некоторых кораблей высота мачт превышала 30 метров и составлялась из нескольких брёвен, соответственно и парусов на них было в разы больше, чем у «Оки». К сожалению, при строительстве, никто нам не посоветовал делать мачты выше, а сами мы, конечно, не догадались. С берега донеслись благодарственные крики наевшихся и напившихся оборванцев. Я помахал им рукой, и они разошлись. Несколько раз подходили люди, спрашивали насчёт работы, но получив отрицательный ответ, уходили. К вечеру город утомился и в нём стало гораздо тише. Наконец настало время сна, и я ушёл к себе.

14 сентября. Среда. Мы неплохо заработали на вооружении, и я попросил Парамона снести на торг ещё 50 комплектов, но на этот раз поторговаться. Ближе к полудню, я вновь нарядился и в том же сопровождении отправился к дворцу претора. Как и вчера нам предложили подождать, уже другой офицер. Те же чиновники вышли ко мне и пре-

проводили во дворец. Моя свита осталась в одном из залов, а я с переводчиком и Арзамасом прошли дальше. Подошли к богато отделанной двери и оставили перед ней оружие, кроме кинжалов, моего штык ножа и пистолетов, моего и Арзамаса.

Оружие принял слуга в ярко красной одежде и чулках. Перед нами вошёл стратопедарх и пригласил нас внутрь. В огромном зале, на возвышении, в кресле сидел пожилой человек, с гладко выбритым лицом, одетый во что-то, вроде клетчатых гамаш, облегающих ноги, в коричнево-желтую клетку, хитон (рубашку) с узкими рукавами, полами, заправленными в гамаша, затянутый широким ремнём. Сверху на нём был накинут ярчайший красный плащ, до пола, скреплённый у горла массивной золотой заколкой с драгоценным камнем. На шее у него висела толстая золотая цепь с крестом, инкрустированным бриллиантами. На голове красовалась не то тюрбетейка, не то жёсткий берет с пером. Его убранство наверно стоило целого состояния.

Я слегка наклонил голову, а Арзамас низко поклонился, а переводчик и вовсе встал на колени. Я приветствовал катепана, переводчик перевёл, но явно намного длиннее. Я подарил катепану, взятый из добычи у турок, красивый перстень с большим камнем, не знаю даже, что это был за камень, но, судя по очень довольному лицу Манкафы, подарок

ему очень даже понравился. Сразу же его речь стала гораздо благосклоннее и покровительственной. Некоторое время мы говорили о тяжёлых временах, постигших Византию, нашествиях монголов, провокациях турок и т.п.

Катепан слышал о Рязанском и других княжествах и даже ему случилось встретиться с Рязанским князем Юрием Ингваревичем во время битвы против турок, когда армия византийцев, русских и половцев, была разгромлена турками в Крыму. Это было около 15 лет назад и катепан, в те времена, был всего лишь лохагом. И вообще, Византию и Русь с давних пор связывает общая православная вера.

– Нам надо всегда помогать друг другу – заявил он. Я подхватил эти слова и намекнул ему, что на Руси, в настоящее время, имеется сила, которая позволит нам вместе, сбросить незаконную власть рыцарей крестоносцев. Притом, мы планируем провести эту операцию в ближайшее время, не позднее середины мая. Это очень заинтриговало катепана и находящихся тут же, стратопедарха и претора.

Катепан спросил: – Какими силами вы обладаете и что ждёте от Никейской империи?

Я отвечал, что мы обладаем возможностью разгромить армию крестоносцев и союзных им византийцев, а также захватить какие-нибудь ворота в стенах Константинополя. От

Никеи нам потребуются 4-5 тысяч воинов для того, чтобы, всего лишь, придать операции законный характер и успокоить местное население. Катепан выразил удивления нашим ничтожным требованиям.

– Неужели вы сможете это сделать?

Я заверил его, что гарантирую ему открытие ворот, но греки должны будут ворваться в город вместе с нами. Кроме того, надлежит оповестить жителей о нашем нападении и подготовить хотя бы тысячу добровольцев нам в помощь, чтобы удержать ворота. Какие ворота мы будем взламывать, надо будет договориться. И наконец, мы просим за наше выступление 100 тысяч золотых безантов.

Мои слова заставили греков надолго задуматься. Они некоторое время переговаривались и наконец замолчали, предоставив слово катепану.

Он сказал: – Это чрезвычайно заманчивое предложение, но я не могу его решить самолично. Здесь необходимо согласие императора.

Я согласился с его словами и предложил немедленно ехать в Никею и поставить императора в известность. Катепан заявил, что до Никеи почти 400 км и ехать туда придётся дней

10, а он очень занят сбором войск и кораблей для оказания помощи никейцам, воюющим на Балканах. На это я предложил плыть до Гераклеи, а оттуда до Никеи всего 100-120 км, которые мы проедем гораздо быстрее. Иосиф согласился со мной и заявил, что лично он поддерживает мой план, но сам ехать не может, а поэтому пошлёт со мной своего стратопеда и стратига Пафлагонии, Алексея Акомината, которые будут выступать от его имени на встрече с императором.

Я предложил взять вышеперечисленных со мной на борт. Греки согласились и назначили отплытие на завтра, после обеда. Я вернулся в порт и начал действовать. Собрал весь экипаж и рассказал о предстоящем плавании. Бывшим гребцам, которых осталось всего 72 человека, я предложил аналогичную работу на «Оке», до прибытия в Воронеж, где им будет предоставлена свобода. Гребцы согласились и экипаж корабля достиг 170 человек. Кстати, корабль располагал всего 80 местами для гребцов. Они, нам, в сущности, были нужны лишь изредка, к примеру, для маневрирования при швартовке, срочном развороте или удержании корабля на месте, не бросая якоря.

Тем не менее, мне надо было придать привычный, для местных аборигенов и гостей, вид галере и узаконить присутствие гребцов на корабле. К вечеру Парамон сообщил мне, что продать вооружение дороже, чем вчера, не удалось и в

этом виновато наше неумение торговать. Вчера, продав большую партию вооружения и доспехов, по демпинговым ценам, мы совершенно сбили спрос на этот товар и сегодня рынок оказался пресыщен предложением. Парамон продал всего 30 комплектов, по цене меньшей чем вчера, в среднем за 22 флорина, и заработал всего 669 византийских флоринов, вместо ожидаемых тысячи и на этом прекратил торговлю. Я похвалил его, и мы решили попытать счастья в Гераклее.

Гераклея.

15 сентября. Четверг. После обеда на причал прибыли важные персоны, в сопровождении двадцати солдат. Прибыли, кроме уезжающих, катепан, претор, турмарх и ещё несколько важных патрициев. Я встречал их перед кораблём, выстроив в две шеренги тридцать волонтёров, одетых в монгольские доспехи. На корабле подготовили помещение для высоких гостей и двадцати сопровождающих воинов.

Греки прибыли на конях и двадцать три из них должны будут плыть с нами. Слава Богу, что размеры корабля и количество помещений, вполне позволяли принять всех прибывших. Коней завели в трюм, а гостей, после приветствия, сопроводили на палубу, откуда мы все помахали провожающим. Катепан заявил, что он полностью на моей стороне и его мнение подтвердят его представители. Гребцы замахали

вёслами и корабль медленно отошёл от причала, а затем так же медленно покинул гавань.

Я пригласил гостей в приготовленную для них каюту, а солдат разместил в другом помещении, на палубе. Гости, оставив свои вещи в каюте, вышли на палубу, где начали рассматривать необычный для них корабль. Я, в качестве гида, объяснил им, что корабль построен в этом году по спецпроекту и в основном, предназначен для перевозки десанта к Константинополю. Сейчас строится второй корабль, именно для этой цели и он будет готов к концу года, поэтому мы и планируем нападение на май будущего года, когда вскрыются реки в Рязанском княжестве.

Турмарх спросил меня: – Каким образом вам удалось справиться с трёхкратно превышающим вас противником, я говорю о турках, которые наводят ужас на всё побережье Чёрного моря?

– Да, да! поддержали его остальные – Расскажите.

– До нас дошли какие-то невероятные слухи о вашем сражении, вставил стратиг – Освобождённые вами турки и гребцы рассказывали о необычном оружии, поражающем на расстоянии 150 и даже 200 метров, от которого нет спасения ни за щитами, ни бортами корабля.

– Да-ответил я. – У нас есть некоторые секреты, которые я, прошу прощения, только из опасения, что они станут известны крестоносцам, не имею права раскрывать и которые вы сможете увидеть, если будете участвовать в захвате Константинополя вместе с нами.

– Жаль- согласились со мной мои гости. – Мы вас прекрасно понимаем и поэтому не будем вас пытаться. Стратопедарх, указывая на пулемёт, установленный на турели в башенке и сидевшего за ним волонтёра, произнёс – Это наверно и есть ваш секрет?

– Да, подтвердил я, вы правы.

– А скажите- ввернул турмарх, – Вы ещё совсем молодой, а уже командуете кораблём, какую должность вы занимаете при князе?

– Видите ли, – начал я – Князю, я и мои соратники, подчиняемся чисто символически, по условиям экстерриториальности. Мы располагаемся на территории княжества и пользуемся многими услугами, предоставляемыми им, но действуем либо автономно, либо в союзе с князем. Более того, мы имеем союзные соглашения с ханом Батыем о совместных действиях и взаимопомощи в случае необходимости. Я даже

могу вам сообщить одну достаточно секретную, но секретную только для ваших врагов, новость.

Через год монголы начнут поход на Европу, в первую очередь на Венгрию. Заодно они пройдутся по Сербии, Болгарии, Валахии и Конийскому султанату, так что все ваши враги будут или повержены, или крайне ослаблены, что поможет вам освободиться от крестоносцев, не опасаясь нападения турок. Вместе с тем, монголы желают иметь вашу империю в числе своих союзников. Именно поэтому я и прибыл к вам, согласовать наши будущие действия. А вообще, я занимаю сейчас должность Воронежского коменданта. Такая должность, да и само её название, понятное дело, была грекам не известна, зато напускала туману на моих гостей. Пусть сами придумывают, что это значит. Тем не менее, они прониклись уважением к моему званию, и мы продолжили наш светский разговор до самого ужина, который мы приняли в отдельном помещении, где ещё присутствовали прапорщики Парамон, Иван и Камай, а также Арзамас. Мы выпили за общее дело и за дружбу между народами Византии и Рязанского княжества.

16 сентября. Пятница. После завтрака нам встретились две галеры с Никейским флагом, преградившим нам дорогу. Пришлось остановиться и ждать шлюпку с представителями местного оборонного ведомства. На борт поднялся Ге-

раклейский турмарх с пятью сопровождающими. Здесь он встретил знакомых ему руководителей, с которыми он почтительно поздоровался и после короткого разговора, остался на борту, отправив шлюпку обратно. Через час нам открылась огромная гавань Гераклеи, размерами полтора на три километра. Мы причалили на вёслах к пристани и бросили якорь. Местный турмарх пригласил высоких гостей во дворец епарха. Вывели лошадей из трюма, и мои гости отправились во дворец. Никто из них не спешил мчаться в Никею немедленно и я, с трудом договорился отправиться в Никею послезавтра утром.

Я обещал своим гостям сюрприз к этому времени и они, озадаченные, ускакали. Ну а мы вновь остались одни. Я решил желающим провести экскурсию по городу, но опять же группами. Парамону велел прицениться на базаре к вооружению. Сам я тоже вышел погулять с Арзамасом и десятком телохранителей. Нас сопровождали оба половца и оба византийца. Я не боялся, что они убегут от нас. Куда им бежать? Без денег и документов они вряд ли доберутся до низовьев Дона самостоятельно.

Византийцы рассказали мне, что в Гераклее имеет устье река Ахеронт, та самая, о которой пишут древние греки, в верховьях которой, находится один из входов в подземное царство Аида. Мы дошли до неё и полюбовались на её воды.

Река, как река, с достаточно чистой водой, из которой пьют воду местные жители. Погуляли, как водится, по торгу, поглядели на товары и местных жителей. Город был примерно одного размера с Амастридой, но значительно большей гаванью и соответственно большим количеством кораблей. Много церквей и больших, красивых зданий. Город мне понравился. В 2 часа дня прибыли к обеду на корабль. Было очень тепло, сказывалось южное положение местности. Парамон доложил, что узнал про цены на вооружение и планирует получить хорошую цену за наш товар. У нас оставалось ещё 170 комплектов вооружения. Я подумал и решил оставить 50 комплектов для нас. Кто знает – может пригодятся? Парамону предложил заняться торговлей завтра с утра. В городе также бродили десятки нищих оборванцев, которые просили милостыню и хлеб у корабельщиков. Я не решился устраивать благотворительный обед, боясь, что потом все голодранцы сбегутся к нам, но велел раздать несколько лепёшек просящим.

После ужина я собрал экипаж на палубе и рассказал им про героя древней Греции Геракла и про несколько его подвигов. Что интересно, наши византийцы с большим вниманием выслушали мои рассказы, видимо их плохо учили их родители. Мой рассказ затянулся до 11 часов вечера. Я сам, в своё время, с большим удовольствием читал про подвиги Геракла и времени с тех пор прошло совсем немного. Волонтё-

ры и гребцы, с неохотой разошлись по своим местам. Я подумал, что будь у нас мачта высотой метров в 40, то можно было бы попытаться связаться с Воронежем по радию. Непременно следует строить мачты, как можно выше!

17 сентября. Суббота. День прошёл скучновато, и мы скрасили его, посетив с православными волонтерами церковь. Понять речь священника нам не удалось, но суть обряда была ясна, и мы совершили все необходимые действия. По выходу из церкви, я кинул нищим горсть бронзовых монет и те кинулись их подбирать, благодаря меня за щедрость. Надо сказать, что оставленный самому себе в последние месяцы, я вошёл во вкус единоначалия. Сейчас я распоряжался лично сотней, подчинённых мне людей, готовых исполнить любой мой приказ. Поход в церковь, как раз, напомнил мне о смирении и необходимости унять гордыню, а то я разошёлся не на шутку.

Я в церкви дал себе зарок, не зарываться! Вечером Парамон передал мне 3020 золотых безантов и 17143 серебряных милисиария. Всё вместе это весило 70 кг. В уме я прикинул, что это примерно эквивалентно 900 гривен, а если считать, начиная со встречи с турками, то наш доход составил более 2500 гривен из которых роздано подчинённым около 170. Вот и сейчас я принял решение раздать всем гребцам по 2 серебряных милисиария, волонтерам по 3, десятникам

по 5, прапорщикам по 10, а себе ничего. Опять на корабле повод для радости. А ведь существует ещё и стипендия эквивалентная 2 милисиария в месяц. Мои волонтеры вернутся из похода богачами. А не слишком ли я их балую?

18 сентября. Воскресенье. От стратопедарха прибыл гонец и объявил, что в связи с воскресным днём, выезд в Ницею откладывается на завтра. – Твою мать! Эдак ещё и зимовать, как бы здесь не пришлось! Но делать нечего, причина в самом деле существенная. Придётся ещё день ждать. К счастью, распоряжением претора Гераклеи, с меня не берут плату за стоянку на причале, а это приличная сумма. Вновь идём в церковь – надо соответствовать своему статусу. Весь день валяем дурака. Рассказываю экипажу все остальные подвиги Геракла и про его мучительную смерть. Волонтеры просят ещё, и я рассказываю про Троянскую войну, Одиссея и его верную жену Пенелопу. Волонтеры впитывают новые знания, как губка воду. Я доволен – всё это пригодится для общего развития личности. Даже та малость, что мы уже успели научить грамоте несколько сотен человек, явится заметной ступенью в становлении новой России. Ничего не пропадает даром. Эти люди научат грамоте своих детей, а те своих и дело пойдёт!

Мы едем к императору.

19 сентября. Понедельник. Мы выкатываем руками из

трюма ГАЗ 51. Соседи по пирсу, с изумлением рассматривают неведомое создание, ломая себе голову о её предназначении. Нанимаю пятерых возчиков с лошадьми, и они тянут машину к выезду из города. Я стараюсь выбраться подальше от любопытных глаз, чтобы, как можно меньше людей знали о моём секрете. В порту слишком много иностранцев, в том числе и из Латинской империи. Не сомневаюсь, что тут полно шпионов иезуитов от католической церкви. Наконец мы выехали на дорогу и дома скрылись из глаз.

В машине 10 волонтеров с карабинами. На крыше пулемёт, у каждого по две гранаты, у десятника автомат. Мы можем посадить в кузов ещё пятерых человек, а в кабину посадим проводника, а если подвинуться, то и стратопедарх поместится. Машину поведу я сам. Прапорщик Парамон, с десятком волонтеров, послан во дворец к епарху, чтобы сообщить о сюрпризе, ожидающем наших гостей на дороге в Ницею.

А мы расположились ждать. Я угадал, гости не утерпели и вот они скачут, поднимая пыль, чтобы увидеть предназначенный для них сюрприз. Не менее полусотни конных обступают автомобиль и с любопытством разглядывают его со всех сторон, щупают руками. Я выхожу из кабины и приветствую всех. Троица моих спутников спешиваются и с недоумением смотрят на меня, ожидая разъяснений. Я объявляю,

что вот это средство является самодвижущейся повозкой, которая в течении 4-5 часов доставит нас до Никеи, куда скакать на коне не меньше трёх дней.

Греки с недоверием глядят на машину. Объясняю, что, к сожалению, в машину может поместиться, кроме нас, лишь проводник и, если мои спутники очень хотят, три человека сопровождения, но тогда будет очень тесно. Но мои гости не желают ехать без сопровождения, и я предлагаю им выбрать себе самых надёжных. Стратиг спрашивает:

– Нельзя ли разрешить своей свите следовать за нами на конях?

Я объясняю, что они не смогут за нами угнаться. Мои спутники сомневаются, и я разрешаю, но с условием, что свита, может вернуться назад, если кони не выдержат скачки. Все соглашаются, и я рассаживаю спутников по местам. В кабине, кроме меня садится проводник, в середине, а к окну Стратопедарх. В кузов влезает Стратиг Пафлагонии и три воина сопровождения. Турмарх от поездки отказывается, под предлогом, что его присутствие не обязательно. Я объявляю всем, что мы трогаемся и захопываю дверцу. Завожу машину, от чего шарахаются кони свиты. Трогаюсь и потихоньку набираю скорость. Дорога, конечно, не шоссе, но совсем не дурна – выложена камнем и стёсана тысячами,

прошедших по ней за сотни лет, ног и копыт. Я вижу дальнюю цель, указанную проводником, и еду к ней, набрав скорость 50 км в час.

Свита во весь опор скакала за нами, но уже через двести метров начала отставать и через полкилометра, поняв бесперспективность гонки, отстают и переходят на шаг, а потом останавливаются и глядят нам вслед. И стратопедарх и проводник, то и дело вскрикивают и цепляются руками за выступающие части кузова. Проехав 5 километров и заметив, что провожающие скрылись из глаз, я сбавляю скорость до 40 км в час и продолжаю движение в этом темпе. Мои спутники немного успокаиваются и теперь смотрят в окна, наблюдая пробегающие мимо нас деревья. Дорога около 70 км идёт вдоль побережья моря по низине, а потом сворачивает налево и ведёт в горы.

Проезжаем через населённые пункты, где я сбрасываю скорость до 10—15 км в час, чтобы не задавить кого-нибудь. От машины разлетаются куры, бегут домашние животные. Собаки гонятся с лаем, но отстают. А вот люди, застывают в изумлении или тоже убегают, отпрыгивают и крестятся. Вообще-то ситуация напоминает проезд через деревню нашего времени, если бы не ужас, написанный на лицах прохожих. Стратопедарх наконец приходит в себя и начинает задавать вопросы, но без переводчика я не понимаю его, и он умолка-

ет, но порой делится впечатлениями с проводником. Через два часа, проехав по спидометру 70 км, я останавливаю машину, чтобы размяться и, так сказать, оправиться.

Все вылезают из машины и расходятся в стороны. Я тоже отхожу, голова немного кружится от длительной поездки. Давно я не ездил так далеко. Собираемся вместе у машины и делимся впечатлениями. Мои высокопоставленные спутники, захлёбываясь от восторга, хвалят автомобиль. Стратопедарх, сходу предлагает мне 10 тысяч золотых монет за машину, но я отказываюсь, объясняя, что в мире нет человека, кроме меня и ещё десятка человек, которые умеют водить эту машину и следить за её состоянием, но они все живут в Рязани. К тому же, я признаюсь, что эта машина единственная в мире, созданная величайшим гениальным мастером, жившим далеко на северном острове, в океане, но, к сожалению, умершим несколько лет назад.

Стратопедарх явно расстроился и видно, что он крайне недоволен, но сдерживается. Наверно не привык, что ему отказывают. Я задумался, а как бы не попасть впросак? Не нравится мне поведение грека. Сомнительно, что он захочет отобрать её силой. Зачем ему машина без водителя? Хотя он может забрать машину бесплатно, убив меня и экипаж, в надежде, что сам разберётся? Но я думаю, что надо держать ухо востро. Итак, мы поехали дальше. По пути проехали через

два довольно крупных населённых пункта, из одного из них за нами погнались на конях человек сто, но скоро отстали.

Когда на спидометре отметилось 135 км, местность практически превратилась в сплошной город. Дома нескончаемо проплывали мимо машины. Приходилось ехать со скоростью 20 км в час, а иногда ещё меньшей. Народ сбегался уже заранее, увидев пыль на дороге, и мы ехали, можно сказать, сквозь строй. Однако народ не решался преградить нам путь и вскоре впереди показались купола церквей и массив жилых домов, огороженный мощной крепостной стеной. Проводник воскликнул – Никея!

Я подъехал вплотную к воротам и остановился. К воротам бежали со всех сторон вооружённые стражники в доспехах и строились напротив, подчиняясь командам офицера. Другие стражники спешили закрыть ворота изнутри крепостных стен. Несколько человек наставили на машину арбалеты и ждали команды. Это меня очень обеспокоило, и я жестом указал стратопедарху на солдат, предлагая ему выйти и разобраться. Стратопедарх вышел из кабины и направился к страже, которая, увидев богато одетого человека со знаками высшего чиновника, опустила арбалеты.

Офицер, видимо, узнал стратопедарха и подскочил к нему с поклоном. Стратопедарх приказал что-то офицеру и тот

громко крикнул в сторону ворот. Ворота открылись и к офицеру подошли несколько солдат, с поклонами в сторону машины. Последовал разговор и один из солдат бегом бросился в ворота. В это время к машине начал собираться народ, образовав небольшую толпу, которая росла на глазах. Офицер что-то крикнул и несколько солдат, с копьями и секирами, подбежав к толпе, начали её оттеснять в сторону. Подъехали с десятков всадников и поклонившись стратопедарху, заговорили с ним. После короткого разговора, грек сел в кабину и жестом велел мне ехать за всадниками, которые медленно поскакали впереди, указывая путь и разгоняя пешеходов. Я завёл машину и тронулся следом. Толпа возбуждённо зашумела, пытаясь двигаться за машиной, но стража их не пускала. Таким образом мы проехали по узким улицам города, мимо красивых зданий, церквей, сквозь расталкиваемую толпу любопытных около двух километров, но с черепашьей скоростью, пока не въехали в открытые ворота роскошного дворца. Широченный двор не менее гектара, мощёный камнем, открылся нашему взору.

Скорее всего нас пропустили сзади дворца, в район хозяйственных построек, так как по периметру ограды располагались конюшни, птичник, хлев и т.п. Стояли запряжённые повозки с какой-то кладью. По двору сновали слуги или рабы, кто их разберёт? Мне очень не понравилось, что вслед за машиной во двор влились человек 100 в доспехах и, закрыв

за собой ворота на громадный засов из целого бревна, начали рассредотачиваться вдоль стен, окружая машину. Из задних дверей дворца начали выбегать воины и также распределились по периметру стен, таким образом, что мы оказались окружёнными с трёх сторон и свободной стороной оставалась задняя стена дворца. Я и все греки вышли из машины и стояли рядом, наблюдая за действиями охраны. Во дворе уже скопилось, по крайней мере 500 человек, которые пока ещё стояли, держа в руках копья и щиты, но оставив между собой и машиной шагов 60.

Я заметил стратопедарху: – Мне очень не нравится моё положение. Вы должны приказать воинам немедленно разойтись и освободить мне выход. Я хочу уехать в какое-нибудь место за городом, где я смогу чувствовать себя в безопасности.

В это время навстречу нам подходил высокий воин, в чрезвычайно роскошном наряде. Всё на нём сверкало золотом и бронзой. На шлеме болтались павлиньи перья. Он был вооружён, но без щита. Его сопровождали 2 тяжело вооружённых воина, не знаю, как они тут называются, но на них висело килограмм по тридцать железа. Стратопедарх и этот мужик поклонились друг другу одинаково, видимо их статус был примерно равен. Они о чём-то начали говорить, а я не мог найти себе места от беспокойства за машину и наших ре-

бят. Стратопедарх сказал несколько слов переводчику и тот перевёл:

– Вам предлагают всем покинуть повозку и пройти во дворец. Там вас покормят и отведут достойное место, а за повозку не беспокойтесь, её будут охранять.

– А ни фиги себе! Они оборзели окончательно! Сейчас мы все пойдём во дворец, а они угонят машину. Ну уж нет, хозяйева дорогие! Я ответил переводчику: – Пусть прикажет своим людям немедленно разойтись и освободить ворота. Мы здесь не останемся ни минуты больше. Если этого не произойдёт, я буду прорываться с боем, и вы вряд ли сможете меня задержать. Если меня вынудят на прорыв, то я уеду вообще и больше с вами не буду иметь дела. Я буду считать доста, а потом начну действовать. Я тут же влез обратно в кабину и пригласил туда же Арзамаса, который мог заменить меня за рулём при необходимости.

Греки начали спорить, доходя до крика. Я смотрел на часы отсчитывая минуту. Минута прошла, и я завёл мотор. Несколько раз нажал на акселератор, газуя. Пришлый офицер вышел перед машиной и поднял обе руки вверх, успокаивая меня, но я тихонько тронул машину и поехал на него. Офицер замахал руками, а рядом с ним встал и стратопедарх, жестами вызывая меня на разговор. Я заглушил маши-

ну и опустив стекло спросил у переводчика: – В чём дело?

Переводчик перевёл – Они согласны, сейчас ворота освободят.

Я ответил: – Пусть вперёд меня отправят наше сопровождение и выведут меня в такое место, где поблизости нет ни одного дома на полкилометра вокруг.

Офицер начал отдавать приказы и стража стала расходиться в стороны, освобождая проезд. Ворота открыли и те всадники, что только что нас сопровождали, выехали вперёд. Я двинулся следом. Из амбразур кузова торчали стволы карабинов. Всадники прибавили в скорости и помчались вперёд, расталкивая людей. Я ехал следом. Через 15 минут выехали за город и ещё через полчаса подъехали к берегу озера, где всадники остановились. Старший отряда подъехал к машине и спросил: – Пойдёт это место?

Я вышел и осмотрелся. Мы находились на песчаном пляже шириной до 100 метров. Ближайшая растительность представляла из себя кусты и малорослые деревца. В самом деле, вокруг не было видно ни единого дома. Я кивнул офицеру, соглашаясь не предоставленный участок и махнул ему, чтобы он уезжал. Всадники ускакали, оставив нас одних. Я вызвал всех волонтёров наружу, кроме пулемётчика и объ-

яснил им, что наше положение крайне неопределённое, и мы должны быть на чеку, в готовности отразить нападение в любую минуту.

От озера в сторону города, видневшегося вдаль, тянулась плоская равнина, где ничто не мешало нам разглядеть опасность, поэтому я разрешил всем оставаться снаружи, а один волонтёр расположился на крыше кабины, с которой прекрасно было видно все подходы к озеру. Мы поставили на песке 6-ти местную палатку и развели рядом костёр. У нас был котёл на 12 литров, мешок гречки и несколько банок тушёнки. Я предложил приготовить кашу, поскольку мы не ели уже 7 часов. Налили воды в котёл и повесили над костром. Хоть на дворе и сентябрь, но было очень тепло, градусов 25-26 и я решил искупаться. Ну их всех к чёрту! Завтра утром уедем и обратимся к императору Трапезунда, может он окажется более сговорчивым?

Некоторые из волонтёров тоже полезли в воду. Вода была чистая и тёплая. Хорошенько искупавшись, вылез на берег и вытерся полотенцем, взятым с собой. Вода в котле закипела и в неё бросили гречку. Ребята загорали на песке, а я уселся на какую-то тряпку и задумался о предстоящем. Я нервничал- мы чуть не влипли! Встреча оказалась негостеприимной, но мы ведь и явились без предупреждения. Так что некоторые недоразумения можно списать на этот счёт.

Не знаю, что там скажут императору стратопедарх и стратиг, но они явно поддерживают мои предложения и отдают себе отчёт в пользу союза с нами. Кроме того, они видели кое-какие мои возможности и в курсе разгрома турецких пиратов, без потерь с моей стороны.

Ещё и намёк на имеющиеся у меня секреты. Но решено – если никто не приедет с извинениями, то завтра с утра мы покидаем Nikeю. Когда часы показали половину восьмого, каша была готова, и мы приступили к ужину. Между прочим, проводник остался во дворце и ехать обратно, используя карту 20 века, было наверно сложно, но где наша не пропадала! Спросим у людей. Как говорится-язык до Киева доведёт! После ужина я рассказывал ребятам о сложившейся ситуации на территории бывшей Византии, о Латинской империи крестоносцев из Франции и Италии, о Трапезунде, Конийском султанате.

Приём у императора Иоанна.

20 сентября. Вторник. Встали с первыми лучами света. Я заставил всех пробежаться со мной с полчаса, а потом мы умылись и только начали разводиться огонь в костре, как наблюдатель с кабины крикнул – Тревога! Мы схватили оружие и залезли в кузов. Я тоже был со всеми. На подступах к нам приближался десяток всадников. Подъехав к машине, они спешились и один из них направился к нам. Я вышел из

кузова с переводчиком и подождал, когда тот приблизился. Но, неожиданно, пришедший обратился ко мне по-русски: – Бог в помощь!

Оу! И тебе не болеть! – ответил я. – Какими судьбами русские люди?

В ответ я услышал – Мы из свиты императора –этериоты. Варяжская гвардия.

– Ах, вот оно что! Рад видеть земляка на чужбине. Не знал, что тут встречу своих!

Гвардеец представился – Декарх Алексей, а вообще-то меня зовут Нащека, это я так для того, чтобы по-гречески звучало.

Я тоже представился – Фёдор, комендант Воронежа.

– Ух ты! -сказал Нащека.– Слышал про Воронеж, это где-то в Пронске?

– Почти там – ответил я. – А ты откуда?

– Мы из Киева, это вот парни из одного села, прибыли три

года назад. Платят неплохо, кормят, одевают. Накопим денег и вернёмся к себе, а может и останемся. Будущее покажет.

– Понятно- сказал я. – С чем приехали?

– Спафарий приказал немедленно оповестить тебя, чтобы ждал вызова во дворец. Точно не знаю, но мне поручили застать тебя рано утром, пока не уехал. Короче, твоё дело рассматривают на самом верху, но вчера было не до этого. Сегодня будут говорить. А о чём – ты наверно сам знаешь. Мне подробности не сообщали. Если не секрет, может расскажешь? Очень много говорят о вчерашнем происшествии. Будто кто-то приехал во дворец на самодвижущейся повозке, да не просто так, а со стратигом Пафлагонии и страдопедархом. Многие видели своими глазами, почти вся тагмата схоляриев. А мне не верится.

– Это правда – ответил я. – Вот эта повозка, но я уехал из дворца, уж очень там много желающих, эту повозку прибрать себе. Ну ладно, что ещё тебе передали?

Нашека во все глаза смотрел на машину, которая с виду не была похожа на дьявольское изделие. – В общем жди, скоро к тебе приедет большой боярин, будет с тобой разговор вести, а ещё передали, не беспокойся о завтраке. Очень скоро подвезут для вас еду. До свидания – и отряд ускакал прочь.

Разговор слышали все, и мы стали ждать подарков. Минут через 20 показалась повозка в сопровождении двух верховых воинов. Подъехав поближе, мы увидели в повозке какого-то гражданского, в хитоне до колен и сандалиях на босу ногу. Повозка остановилась рядом с машиной, этот тип вылез из неё и начал шурудить в повозке руками, извлекая оттуда мешки с ароматно пахнущими блюдами.

Верховые спешили и стояли в стороне. Человек этот, видимо повар, с натугой извлёк из повозки котёл, накрытый крышкой, затем ещё один, потом мешок с чем-то, свёртки и всё это раскладывал на предварительно посланную скатерть. Он спросил через переводчика: – Сами разберётесь или мне вас обслуживать?

Я ответил, что мы сами разберёмся. Повар отошёл к озеру и уселся на берегу, окунув ноги в воду. Солдаты отвели коней подальше и затеяли там разговор. Мы открыли котлы и развернули свёртки. Нам открылись 15 тарелок и столько же ложек. Тот, кто послал нам еду, не знал точно, сколько нас. В одном котле была жареная, с луком и чесноком, говядина, здоровыми кусками. В другом котле каша из проса со специями и овощами. В мешке свежий хлеб, фрукты и два кувшина вина по 5 литров.

Ещё была жареная рыба, пятнадцать штук. Мы приступи-

ли к еде. У меня в голове мелькнула мысль – а не отравлено ли всё это? Но выбросил её из головы – пока ещё к этому нет повода. Было очень вкусно, и мы ели до отвала. Закончив есть, переложили остатки мяса и каши в свой котёл. Вина выпили только один кувшин. Я позвал повара и тот, взяв котлы, помыл их в озере и погрузил в телегу.

– А обед? -спросил я.

– Ничего не знаю –ответил повар. – Если прикажут, привезу обед.

На этом повозка и сопровождавшие её, удалились. А мы, сытые и довольные, растянулись на пляже, отдохнуть. Меня с утра мучила какая-то мысль, которую я никак не мог ухватить. Я начал складывать в уме свои догадки и наконец, в голове что-то щёлкнуло, и я чуть не крикнул-Эврика! Ну конечно! Троянский конь! Отличная идея – как заставить крестоносцев открыть нам ворота. Главное, ни в коем случае не проявить наш секрет раньше. Итак – мы подтаскиваем к воротам крепости БМД. С выключенной передачей, её могут тянуть 7-8 лошадей. А если по прямой, то и десяток человек может толкать. Притащенную на лошадях, оставляем метрах в 300 от ворот, а сами удаляемся на километр. Без сомнений, любопытные латиняне выйдут поглядеть, что это такое.

Они догадаются, что внутри имеются люди. Достать их они не смогут и причинить повреждения машине, тоже. Она же железная. Тогда они затянут машину в крепость, чтобы там, без опаски, выковырнуть сидящих внутри людей. Я уверен, что это непременно произойдёт. Но экипаж не будет ждать, пока их затянут внутрь крепости. Как только БМД окажется в арке ворот, экипаж откроет стрельбу, уничтожая всех, пытающихся приблизиться к воротам и закрыть их. Вот тут-то, войска, ожидающие снаружи, перейдут в атаку и ворвутся в ворота, а дальше – дело Никейской пехоты.

Этой идеей необходимо будет поделиться с остальными курсантами. Весь день мы отдыхали на пляже озера. Нам привезли обед, а потом и ужин. С ужином прибыл декарх Нащека и сообщил, что меня ждут завтра во дворце. Я заметил ему, что мне не на чем прибыть во дворец и Нащека обещал привести мне утром лошадь. Я постирал свой мундир и повесил его сушить, сам помылся в озере с мылом, причёсался и побрился безопасной бритвой, которую сам себе изготовил ещё в первые месяцы жизни в этом веке. С собой я решил взять десятника Арсяна и переводчика.

Арзамаса пришлось оставить, только он умел водить машину. Я поручил Арзамасу ни в коем случае не позволять приближаться к машине вооружённым византийцам и ни в коем случае не оставлять машину без охраны при пулемёте.

В случае моего отсутствия более 2-х суток, уезжать в Гераклею.

21 сентября. Среда. С завтраком прибыл Нашека со своим десятком. Мы хорошенько поели, и я было собрался ехать. Но Нашека сообщил, что меня ждут к обеду, а он привёз мне парикмахера, который приведёт меня в порядок. Я покорно отдался

парикмахеру, который немного подравнял мне волосы и причесал. Между прочим, я впервые за всё время пребывания в этом мире побывал у парикмахера. Обычно меня стриг Семёнов, как и других ребят. Нашека спросил, сколько коней нужно мне привести, и я ответил, что двух. В обед Нашека привёл коней и рекомендовал не кушать, так как меня ждут такие блюда, каких я никогда в жизни не пробовал. Так что мне и Арсену пришлось только наблюдать, как мои ребята едят.

Нашека подал мне свёрток.

– Что это? – спросил я.

– Это одежда, ответил тот. Твоя одежда не соответствует твоему положению и вообще будет вызывать недоумение у гостей и императора. Переоденься и погуляй, пока твои люди едят. Привыкай.

Я развернул свёрток. Первым делом вытащил что-то вроде чулок, на завязках. Они были ярко красного цвета.

– Ну и куда их одевать? – спросил я.

– Ты раздевайся, продолжил Нащёка.

– Вот ещё, позорище! – произнёс я, но подчинился. Скинул одежду, но трусы оставил. Нащёка покачал головой, но махнув рукой, показал, что эти чулки надо натянуть на ноги и привязать к поясу. – Боже мой! – это даже не колготки, моя задница останется открытой! С другой стороны, насколько легче посещать туалет. Далее напялил на тело рубаху с открытым воротом и узкими рукавами. Рубаха должна была быть наброшена поверх чулок и подпоясана узким ремешком. Надел и её. Сверху запахнулся плащом, чтобы не демонстрировать выпуклости на теле. Примерно такой же наряд достался и Арсену. Когда все наелись, и повар помыл котлы и собрал тарелки,

Нащёка позвал меня в путь. Я взял приготовленные подарки – бинокль, который у нас превратился в традиционный предмет для подарков высокопоставленным персонам, красивый золотой крест с камнями на массивной золотой цепи из добычи, взятой у турок, бутылку водки, засунутую в золотой рыцарский нарукавник – как нельзя удачно подо-

шедший для этой цели. Очень красиво получилось – декоративная отделка бутылки, сам придумал. Второй нарукавник оставил для подходящего аналогичного случая. Примус я решил не дарить – пахнет не очень приятно и, как-то не к лицу императору, примусы разжигать. Все эти предметы я завернул в вытяжной парашют из шёлка и передал десятнику Арсяну. Я его вообще-то называл Арсен, и он не обижался.

Мы уселись на приведённых коней и выехали в сопровождении десятка императорских гвардейцев. Прибыв во дворец, Нащек сдал меня какому-то придворному чину, который, кланяясь, предложил идти за ним. Пришли в большое помещение. Меня поразили высота потолков и красивые росписи на стенах. Множество икон и горящих свечей, резные позолоченные двери и стеклянные окна. Здесь я встретился со стратигом Пафлагонии и стратопедархом. С ними находился ещё один вельможа, весь в золоте. Мы приветствовали друг друга и стратопедарх представил мне третьего присутствующего. Это был логофет Андроник.

Кто такой логофет я не знал и не стал уточнять. Логофет объяснил мне, что в день прибытия, император был занят и принял их только вчера. Конечно же, произошедший конфуз со встречей и последующий мой отъезд, объяснялся неподготовленностью стражи и отсутствием предварительной договорённости.

– Надеюсь, вы не обижаетесь на нас? – спросил он.

– Нет, что вы! – ответил я. – Бывает!

Тут нас пригласили входить, и мы прошли в дверь. Как потом мне объяснили, это был зал малых приёмов, но он был роскошен, нет слов! Да и размеры его были не маленькие, не меньше 100 кв. метров. Как и следовало ожидать, у противоположной стены стоял трон, на котором восседал император Никейский Иоанн Вадац. Это был чернобородый мужчина около 50 лет, несколько худощавый, с решительным выражением лица. Мы приблизились к нему и поклонились. Я постарался кланяться не ниже своих спутников. Вокруг императора, кроме гвардейцев охраны, стояли многочисленные придворные, в блистающих нарядах, золоте и драгоценных камнях, пёстрых камзолах. Присутствовали и женщины, тоже одетые роскошно.

Меня удивило, что император собирается в присутствии толпы праздной публики беседовать о совершенно секретных планах. Однако, ему виднее, пусть сам решает. Итак, император, внимательно взглядевшись в меня, произносит: – Такой молодой человек, а наделён высокими полномочиями. Похвально!

Мне переводит мой переводчик. Я смущённо перемина-

уюсь с ноги на ногу. Император продолжает: – Мы вчера обсудили ваши предложения. Кстати, напомни мне, от чьего лица ты выступаешь и чьи интересы защищаешь?

Я начал самозабвенно врать – Я, посол союза южных княжеств: Рязанского, Пронского, Переяславского, Коломенского, а также свободных территорий Маргелово и комендатуры Воронежа, курсант Феодор, член «Совета десяти», имеющего договор с монголами Улуса Джучи и его правителя Батыя о ненападении и взаимопомощи.

Было понятно, что никто не будет проверять мои слова и даже не усомнится в моей искренности. Какой смысл мне врать? И далее: – Мы слышаны о бедах братского православного государства, пострадавшего от гнусных происков католических правителей и поэтому решили прийти к вам на помощь. За последние несколько лет, нам удалось собрать достаточно большое и хорошо вооружённое войско, чтобы справиться с латинянами, захватившими Царьград, Второй Рим. У нас достаточно сил, чтобы справиться самим, но мы желаем в этом случае выступить не как захватчики, сменившие других захватчиков, а как равноправные союзники, не желающие зла проживающим в городе народам.

Император прервал мою речь жестом и произнёс: – Я очень тронут заботой братских княжеств, чьи воины предан-

но служат у меня в гвардии в течении многих лет и, в принципе, согласен участвовать в походе. Последние три года я уже трижды пытался захватить город, но проклятые венецианцы своим флотом не позволяют мне перебросить достаточно сил к городу. К тому же, большая часть моих войск сейчас воюет на Балканах, и я не могу собрать достаточно много воинов для этой операции. К маю я смогу, в лучшем случае выставить 3-4 тысячи. Хватит ли этого?

– Достаточно- отвечал я. – Нам бы только обеспечить формальное присутствие никейских войск в осаде Константинополя. Но я бы хотел ещё кое-что. Нельзя ли, через ваших людей, подготовить местное население к свержению католического правительства, а также, организовать в городе небольшой отряд, который в нужный момент сможет прийти к нам на помощь при захвате внутренних ворот на короткий срок в 15-20 минут? Я гарантирую, что мы сможем овладеть воротами внешней крепости, чтобы ваши войска ворвались в город, но я не могу гарантировать, что латиняне не успеют закрыть ворота внутренней стены Константина. А флот венецианцев мы сможем нейтрализовать, в этом вы можете быть спокойным. Ну и конечно мы считаем, что наши усилия должны быть как-то простимулированы. Я уже обговаривал сумму в 100 тысяч золотых?

– О деньгах можете не беспокоиться- ответил Иоанн. –

Если мы вернём Константинополь, то эта сумма будет самой малой частью той благодарности, которую мы сможем вам выразить.

– Прекрасно! – резюмировал я. Позвольте в таком случае преподнести Вам скромный подарок от лица «Совета десяти». Я подал знак Арсену, и он передал золотое блюдо с подарками. Какой-то придворный принял блюдо и поднёс императору. Тот с удивлением воззрился на блюдо. Скорее всего, никаких подарков от меня, он не ожидал. Однако он соизволил обратить на них внимание. Ни золотое блюдо, ни драгоценный крест, не привлекли его, но бинокль его заинтриговал. – Что это? Я подошёл ближе и показал, как смотреть в окуляры. Эта сцена уже нам была знакома, и реакция одариваемых всегда была однозначной. Иоанн взглянул в бинокль и начал водить им по залу. На его лице нарисовалось удивлённо-радостное выражение. Минуты

3-4 он любовался на окружающих его подданных, а потом, с неохотой, оторвав бинокль от глаз, изволил произнести многозначительно – Однако! Затем взял в руки бутылку водки, в обрамлении нарукавника и спросил – А это что?

Я ответил – Это водка, необычайно крепкое вино. Достаточно выпить 100 грамм, чтобы стать весёлым. Но 200 грамм заставят упасть.

Императора не столько заинтересовало содержимое, как сама бутылка. Он принял подарок, пообещав попробовать позже. Кстати, бинокль, он протянул стоящему рядом великому Доместику, что соответствовало чину премьер-министра империи и сейчас тот крутил его у глаз, рассматривая окружающих. Возможно, император хотел намекнуть премьеру о необходимости создания подобных инструментов. Но это меня уже не касалось. Иоанну понравились подарки, и он милостиво осведомился:

– Хорошо ли кормили меня и моих людей? Я ответил утвердительно. Затем он шёпотом спросил – А правда, что у тебя есть самодвижущаяся повозка? Я кивнул. –

– Покажешь?

– Если желаете, то непременно!

– Завтра, возможно?

– Как вам угодно!

– Договорились- сказал Иоанн и подмигнул мне. – А сейчас всех прошу на обед! Император хлопнул в ладоши и одна из дверей зала открылась и в неё выступил новый актёр этого спектакля и стукнув посохом о пол прокричал, что мне

перевели –

Кушать подано! Толпа разошлась в стороны, пропуская императора вперёд, затем хлынула следом. Следующий зал был пиршественным. Все присутствующие дождались, когда Иоанн пройдёт на своё место и усядется. Затем он разрешил всем сесть. Толпа ринулась к столу. Садись не как попало, а по каким-то определённым для каждого, местам. Ничего необычного – «всяк сверчок, знай свой шесток».

Я замешкался в выборе места, но меня пригласил стратопедарх. Я уселся рядом, тут же сел и стратиг Пафлагонии. От императора, на этой стороне стола, мы сидели, как я посчитал 12-й, 11-й и 10-й. Я ниже всех. Но и 12-й, наверно, неплохо! Но в самый конец, я бы не сел из принципа, а до последнего было ещё не меньше 20 человек. С собой я силком затащил своего десятника, 13-м. – Ничего, потеснятся буржуи! Начали подавать блюда, но в первую очередь, налили вина. Бокал был серебряный на половину литра. Кто-то провозгласил – За императора! – Все встали и дружно выпили до дна, а как иначе? Вино было весьма приятное на вкус. Я начал закусывать, чувствуя, что пить придётся много. Перечислять, что было на столе, не хватит листа бумаги.

Я с удовольствием поел кусок от громадной белуги, ляжку фазана, маленького рябчика, седло барашка. Ни о каком гарнире я не думал, хотя и они, щедро политые соусом, про-

сились в рот. Налегал в основном на мясо, люблю его, особенно жареное. Потом пили за жену императора –Ирину. Опять полный бокал. Я решил придержать и дальше старался не пить, а только делать вид, хотя стратопедарх смотрел на мой полный бокал неодобрительно. Хорошо, что переводчика рядом не было. Через полтора часа я понял, что еда уже не лезет в меня и решил потихоньку свалить. Мои высокопоставленные собутыльники пили не пьянея, закуска сказывалась. Они громко переговаривались между собой и с другими соседями, смеялись и беспрерывно ели. Люди выходили, а потом заходили вновь. Я тоже решил выйти, но уже совсем. Сказал Арсену, чтобы он тоже выходил. Арсен едва держался на ногах и мне пришлось его тащить под руку.

Какой-то слуга подошёл с вопросом, но я, не понимая, что тот говорит, жестом показал, что хочу спать. Слуга подозвал раба и сказал ему несколько слов. Раб повёл нас по коридорам через анфиладу комнат и довёл до спального помещения. Кроватей было две. В одну из них я уложил Арсена, а сам уселся на вторую, вспоминая события дня. Было ещё совсем не поздно, но я решил, что лучше не показываться на глаза лишний раз. Договорились с императором на завтра, вот и завтра увидимся! Свою речь я вспоминал с удовольствием – очень неплохая была речь. Я её два дня готовил и запоминал. Всё сказано правильно, даже добавить нечего.

Арсен громко захрапел на своей кровати. Я недовольно поморщился – Вот ведь история, известно, что угро-финны не имеют иммунитета к алкоголю и, как индейцы в США, могут пристраститься к выпивке до такой степени, что потом не оторвёшь. Мы ещё в Маргелово всячески уберегали их от этой пагубной привычки. Надеюсь, что Арсен за один раз, не станет пропойцей. В дверь тихонько постучали. – Это ещё кто? Я поднялся и подошёл к двери. Она не была закрыта, и я отворил её на себя. За дверью стояли две девушки, лет по 18. В темноте их лица были слабо различимы, но фигуры обрисовывались очень ясно.

Первая девушка спросила – Можно войти?

– Ого! Так это русские! Конечно заходите, девчата! Я посторонился, давая им дорогу. Они прошли в комнату и уселись обе на мою кровать. – В чём дело? –спросил я.

– Нам велено ублажить гостей варяжских –ответила первая девушка.

– Ах, вот оно что! – вспомнил я рассказ Забуирова о проведённой им ночи в гостях у князя Фёдора. Как его всю ночь ублажала девушка. Видимо так принято здесь, подумал я. Ну и прекрасно! Кто-то может и откажется, но никак не я. Однако Арсена не поднять, видно придётся мне одному отду-

ваться. Но и этот факт нисколько меня не расстроил.

– Как зовут то вас, красавицы? Девчонки в самом деле были очень красивы.

– Я – Русава, а она-Дарёна.

– Вот и чудесно! –А я Фёдор. Русава подошла к спящему Арсену и попыталась его будить, но напрасно. – Оставь его- сказал я, чувствуя, что начинаю закипать. Лицо загорелось, руки задрожали от желания. Хорошо, что в комнате было сумрачно и девчата не могли этого видеть. Идите ко мне обе! Девчата переглянулись и стянули с себя платья, оставшись нагими. Я моментально освободился от одежды и спал девчонок в охапку. Пару часов мы возились в постели, меняя позы, а потом немного передохнули. Я стал расспрашивать их о причине попадания в Никею. Обе были из свободных крестьянок Волынского княжества. Ещё лет 10 назад их выловили половцы и продали в Кафе венецианцам. А те продали их в Никею. Хозяин заметил их красоту и подарил великому domestiку. С 16 лет они прислуживают во дворце, ублажая знатных гостей. Судьба их не весёлая и не обещает никакого улучшения. Что делать? Таких тысячи и десятки тысяч. Изменить эту ситуацию невозможно. Помолчали вместе, переживая за их погубленную молодость и продолжили баловство. Часам к четырём утра я умаялся и разре-

шил им уйти, подарив каждой по 2 золотых номизмы. Затем я моментально уснул.

22 сентября. Четверг. Я встал в половине одиннадцатого. Арсен уже был на ногах. Показал мне на тазик с водой, стоящий на столике. – Это, принесли утром, - сообщил он мне. Я умылся и вытерся полотенцем. Напялил на себя свой бесстыдный костюм и стал ждать вызова. Арсену про «ночных бабочек» не сообщил. – Зачем человека огорчать? До 13 часов мы болтали ни о чём. Но вот в дверь заглянул какой-то слуга и предложил следовать за ним. Он привёл нас в комнату, где стоял накрытый стол и сидели мои друзья стратопедарх и стратиг, а также с десятков придворных.

Ждали императора. Наконец он вошёл и все вскочили. Император кивнул и уселся. Мы уселись и, дождавшись разрешающего жеста, приступили к обеду. Пользуясь случаем, я налегал на мясо. Император молча ел, не отрывая взгляда от стола. Перед столом резвились шуты, прыгая друг через друга, кривлялись и что-то говорили, видимо смешное, потому что придворные смеялись. Император тоже изволил улыбнуться. Обед продолжался более часа и наконец закончился. Император встал и встали все.

Император протянул руку в мою сторону и произнёс: –

Ну что же, молодой человек, я жду, когда вы покажете мне ваше чудо! Эти слова мне перевёл местный переводчик, совершенно неожиданно возникший возле меня.

Я развёл руками – Я весь к услугам вашего императорского величества. И тогда все двинулись на выход. Для императора была подготовлена карета, вся в золоте. Остальным подвели коней. С императором уселась и императрица Ирина, дочь Феодора Ласкариса. Окружённая сотней гвардейцев, карета покатила к озеру. Остальные скакали следом. Я переживал, как бы Арзамас, не начал стрелять, увидев такое количество вооружённых воинов и выбился в первый ряд придворных. Через полчаса мы прибыли на берег к машине. Вокруг никого не наблюдалось, видимо все волонтёры, увидев приближение толпы, забрались в кузов.

Карета остановилась за 50 шагов до машины, а я выехал вперёд и поскакал к ней, размахивая приветственно рукой. Перед машиной я спешился и передал повод коня одному из вышедших из машины волонтёров. Я приказал всем, кроме пулемётчика, выходить наружу. К нам приблизился император, которого охраняли с боков по два гвардейца, четыре со спины и два впереди. Я открыл капот и начал экскурсию. Это, ваше величество, автомобиль, который движется посредством сгорания жидкого топлива в моторе, и я показал ему мотор. Император взглянул внутрь и непонимающе

пожал плечами. Я велел Арзамасу заводить. Мотор затарахтел, и император инстинктивно подался назад, а его телохранители тут же заслонили его от мотора.

Тогда я, на пальцах, показал, что от вращающегося мотора движение передаётся

на колёса, и машина едет. Я сделал знак Арзамасу, и он проехал вокруг кареты и вновь остановился. Далее я показал кузов и сидевшего в нём пулемётчика. Из чувства сохранения, мы никогда не позволяем машине остаться без охраны. Этот человек внутри стреляет из арбалета по врагу. Арбалет может делать 100 выстрелов в минуту. Император с недоверием поглядел на пулемётчика и попросил: – Покажи!-

Я ему ответил – Прошу прощения, ваше величество, но я боюсь, что в кругу ваших подданных, вдруг, да найдётся человек, который может даже случайно выдать величайший секрет нашего оружия, которым мы воспользуемся при непосредственной встрече с латинянами. Поэтому я бы не хотел раскрывать этот секрет раньше времени.

– Ладно- согласился император. – Теперь я бы хотел проехать в машине.

Я ответил – Садитесь внутрь, ваше величество, но я не разрешаю больше никому в машину влезть. Если уж вы очень хотите, то можете взять ещё одного человека в каби-

ну вместе с нами. Но я предупреждаю – машина помчится очень быстро, и ваши телохранители могут испугаться за вас, что может привести к их непредсказуемым действиям относительно моих людей, остающихся на этом месте. Предупредите их, что волноваться нет причин. Император сказал несколько слов своим гвардейцам, а затем подтолкнул к машине своего переводчика.

– Вот он поедет-объявил император.

– Отлично- сказал я и посадил переводчика в середине, императора у окна и уселся за руль. – Приготовились! Марш! -Я отпустил сцепление, и машина покатила к городу, набирая скорость. Уже через минуту я мчался со скоростью в 70 км в час, заставив императора и переводчика вцепиться друг в друга, забыв о неравенстве сословий и даже заорать. Я тут же сбавил скорость и проехав 3 километра, лихо развернулся задом и помчался обратно. Император имел бледный вид, но уже не орал. Переводчик отпустил его и сидел белый от ужаса, что он хватал Басилевса Империи.

Но я думаю, что император этого не заметил. Мы подъехали к толпе, и я остановился. Император вышел из кабины и к нему тут же подскочили гвардейцы. Толпа придворных живо обсуждали увиденное. Я не знал, как поступить – то ли подойти к императору, то ли оставаться стоять. Интересно, что думает он сам? Император подозвал меня и попросил

прокатить его жену, без переводчика. Я тут же открыл кабину и подал руку Ирине. Она опёрлась на неё и влезла в кабину. Я вновь сел за руль и помчался к городу, но уже не так быстро. Императрица, тем не менее, схватилась за сиденье и повизгивала, пока я не развернулся. Потом она успокоилась и доехала обратно в гордом молчании. Потом я предложил всем желающим сесть в кузов.

Забрались битком около 30 человек. Я прокатил их с ветерком до первых домов города и вернулся. Теперь я ждал решения императора, стоя у машины, по стойке смирно. Толпа смеялась, обсуждая свои ощущения. В кабине я слышался криков и думаю, что придворные получили хорошую дозу адреналина. Император подошёл ко мне и, положив руку мне на плечо, произнёс:

– Да, стратопедарх дёшево оценил это чудо. Я бы дал за машину 100 тысяч золотых, но знаю, что ты не продашь её. Я подтвердил его слова. – Ну что же – сказал он. – У меня отпали последние сомнения в том, что вы в самом деле способны мне помочь. Говорят, что это не последний ваш секрет?

– Так точно, ваше величество!

– Тогда мы договорились. Когда мне вас ждать?

Я ответил – В середине мая, после посевных работ.

– Хорошо, я буду ждать. Ну а сейчас, ты не откажешься погостить у меня хотя бы неделю?

– О нет, ваше величество! Я чрезвычайно рад, что мне удалось увидеть вас и насладиться вашим приёмом, но дела ждут меня. Я думаю, выехать немедленно. Император выразил сожаление, что я так быстро уезжаю, но согласился, что мне видней. Единственно, что стратопедарх попросил меня отложить выезд на утро завтрашнего дня. Пришлось согласиться. Но я не хотел возвращаться во дворец и решил переночевать у озера, а стратопедарха будем ждать после завтрака. Стратиг

должен был остаться ещё на несколько дней по своим делам. На этом вся компания с императором отбыла обратно. Слава Богу, я наконец остаюсь со своими! Очень тяжело общаться с сильными мира сего!

Морской бой с Венецианцами.

23 сентября. Пятница. Стратопедарх прибыл к 11 часам. Я тут же приказал отъезжать. Проводник сел в кабину, а стратопедарх решил ехать в кузове. Через 3 часа сделали остановку на 20 минут, а в 16 часов подъехали к Гераклею. Я не решился ехать по городу и послал посыльного в порт. Через два часа прибыли волонтёры с лошадьми и дежурный спафарий, с отрядом солдат и каретой для Стратопедарха.

Здесь мы расстались на время, и он укатил во дворец епарха. Мы же запрягли лошадей и потащили машину в порт, где и затолкали её в трюм «Оки». Вот мы вновь вместе.

Можно плыть домой, но у меня созрела мысль. Вечером я отправился во дворец епарха и попросил пригласить стратега и стратопедарха. Мы собрались в зале, для малых приёмов и я выложил собравшимся свою мысль:

– А не пощупать ли нам венецианцев? Просто хочется понять их тактику и возможность нашего корабля против венецианского, а заодно показать никейцам наши возможности. Все поддержали меня, но поставили в известность, что флот империи очень ослаблен последним поражением и они практически не могут мне помочь. Я уверил их, что помощь мне не потребуется. Я хочу показать им наш корабль в деле. Я прошу их присутствовать при схватке, чтобы потом сообщить императору о результатах боя.

Спросил – Где мне лучше искать венецианцев?

– Так это просто – они сейчас патрулируют вход в Босфор, чтобы не пропустить наши корабли в Средиземное море.

– Ну вот и прекрасно – заявил я – готовьте завтра одну галеру, и мы выйдем вместе. Однако греки выторговали у меня

один день, ссылаясь на неподготовленность и мы определили днём выхода послезавтра с утра. Я вернулся к себе и рассказал экипажу, что я принял решение сразиться с венцианцами, чтобы попробовать свои силы на будущее. Волонтеры согласились, дело было реально серьёзным и давало возможность получить очень важный, практический урок и испытать себя в опасном сражении.

26 сентября. Понедельник. К сожалению, день выступления оказался воскресеньем и его пришлось перенести на понедельник. Субботу мы потратили на подготовку корабля к предстоящему сражению. Я примерно уже представлял себе картину боя и планировал выманить византийцев в море, а затем уничтожить. Поскольку предполагалось стрелять с кормы в преследующего противника, я с ребятами соорудил на крыше кают-компания, расположенной на корме, мостик с ограждением из досок, предусмотрев амбразуры для стрельбы восьми человек. Туда же затащили 57 мм орудие от САУ. И конечно, поставили пулемёт на треноге. Я не знал точно, какова высота византийских галер, но был уверен, что они выше нашего корабля. Исходя из этого, установили пулемёт, как можно выше, почти на 7 м выше ватерлинии.

Пулемёт прикрыли досками. На мачту прикрепили флаг Никейской империи – жёлтый крест на красном фоне, с двуглавым орлом в центре. Вчера посетили церковь и я, посчи-

тал необходимым помолиться за победный исход предстоящего боя. Наконец, около 9 часов утра, «Ока» вышла из гавани, имея на борту местного турмарха. За нами следовала боевая галера, на борту которой находился стратопедарх. Эпарх остался в городе, ссылаясь на то, что его помощники расскажут о битве.

Перед самым отплытием, я предложил грекам держаться от меня подальше – на расстоянии видимости, чтобы в случае неудачи, удрать в Гераклею. В случае благоприятного исхода, я должен буду дать сигнал ракетой, чтобы греки подплыли ближе. Показал им ракетницу и произвёл показательный выстрел в небо с борта галеры, чем привёл в удивление и восторг всю команду корабля. Галера, кстати, была достаточно внушительная, длиной в 42 метра и шириной в 5 метров. Одна мачта несла косой парус. Количество гребцов составляло по 54 на каждый борт. Экипаж насчитывал 185 человек. Что интересно, гребцы сидели по три человека на банке и их три весла высывались в одно отверстие. Надо было иметь отличную выучку, чтобы не мешать друг другу. Таким образом мы и двинулись в путь к Босфору, до которого было примерно 250 км.

Карта

южного

причерномо-

рья.

Ветер был попутным, и мы достаточно быстро продвига-

лись вдоль побережья со скоростью около 8 узлов. Примерно через 5 часов пути, турмарх, который в этот момент находился со мной на палубе, заметил, что мы плывём уже вдоль берега Латинской империи, провинции Никомедия. На всякий случай мы отошли немного мористее и продолжили путь. Через три часа заметили впереди мачты двух кораблей.

Я вызвал на мостик турмарха и мы вместе начали наблюдать за ними. Турмарх, которому я протянул свой бинокль, объявил, что это венецианские боевые галеры – Дромоны, двухмачтовые суда с одним рядом вёсел. Я возблагодарил Бога, что это не Нефы с тремя рядами вёсел. Корабли плыли нам навстречу на вёслах, так как ветер благопритствовал нам. Через полчаса уже был различим крылатый лев с мечом на флаге ближнего корабля. Византийцы, несомненно, узнали наш флаг и стремились к нам, с целью, уничтожить или взять в плен. Турмарх объяснил мне, что этот тип галеры имеет одних только гребцов 180 человек и экипаж до 300 человек. В принципе наши галеры были примерно одного типа. Я приказал капитану сворачивать вправо на север.

Корабль изменил курс и, подхватив боковой ветер, направился в сторону Крыма.

Скорость снизилась до 6-7 узлов. Оба венецианца свернули влево и погнались за нами. Матросы на их кораблях полезли на мачты разворачивать паруса. Расстояние от нас до

ближайшего составляло милю, а второй корабль шёл гораздо левее. Ну что же, пусть погоняются. Расстояние очень медленно сокращалось. Наши гребцы старались вполсилы. Уже в вечерних сумерках первая галера отставала от нас всего на 350-400 метров, когда с неё вдруг вылетел камень, выпущенный из баллисты, и упал в 40 метрах сзади. Ого! Вот что у них ещё имеется! Но тут стало не до смеха – бревно из катапульты врубилось в корму на высоте трёх метров, пробив стенку кают компании и влетев внутрь. Хорошо, что там никого не было! Так дело не пойдёт.

Я скомандовал стрелкам открывать огонь, целясь в обслугу метательных машин. Хлопнули выстрелы. Венецианцы явно удивились тому, что обслуга вдруг начала валиться на палубу. Я приказал гребцам табанить вёслами до остановки корабля. Вёсла врезались в воду, загребая в обратную сторону. Корабль начал резко терять скорость. Галера быстро приближалась и с неё полетели арбалетные болты, втыкаясь в доски мостика. Дальность стрельбы резко уменьшала убойную силу арбалетов. Я нажал кнопку и прожектор осветил толпу солдат, скопившихся у носа галеры.

Я крикнул – Беглый огонь! И нажал на гашетку пулемёта. Каждая третья пуля была трассирующей и отлично обрисовывала траекторию стрельбы. Я нажимал гашетку до тех пор, пока все 250 пуль не ушли в толпу венецианцев. Всё это

заняло не больше одной минуты. Палуба галеры превратилась в месиво трупов и ещё живых людей, копошащихся и расползающихся в разные стороны. Волонтёры стреляли по одиночным мишеням, добивая уцелевших. Даже, если бы, враг захотел сдаться, некому было поднять белый флаг. Оба рулевых с каждого борта, запрыгнули в трюм, бросив рулевые вёсла и корабль тут же повело влево по ветру, на вторую галеру, плывущую всего в 20 метрах, параллельно ей. За те 10 секунд, в течении которых первая галера проплыла эти 20 метров, вторая галера не успела провести маневр отклонения и произошло столкновение. Первая галера уткнулась в заднюю часть правого борта второй.

Таран воткнулся в борт и пробив его, застрял в нём. Оба корабля сцепились намертво и потеряв скорость, практически остановились. От удара, с обеих галер за борт полетели все тяжёлые предметы, стоящие на палубе, в первую очередь баллисты и катапульты, а во вторую, несколько десятков человек. Я велел поворачивать к сцепившимся кораблям, а в это время выстрелил в небо ракетой, подзывая Никейцев. Наши матросы кинулись опускать паруса и к венецианцам мы подошли на вёслах. Прожекторы освещали картину боя. Продырявленное судно начало набирать воду в трюм и медленно тонуть, заставляя первую галеру крениться на нос, поднимая корму. Солдаты с покалеченного судна перепрыгивали на первую галеру и в свете прожектора видели

сотни трупов своих соратников. Мы прекратили стрельбу и наблюдали за разыгравшейся перед нами драмой. Несколько сотен человек изо всех сил упирались шестью, копьями и вёслами в борт обречённой галеры, пытаясь столкнуть её с тарана первой галеры, тянувшим её на дно.

Жутко кричали прикованные цепью гребцы тонущей галеры, брошенные на произвол судьбы. На палубе возникли несколько человек, машущие белыми тряпками перед нами, а несколько десятков встали на колени, протягивая к нам руки. Мы подплыли на 5-6 метров и остановились. К борту подбежал один из сдающихся и закричал что-то на итальянском, потом на греческом. Мой переводчик объяснил:

– Они безоговорочно сдаются на милость победителя и просят их пощадить и спасти. –

Ничего себе, проворчал я, – их втрое больше, как я их спасу? Пусть пересаживаются на шлюпки. Но я сказал переводчику иначе – Кричи им, что мы принимаем их капитуляцию и попытаемся им помочь. Я приказал кинуть с носа на корму первой галеры несколько канатов и прикрепить их. Затем велел гребцам навалиться на вёсла и попытаться расцепить корабли. Совместными усилиями гребцов и экипажей, первая галера начала медленно сниматься с борта второй галеры. Кто-то догадался освободить гребцов второй галеры и те

начали перебираться на первую. Я велел передать на галеру, чтобы все перебирались к корме, уравновесить корабль. В самом деле, более 300 человек, собравшихся на корме, заставили галеру поднять нос и даже приподнять тонущую галеру, в результате чего из неё часть воды вылилось и отверстие поднялось над водой. Я приказал венецианцам продолжать усилия по извлечению тарана из второй галеры, с одновременным затыканием пробоины.

В течении минут сорока, удалось задним ходом расцепить корабли, и вторая галера освободилась и закачалась на воде, осев почти до самой палубы, но уже гарантированно спасённой от утопления. Иначе говоря, её можно будет довести до берега, если только не разразится шторм. В это время подошла и Никейская галера. Время показывало половину одиннадцатого. Стратопедарх перебрался к нам и внимательно осмотрел картину происшедшего.

– Поздравляю с победой! – обратился он ко мне – а что ты собираешься делать с побеждёнными? Это ведь твоя законная добыча.

Я ответил – Если не возражаете, то я заберу корабельные кассы, а всё остальное передаю вам.

Стратопедарх согласился. Никейцы забрались на пленён-

ные галеры и перегнали всех венецианцев в трюм своего корабля. Гребцов вернули на свои места и под нашим надзором, они начали грести в сторону Гераклеи. Двигаясь против ветра, мы плыли без отдыха, в течении 10 часов. В порт вошли в 9 часов утра **27 сентября. Вторник.** и причалили к берегу. На пристань подходили две центурии местного ополчения, выстраиваясь в две шеренги, между которыми начали выводить пленных. Доспехи и оружие они оставляли на палубе галеры. Трупы убитых выносили и складывали на причал. Раненых уносили в местный лазарет. Убитых насчитали 218 человек, раненых 43. Неизвестное число упали в воду и утонули. Здоровых оказалось чуть больше четырёхсот. Гребцов вывели отдельно и построили на причале. Среди них тоже были убитые и раненые, но не так много. Живых выстроилось 311. Сначала определили, кто из них православные. Таких отвели в сторону, их было 96, мусульман всего 20, остальные объявили себя католиками, притом среди них 70 оказались венецианцами, добровольно служившие гребцами, отрабатывая долги.

Я спросил у православных – Есть ли Русичи? Таких отозвалось 74. – Кто хочет вернуться на Родину со мной? – поинтересовался я. Согласились все, и я велел им подойти к «Оке». После этого изъяли кассы у капитанов. Стратопедарх, не открывая сундуков, передал их мне. Дальнейшее меня не интересовало, и я сказал стратопедарху, что очень устал и

иду отсыпаться. Тот согласно кивнул, и я отошёл к «Оке». Бессонная ночь и напряжение боя сказались на всех. Я приказал завтракать и потом отдыхать.

Завтрак был уже готов, и мы принялись за еду. Покормили и бывших гребцов. Дав задание капитану, назначить дежурных, велел отнести в мою каюту сундуки с добычей и завалился там спать, даже не проверив содержимого. Проспал до 6 часов вечера и вышел на палубу. Дежурный сообщил мне, что завтра катепан устраивает торжественный обед, на который ждёт меня. Ну вот! Я хотел завтра с утра отчаливать домой. Ладно, один день роли не играет. Я вернулся в свою каюту и открыл сундуки с кассой кораблей. Видимо, здесь лежала зарплата экипажам на три месяца и деньги на еду и другие расходы. Всего насчитал 2430 перперов, что составляло в пересчёте на дукаты 1215. Это почти 250 гривен. Тоже не плохо! Было и серебро –ровно 2000 миллиарисиев. Видимо совсем недавно получили на расходы и не успели потратить ни одного. Монеты в кожаных мешочках по 100 штук. Всего почти 30 кг монет.

Были различные расписки, ведомости, накладные и т.п. Я их пока решил не выбрасывать, погляжу позже, может есть что-то интересное. Сундуки задвинул под кровать. Завтра буду решать, что делать с этими деньгами. Сходил на ужин. Большинство волонтёров тоже проснулись недавно и выгля-

дели помятыми. Но усталость прошла, и ребята шутили и смеялись. Вспоминали эпизоды боя. Громадную пробоину в стене временно прикрыли тряпками. Завтра с утра необходимо пробоину залатать. Хорошо, что бревно не ударило ниже ватерлинии или по мостику, где мы стояли. Вообще нам вчера очень повезло, особенно с классом галер, даже не пригодились все наши ухищрения, предназначенные на случай встречи с Нефом.

Неф – это настоящий монстр. На нём возможно размещение до тысячи воинов, высота его верхней палубы над водой, достигает 7-8 метров, а с высоты его надпалубных построек очень удобно стрелять по низко сидящим галерам. Говорят, его камнемёты посылают булыжники на 500 метров и дальше. По сути, это грозный, почти равный нам по силе, противник. Мы сильно рисковали, выходя вчера на этот промысел.

Показалось странным поведение капитана корабля –Ивана. Что-то он мрачный какой-то, но я не придавал значения и ушёл в свою каюту. Посчитал весь доход от начала плавания. Вышло, на наши деньги, по грубым расчётам, более 1400 гривен. Очень неплохая прибавка к общему капиталу! Сегодня не буду думать о дележе, всё откладываю на завтра.

28 сентября. Среда. С утра занимались ремонтом. Отрвали повреждённые доски и прибили новые. Выбросили

сломаннные столы и лавки. Ущерб был не значительный. Прибыл посыльный от катепана, напомнить о приглашении на обед. Я одел парадную форму. О том наряде, что я получил в подарок от императора, даже и речи не шло. Такую срамоту, я носить больше, ни за какие коврижки, не собираюсь. Позвал с собой прапорщика Парамона и переводчика. Идти пешком было, как-то не очень прилично и мы наняли конный экипаж, типа английского кеба, описанного в рассказах Конан Дойля о Шерлоке Холмсе. Доехали до дворца и прошли в ворота, мимо стражников, отдавших нам честь алебардами. Во дворце собралась вся городская знать.

Члены городского совета и просто знатные патриции, их жёны, несколько офицеров местного гарнизона, люди из свиты катепана и т.д. Всего человек сто. Люди бродили по залу, вступали в беседы друг с другом. Меня и Парамона встречали приветствиями, недоумённо оглядывая непривычную в этих кругах, одежду. Но мне было безразлично. Как-то было более удобно чувствовать свою задницу прикрытой со всех сторон. Ко мне подошли стратопедарх и турмарх. Они выразили мне благодарность за подарок в лице двух боевых галер, из которых одна практически не повреждена, а вторую, после ремонта поставят в строй.

Тут я попросил их рассмотреть вопрос о предоставлении мне 74 комплектов доспехов и оружия из общей добычи,

для вооружения согласившихся плыть со мной бывших гребцов. Стратопедарх обещал решить этот вопрос в кратчайший срок, пока ещё не всё имущество с галер оприходовано и не внесено в общий список. Отворилась дверь, и распорядитель выкрикнул –катепан империи Иосиф Манкафа! Вошёл катепан в роскошном наряде, плаще, отороченном соболями, красным подбоем. Его сопровождала свита из двух десятков мужчин и женщин, среди последних наблюдалось несколько очень хорошеньких девушек. Все склонились в поклоне, и я тоже слегка опустил голову. Катепан поздоровался со всеми и направился прямо ко мне, кивая головой встречным знакомым. Подойдя ко мне, он положил руку мне на плечо и повернувшись к публике, объявил:

– Мы собрались сегодня в честь вот этого молодого человека, победившего вчера многократно превосходящего по силам противника и привёзшим в порт более 400 пленных византийцев и две галеры. Виват герою! Все закричали –виват! Мне стало неудобно, но, тем не менее, есть в этом деле и мой вклад. Я раскланивался во все стороны, принимая поздравления. Потом последовал торжественный обед и тосты звучали не только в честь императора и его супруги, но и в мою тоже. Было очень приятно и весело. Еда была на все вкусы. Выпил я очень прилично, но оставался в здравом рассудке и ушёл пораньше, до танцев, поддерживая Парамона. Доехали до корабля на кебе, не знаю, как он называется на

самом деле. Мы зашли на корабль, и я сразу улёгся спать.

Бунт.

29 сентября. Четверг. Утром проснулся довольно бодрым. Голова не болела и чувствовал себя вполне нормально. Привёл себя в порядок и отправился на завтрак в кают-компанию. Пищу принимали в составе трёх командиров взводов, трёх замкомвзводов, Арзамаса и Алёшки. Опять заметил странное выражение лица у Ивана.

Вернулся в свою каюту и выложив на стол карту Чёрного моря, начал думать, как лучше возвращаться в Воронеж. В 11 часов утра я договорился с турмархом, о встрече у пленённых галер, с целью получения 74 комплектов доспехов. Надо будет прихватить всех этих гребцов с собой, чтобы они могли померить по себе доспехи. Вдруг в дверь постучали и вошли Иван, все три десятника его взвода и его заместитель.

– Что-то случилось? – насторожился я. Но вдруг я увидел в руках у Ивана пистолет, который он направил на меня. – Ты что, Иван, в своём уме? – спросил я, поражённый таким оборотом событий. Надо сказать, что всё оружие обычно хранилось у меня в каюте под замком и выдавалось только вахтенным и часовым. Но прапорщики, как и все офицеры, имели пистолеты всегда при себе. Я никак не мог взять в толк, с

чего это вдруг Иван так преобразился. Всего три дня назад мы плечом к плечу сражались с общим врагом, а теперь такая перемена.

Иван, не отводя пистолета от меня, заговорил: – Куда ты дел деньги?

Я опешил – Какие деньги? О чём ты говоришь, Иван! Успокойся и иди пропись! –

– Деньги, которые ты получил позавчера!

До меня начало доходить. – Ах деньги, так они у меня, а что?

– Ты своим людям раздаёшь по 100 золотых, а нашему взводу вообще ничего?

– Каким своим людям, окстись, Иван!

Взвод Ивана числился в роте Теплова, а два других были моими. Но я не делал никаких различий между ними. – Что за чертовщина!

Иван продолжил – Доставай сундуки, мы возьмём то, что нам положено и поделим все деньги по справедливости!

Сколько там у тебя? Мы что, напрасно рисковали своей шкурой, чтобы даром гнуть на тебя спину? Сколько мы заработали за весь месяц? К тому же мы, матросы, имеем право на большее вознаграждение. Этот корабль наш, курсанта Теплова. Вы здесь чужие!

– Твою мать! – и этому, чужие деньги застилают разум! Кем бы он был без нас и нашего оружия?

Команда Ивана тоже подала голос – Отдавай деньги! Зачем ты подарил галеры грекам? Мы хотели их использовать и сами промышлять в море. Мы и без тебя можем справиться!

– Ага, вот оно что! Они увидели, как можно заработать деньги, используя наше оружие, но к оружию ведь и боеприпасы нужны. Насколько бы им хватило наших запасов? Или они думают, что, награбив кучу золота, им удастся, где – то поселиться и зажить в роскоши и довольстве? Как они заблуждаются! Но нет смысла здесь и сейчас, пытаться их образумить. Их пятеро, довольно крепких, молодых парней, но слишком самоуверенных. Я начал действовать почти без раздумий, чисто автоматически.

Удар ногой снизу по руке с пистолетом, ладонью по переносице, стоящему справа от меня замком взводу, левой ногой в живот одному из десятников и, упав на пол, дёрнул за ноги

Ивана. Это заняло 5 секунд. Три человека распластались на полу, а два других отскочили назад, хватаясь за штык-ножи, которые разрешалось носить всем. Но я уже вскочил и выхватил пистолет из кобуры, наставив его на них. Парни замерли у стены. В дверь, видимо привлеченный шумом, бежал Арзамас всегда старающийся быть от меня поблизости. В руках он держал меч, непонятно откуда им взятый. Два человека лежали на полу корчась от боли. Иван тоже грохнулся спиной, но не очень сильно и уже вскочил на ноги. Я пинком подтолкнул, выбитый из его рук пистолет к Арзамасу, который тот поднял и тоже наставил на матросов Ивана.

Я крикнул Ивану и двум стоящим на ногах десятникам: — На пол! Лежать!

Иван, видимо, не поверил, что я могу выстрелить и кинулся на меня, но жестоко ошибся. Я в самом деле не стал стрелять, а в прыжке, ударил его в грудь обеими ногами, и он с грохотом отлетел к стене ударившись всем корпусом и сполз на пол, видимо, без сознания. В каюту ворвались два волонтёра из моей роты, привлеченные шумом и криками. Я велел одному из них, немедленно позвать Парамона и его людей, сколько имеется поблизости. Другому приказал связать руки лежащим на полу десятникам Ивана. Через пару минут в каюту начали входить волонтёры взвода Парамона, а ещё через минуту и он сам. Я открыл ключом шкаф с ору-

жем и приказал разобрать свои карабины пришедшим. Парамону я в двух словах обрисовал положение.

Отдал приказ немедленно согнать всех матросов в кают-компанию, чем и занялись волонтёры, стараясь не привлекать особого внимания со стороны гребцов. Через 10 минут в кают-компанию собрались все свободные от вахты волонтёры и матросы. Ко мне подошёл второй взводный – Кемай и встал рядом со мной и Парамзой. Перед дверью встали четверо волонтёров с карабинами. Ещё десять вооружённых, стояли у стен. Все остальные расселись на скамейки.

Я спросил – Все присутствуют?

Командир отделения из взвода Ивана, сообщил – Нет двух братьев Афанасьевых – Мигуна и Головни. Народ волновался и спрашивали друг у друга – Что случилось?

В дверь ввели Ивана и его людей. Их руки были связаны за спиной и каждого держал волонтёр. Заволновались матросы Ивана, увидев его и других командиров в таком состоянии.

Я крикнул: – Молчать! Всем слушать сюда! Вот, полюбуйтесь господу волонтёры, – эти, с позволения сказать, бунтовщики, покушались на мою жизнь и требовали у меня деньги. Они, видите ли, собираются открыть своё дело в империи и

превратиться в морских разбойников, при этом, украв у нас наше оружие и деньги. Им, оказывается не нравится учиться, и они уже достаточно умные, чтобы действовать самостоятельно. Я хочу спросить у присутствующих – Вы тоже считаете, что вам мало платят и плохо кормят? Может быть, вас принуждают учиться побоями и содержат в голоде и раздетыми, заставляют трудиться до кровавых мозолей, избивая кнутами и сажая в карцер недовольных? Кто хочет податься в разбойники, клянусь, я не стану задерживать и отговаривать? Но только без смертоубийства своих ближних!

– И ещё, вам придётся оставить своё оружие здесь. Во все времена, бунтовщиков вешали на реях корабля, но я, так и быть, в порядке исключения и проявляя христианское смирение, подарю жизнь этим негодяям, потерявшим всякий стыд и напавшим на своего командира. А теперь хотелось бы выслушать этих, не знаю, как их уже назвать, потерявших человеческий облик, заговорщиков.

– Один из десятников, по имени Горкуша, рыдая и всхлипывая, рассказал следующее: –

– В их взводе служили два брата, сыновья Рязанского боярина, Афанасия. Одному было 19 лет, другому 22. Ещё с первых дней они постоянно выражали своё недовольство, якобы, несправедливым отношениям к ним командиров, не считающихся с их боярским величием. При назначении десятников, их обошли, назначив рядовых волонтеров, притом

одного из числа их крестьян. Когда же мы отправились в поход, то начали ворчать, утверждая, что я, отношусь к их взводу пренебрежительно и унижаю их достоинство перед своими волонтёрами. А после разгрома турок, начали рассказывать истории, что они, будто бы, точно знают, что при разделе добычи, их взвод получил сущие гроши по сравнению с остальной командой. То же самое они болтали и после битвы с венецианцами. Здесь они вообще заявили, что их взводу ничего не перепадёт, так как все деньги я прикарманил себе лично.

Тут я и в самом деле сплеховал, отложив выплату премии аж на третий день после их получения. Вот эти двое и подбили непрерывным враньём своих десятников, а через них и самого Ивана. У них появился план – отобрать все деньги, которые хранились у меня и поделить между всеми, оставив себе львиную долю, а затем, воспользовавшись нашим кораблём, устроить охоту на торговые суда в Чёрном море. После того, как они нагрябят достаточно богатств, устроить себе роскошную жизнь в империи или вернувшись на Родину. Им мешало моё присутствие, и они собирались выкинуть меня на берег, а если буду сопротивляться, то и убить меня и Арзамаса. Сомневаюсь, что им удалось бы уговорить Парамона и Кемая. Но они могли их принудить силой оружия.

Я взял слово и объяснил, что моя вина в том, что я не

раздал премию ещё позавчера, но тут виной моя усталость и вчерашний обед во дворце. Но, в любом случае, не стоит рассчитывать на раздел всей добычи. Мы не должны забывать о своих товарищах, оставшихся в Воронеже и Маргелово. Они имеют полное и неотъемлимое право, рассчитывать на свою долю. Большая часть денег должна уйти на содержание наших посёлков, обучение и содержание волонтеров, строительство для них собственных домов и т.д и т.п. И вообще, все, кому не по нраву наши порядки, могут в любое время оставить нас и заняться своим делом.

Кроме того, разве они не видят, что мы не стремимся к личному обогащению. У нас даже одежды нет подходящей, которую можно было бы назвать богатой. Ни у кого из нас нет не только дворца, но и вообще собственного дома. Они разве не могут сравнить нас со своими князьями и боярами, которые стараются содрать со своих крестьян последнюю рубашку? Может быть, кто-то считает, что он смог бы руководить лучше? Всё это я произносил при полном молчании присутствующих.

– Итак, заключил я. Не буду наказывать бунтовщиков. Вы сию же минуту будете изгнаны из нашего общества. И я вас предупреждаю – не попадайтесь мне на глаза. Я вынул из карманов все деньги, какие у меня там были в этот момент. Их оказалось 20 золотых и 12 серебряных монет. Вот вам

деньги, я их даю вам не заслуженно, а только от себя лично, из жалости к вашей молодости. Забирайте свои вещи, если они у вас есть и убирайтесь вон! Все пятеро пали на колени и завопили с мольбой о прощении. Но я, как не жаль мне было этих глупых мальчишек, понимал, что простить их нельзя.

Они уже никогда не забудут своего унижения и всегда будут держать на меня злобу. Как говорится – «не тот случай». Я спросил у собравшихся – Кто считает, что я поступил неправильно? Все молчали. Я заявил: – Это вам урок. Никогда не пытайтесь учить господ курсантов. Запомните это на всю жизнь. Временно назначаю капитаном корабля унтера Арзамаса. Принимай командование, назначь десятников из числа матросов. А теперь пусть каждого из бунтовщиков проводят к их кровати и отдадут им их личные вещи. Форму отобрать, как и оружие. Пусть выберут себе одежду, оставшуюся от убитых венецианцев. Горько стенающих матросов отволокли к их ночлегу, раздели, дали собрать свои вещи, одежда у них нашлась своя, отдали подаренные мной деньги и выставили на берег. Из жалости я разрешил им забрать свои мечи и кинжалы, положенные к форме. Они ещё долго стояли на пристани, наблюдая за нашими действиями и, возможно, надеясь, что я передумаю. Но к вечеру они исчезли.

Гребцы, конечно, догадались, что у нас тут происходят свои разборки и ничем не выдали своего интереса. Между

тем, я собрал русских гребцов и повёл к их бывшим галерам, где меня ждал турмарх Гераклеи с десятком воинов и чиновником, которому было поручено оприходовать поступившие ценности. Гребцов подпустили к куче доспехов и вооружения, из которой они выбрали, по своему росту, подходящие доспехи, превратившись в неполную роту солдат. Каждый взял по мечу, топору, копьё, кинжалу. Двое взяли по арбалету. Я показал, что больше ни на что не претендую и чиновник приступил к своим обязанностям. Я же повёл свой отряд на корабль. Теперь у нас было вполне достаточно гребцов, аж 146, на 80 вёсел., которые мы почти не использовали. Зато число волонтёров убавилось на 7 человек и нас осталось 91.

Арзамас указал новым гребцам их место на корабле, где они и расположились. Я велел им самим выбрать из своего состава старшего и десятников. Потом зашёл в свою каюту и достал деньги. Прикинул, какую сумму определить для выплаты премии. Потом позвал переводчика и показал ему бумаги, доставшиеся с кассами галер.

– Посмотри- сказал я – где-то тут должна быть ведомость по зарплате. Интересно, сколько платили венецианцы своим матросам?

Грек начал копаться в бумагах и наконец нашёл искомое. – Вот – сказал он.

– Читай –попросил я.

Грек начал – Алексей Папамихаил, стрелок -2 перпера в месяц.

Я перебил его: – Ты мне имена не называй, посмотри сколько получает рядовой матрос, наёмный гребец, наводчик катапульты и т.п.

– Понял –ответил переводчик и начал просматривать список. – Ага, вот –я уже говорил –стрелок 2 перпера в месяц, наёмный гребец -1 перпер, пентарх –это командир пяти воинов –два с половиной, декарх -3 перпера, кентарх -8 перперов.

– Хватит –остановил я его. – Короче, обычный матрос получает 1 дукат в месяц?

– Верно-ответил грек.

– Тогда свободен -отпустил я его. – Неплохо платят на венецианском флоте. Это что же получается, простой матрос зарабатывает почти 2 с половиной гривны в год? А я волонтерам плачу по 2. Сравнимо, я не ошибся. Если в Европе платят столько, то мы в самом деле своим переплачиваем,

но это не страшно, если есть деньги. Поступлю таким образом –рядовым выдам по 5 перперов, десятникам по 6, взводным по 10. Гребцам по одному перперу. Я отсчитал деньги и выйдя наружу, подозвал взводных прапорщиков и Арзамаса. Передал им деньги для своих. Потом позвал старшин гребцов и выдал им их деньги. Уверен, что они и золота никогда не видели. Но ладно, завтра с утра выезжаем.

Часть 3

Возвращение в Воронеж.

30 сентября. Пятница. Начали плавание в 9 часов утра. Ветра практически не было. Моросил дождик. Гребцы принялись грести. Таковую махину, как наш корабль, не очень-то разгонишь шестьюдесятью вёслами. Гребцы, кстати, тоже недоумевали, что у нас всего 60 вёсел, а при нашей низкой мачте, с полным ветром больше 9 узлов не дашь. Но мы делали вид, что всё идёт как надо. Едва мы проплыли несколько миль и Гераклея исчезла из виду, Арзамас включил двигатель и пересел за руль в кабине. Гребцы, если можно так выразиться, «офонарели». Корабль поплыл сам, без парусов и вёсел, которые Арзамас велел отложить. А ветер, между тем, к 12 часам дня и вовсе задул против движения. Паруса убрали вовсе и корабль медленно, примерно 7 узлов, двигался на север. Команда и гребцы отдыхали. После обеда ве-

тер сменился на боковой и паруса поставили вновь. Скорость выросла до 9 узлов, и мы плыли таким образом до темна, а там уже задул хороший, попутный ветер и мотор отключили.

2 октября. Воскресенье. Ничто не мешало плаванию. Вчера вечером нас задел край шторма, но мы выбрались. Волнение достигало 4-5 баллов и мы немного волновались, но обошлось. В половине восьмого миновали слева Крымские горы и в 10 часов прошли Керченский залив. Подмывало зайти в Кафу, шугануть работоторговцев, но здравый смысл не позволил. Двигались на парусах с помощью гребцов, не всё же им время отдыхать! И вновь, город Тану прошли в темноте в 9 часов вечера. За прошедший сентябрь, город слегка восстановили и берег уже светился многими огнями домов. Вроде бы заметили стоящие в порту города корабли, штук 10, но типы кораблей не определили. Против течения реки пришлось запускать мотор.

6 октября. Четверг. Ночью, в каком-то месте, которое определили наши половцы, мы остановились и свезли их всех на берег. Они утверждали, что здесь их Родина и, хотя мы убеждали их, что все половцы разгромлены и бежали на запад, они остались непреклонны и остались. Мы тепло попрощались с ними и поплыли дальше. В 8 часов утра вошли в реку Воронеж и через час швартовались у причала комендатуры. Нас ждали Теря со взводом волонте-

ров. Он пытался мне рапортовать, но я попросил его просто рассказать обо всём позже. Главное, что всё в порядке, все целы. Сегодня был базарный день, и вся наша бухта была полна различных судов, включая две генуэзские каракки. Мы проследовали на своё место, которое было запрещено занимать, и дорога в лагерь была также свободна. Торг шумел чуть севернее нашего пирса, метров на 400.

Но это не расстояние и сотни глаз следили за нашим прибытием. Автомобиль и САУ, пока оставили в трюме до темна, дабы не пугать публику, а больше нам почти нечего было разгружать. Только 25 баранов, сотню кур и индюков, 4 коровы, купленные в Гераклее, по совету тамошнего претора, как высокоудойные, несколько мешков зерна, других продуктов. Целых две бочки, по 100 литров, оливкового масла, тонну арбузов и дынь. Возили это на подводах. Подошёл директор рынка, это я его так называю, поздоровался, поинтересовался ценами на кое-какие товары в Никее.

Что я знал, ответил. Пристань без меня расширили ещё на 100 метров. Теперь к ней могли швартоваться до 50 ладей одновременно и с десятков кораблей более высокого класса, типа генуэзской каракки или большой галеры. Отбитая галера и ладьи так и стояли в нашем закутке бухты. Как я поглядел, торг разросся до 2-х гектаров, да ещё склады. Завтра посмотрю внимательно. Прибыл в лагерь. Штаб был уже

закончен, и строители приступили к строительству уже второго 3-х этажного общего дома для малосемейных. Все палатки свернули и волонтеров поселили в казарму. Разметили места для стадиона и плаца. Строилась конюшня и одна большая столовая.

Одновременно шла заготовка сена на зиму, для предполагаемых лошадей. Пока в конюшне были размещены 20, имеющихся в наличии лошадей, 22 коровы, бараны и свиньи. Для домашней птицы сделали птичник. Обедали в помещении учебного корпуса. На первом этаже разместили столовую. После обеда все командиры собрались в одном из учебных помещений. Здесь Теря отчитался за свою деятельность во время моего месячного отсутствия. В целом дела обстояли очень даже, не плохо.

Строительство продвигалось ударными темпами. Лес вырубался и за прошедший месяц освободили 14 гектар. Мы рассмотрели строительный план и карту. По распоряжению Тери, штаб выстроили несколько большим по размеру -36x24 м, вместо планируемых 27x18 м, но это не страшно, лишняя площадь пригодится. Что будет в штабе, пока ещё не решили. Учебный корпус подготовили и распланировали на отдельные аудитории. Вышло 16 аудиторий на взвод каждая и 4 аудитории, каждая на 2 взвода. В наших условиях, при наличии лишь двух курсантов – меня и Теплова, про-

ще преподавать одновременно, как можно большему числу слушателей. Поскольку казарма ещё строилась, то волонтеры жили на первом этаже учебного корпуса, где временно разместилась и столовая. Функционировали школа, баня и клуб. На стадионе разметили футбольное поле, волейбольную площадку, поставили скамьи для зрителей.

Но всё это я лучше посмотрю завтра. Сегодня я решил отдохнуть. Всех нас три взвода, тоже пока решили разместить в учебном корпусе. Там уже работала котельная в центральной части. Для 133 гребцов пришлось вновь разворачивать палатки. Для начала я выстроил их и спросил: – Кто желает вернуться домой? Многие выразили такое желание. Я пока не стал их пересчитывать, а сообщил: – Несколько дней вам придётся пожить с нами. Два дня я вам даю отдохнуть, а потом будете нам помогать. Если кто-то захочет остаться жить у нас – милости просим! Нам нужны люди. Обещаю, со временем, предоставить каждому оставшемуся жильё.

Кроме того, они будут получать зарплату. Для тех, кто жил в Галиции, Волыне, Полоцке, Черниговском и Переяславском княжествах, должен довести горестную весть – в настоящее время там идёт война. Монголы разоряют и грабят те земли, истребляя всех попавших им на пути. В ближайшие несколько месяцев попасть туда будет не реально. А те, кто хочет вернуться в другие княжества, я обещаю, что

до снега, обязательно вывезу их до Рязанского княжества, а дальше им придётся добираться самим. Ну а пока оставайтесь здесь. Вас будут кормить бесплатно. Я попросил Терю переписать всех бывших гребцов, с указанием их прежней специальности и предоставить мне позже этот список. Для меня отвели пока квартиру в только что, построенном доме. Я пошёл туда поглядеть и занести свои вещи. Дом находился в сотне метров от учебного корпуса и представлял из себя 3-х этажное здание с 4-мя подъездами, по 9 квартир площадью 54 кв.м , по 3 на этаж. Меня поселили на 2-й этаж.

Квартиры были все 2-х комнатные. Этот подъезд занимали командиры взводов, Теря и я. Всего 8 занятых квартир. Теря с женой, остальные по одному и Арзамас с Алёшкой вдвоём. Я настоял, чтобы они жили рядом со мной. Я осмотрел квартиру. Зал, спальня, кухонька, туалет, душевая комната, балкон. Туалет с унитазом нашего производства, но без смывного бачка. Смывать придётся из ведра, так как труб уже нет, как и вентиляей. Едва хватило на краны в столовой и душе. Освещение свечное и керосиновыми лампами, пока ещё без стеклянной колбы. Все лампочки ушли на школу, учебный корпус и штаб. Зато на кухне имеется примус. У меня нет никакой посуды – надо покупать или брать на складе, если есть. Койка – из грубых досок сороковок, конечно же без сетки. Есть матрац и подушка, набитые соломой. Одежда шерстяное.

Нет ни стульев, ни стола. Окна затянуты полиэтиленовой плёнкой в два слоя, с промежутком в 3 см. Солнце с трудом пробивается через полиэтилен, но всё равно гораздо лучше слюды или промасленной бумаги. В зале несколько полок, куда я сложил свои вещи – два комплекта обмундирования, гражданскую одежду простолюдина, срамной наряд византийского горожанина, меч, лук со стрелами, доспехи, автомат, фляжка, котелок, сидор с мылом и бритвенными приборами. Два сухих пайка, три перевязочных пакета, аптечка с таблетками, шприцем и антибиотиками, 20 пачек Беломорканала, 10 коробок спичек, часы -будильник, несколько тетрадей, карандашей, ручек, карты и т.п. Однако бедновато, подумал я.

Как-то надо обживаться. Другие устроились подобным образом. Надо в обязательном порядке завести плотника, чтобы делал хоть какую-то мебель. Без женщины квартиру не облагородить. Принести мои вещи мне помогли Арзамас и Алёшка. Я рассовал вещи по местам и уселся на кровать, думая о благоустройстве. Что мне ещё надо в квартиру? Надо записать на листок и начать обставляться. Закрыл дверь на висячий замок, засунув в карман ключ, вышел на улицу и прошёл по главной улице посёлка до стадиона. Стадион был огорожен столбами, между которыми натянули старые рыбацкие сети, взятые на обмен у рыбаков. Сети будут задер-

живать высоко летящие мячи. Поле, после вырубки леса и разравнивания бульдозером, слегка заросло травой.

Уже поставили футбольные ворота, натянули сетку для волейбола. Имеется яма с песком для прыжков в длину. Площадка для метания копья и гранаты, беговые дорожки размечены. Пока ещё никто стадионом не пользовался. После стадиона простиралась, освобождённая от леса, площадь, шириной 200 метров, уходя на почти километр вдаль, где мужики валили лес. АСУ 57, со снятыми вооружением и бронёй, корчевала и вывозила пни и брёвна. Другая САУ, оборудованное бульдозерным отвалом, выравнивала площадку. Влево и вправо уходила дорожка. Слева расположился склад сваленных брёвен и пилорама с единственной пилой, приводимой в движение бензиновым генератором. Шесть человек обрабатывали брёвна с 4-х сторон, убирая горбыль в отдельную кучу, а полученные квадратные брёвна в другую.

Гора брёвен выглядела внушительно. П-образный козловой кран с тельфером, укладывали брёвна. Справа от меня располагались конюшни. Ещё не все были закончены. Тут же ходили куры, ища в траве корм. Хрюкали свиньи. Баранов и коров угнали в лес, на пастбище. Загон для баранов и коз находился с правой стороны за конюшнями. Я развернулся и пошёл обратно. Слева, после боксов с техникой и телегами, раскинулся строевой плац. Его размер был 120x90м. Он

тоже был без покрытия, с короткой травой. Одинокó стояла трибуна, параллельно главной улице. На против плаца, с правой стороны, строился ещё один жилой 18-ти квартирный дом.

Таких запланировали ещё два. В этих домах, квартиры будут иметь площадь по 72 кв.м. из трёх комнат. Прошёл штаб, где ещё не было ничего, следом шёл учебный корпус, прямо перед лесополосой, а слева водонапорная вышка с главным наблюдательным постом, на высоте в 15 метров. Там располагались ёмкость для воды, а вокруг неё огороженный пост на 4 человека, с пулемётами и радиостанцией, двумя прожекторами, с мачтой, на которой развивался флаг ВДВ. Улица проходила дальше через лесополосу и вела напрямиком на наш причал к реке. Во время ужина я предупредил всех командиров, что завтра с утра, обязательно проведём физзарядку. Подъём в 7 часов утра, как обычно. Жизнь продолжается, и мы переходим на мирные рельсы.

После ужина я сообщил по рации Теплому о происшествии с участием его командира Ивана и его подчинённых. Было очень неприятно сообщать о принятии мной решения об их отчислении через его голову. Однако ситуация была такова, что выбирать не приходилось. Теплов сообщил, что он запросит у Судейкина кандидатуру на нового командира взвода и его зама. А на посты новых командиров отделений,

он продиктовал три имени. Я также посоветовал Теплому поставить мачты максимально возможной высоты, но без стыков, одним стволом. Потом связался с Судейкиным и вкратце рассказал о своих похождениях. Сообщил, что мне удалось встретиться с императором и договориться о совместных действиях против крестоносцев.

Кроме этого, я задал вопрос о возможности забрать самолёт, с тем чтобы, регулярно летать между нашими посёлками. Судейкин был не против и предложил приехать за самолётом, как только я найду время. Я решил, что сначала наведу порядок здесь и, как только служба наладится и войдёт в своё русло, сразу поеду в Маргелово. Чрезвычайно важную идею подал я Судейкину напоследок. Раз уж монголы нападут на Муром и Нижний, то надо немедленно уговорить князя Ингвара занять в этих княжествах, как можно больше денег, под любые проценты, с обещанием, якобы, их возврата после сбора урожая 1240 года, ссылаясь на тяжёлое положение княжества от его разорения монголами. Одновременно выкупить у купцов в долг, как можно больше зерна, сена, других продуктов, предметов роскоши и вообще всего, что только можно. Возвращать всё равно не придётся. Судейкин живо заинтересовался этой идеей и обещал завтра же начать действовать в этом направлении и, возможно, вложить в эту аферу часть наших денег. В половине десятого я лёг спать на своё жалкое ложе.

Жизнь возвращается в своё обычное русло.

7 октября. Пятница. Встал по будильнику без десяти семь и пошёл к учебному центру, постучав по пути, в дверь к Арзамасу с Алёшкой. Ровно в 7 объявили подъём и обе наши роты, во главе со мной, побежали по дороге к причалу и обратно на стадион, где мы провели разминку и вернулись. Я пошёл к себе переодеваться и умываться, а в половине девятого на завтрак. В 9 часов начались занятия, как в школе, где преподавали Арзамас с Алёшкой и Кечуш, так и в учебном корпусе. Я вёл лекции в аудитории на два взвода. Я рассказывал о проекции фигур на плоскость и системе координат. После обеда я пошёл проверять ход строительных работ в лагере и вообще состояние дел. Артельщики, разделившись на 3 группы, строили жилой дом, столовую и казарму. Им помогали волонтеры, по взводу на каждый объект.

Карта Воронежской комендатуры на конец 1239 года.

Планировали ввести все 3 объекта к 15 октября. После этого переходили на конюшни, следующий жилой дом и механической мастерской. Пообщался с бригадиром артельщиков, Килибакой, старшиной Суздальцев, Лемешем. Поговорил с пленными бродниками, к которым уже присоединились два половца и два византийца, к ногам которых, уже приковали цепи. Спросил, как их кормят, какие жалобы. Поинтересовался ходом обжига кирпичей и керамических труб. Зашёл к лесорубам, где Кечуш и Парамон управлялись с САУ, а шестеро Суздальцев валили деревья. Узнал у Тери,

что он нанял четверых пожилых крестьян для выпаса овец и ухода за лошадьми.

В столовой работали 8 наёмных женщин из рыбацких посёлков. Десять женщин занимались уборкой помещений в школе, учебном корпусе и штабе. Восемь пожилых мужчин работали садовниками и по уходу за коровами и свиньями. Сходил на склад у причала. Склад отгрохали вместительный, размерами 60х24м. В одном отделении лежали доски, их было ещё больше тысячи. В другом отделении хранились продукты длительного хранения – копченое мясо, зерно разное, мука, масло, в том числе 2 бочки оливкового, которое мы привезли, арбузы и т.п. Несколько электромоторов, кое-какие трубы и прокат. Склад постоянно охраняли два часовых. На причале стояли наши корабли – «Ока», галера и 10 ладей. 8 ладей мы продали за 16 гривен.

Причал также охраняли 2 часовых и на «Оке» дежурили два матроса. Сходить на торг уже не было времени, и я вернулся через пост со шлагбаумом, при входе на дорогу в лагерь. Здесь также дежурили двое. Так день и прошёл. После ужина Теря представил мне список бывших гребцов. Там оказалось много людей из княжеств, в которых сейчас зверствовали монголы, поэтому они вынуждены были остаться у нас.

Из остальных, желание вернуться домой, высказали 42 человека –Пронские, Рязанские, Суздальские. Профессии у людей были самыми разнообразными, как-то: плотников -11, крестьян -44, горшечников -2, кожевников -4, купцов-2, чеботарей -3, бочаров-4, пекарей-1, мельник -2, пастухов-4, шорников-2, монахов-1, пасечник-1, дружинников бывших -14, лекарь и его помощник, кузнецов -5, приказчики в лавках -4, плавильщиков -3, углежёгов-6, строителей -12, стеклодув -1, остальные не имели никакой профессии и работали батраками или типа, принеси-подай. Меня крайне заинтересовал стеклодув и лекарь с помощником. Вот кто нам нужен до крайности. Да и все остальные профессии нам бы пригодились, даже крестьяне. Завтра с утра ещё раз поговорю с ними.

8 октября. Суббота. С утра пробежка всем лагерем, разминка на стадионе и на завтрак. Провёл лекции до обеда, на тему –«Периодическая таблица» Менделеева, благо, что имелся учебник по химии за 10 класс. После обеда, вместе с Терей отправился на место лагеря бывших гребцов. Они расположились между загоном для овец и лесопилкой. Безусловно, все они были крайне поражены увиденными машинами, бензопилами, козловым краном с тельфером и много ещё чем. Я попросил их выстроиться и рассказал им о всех благах, которые ожидают тех, кто захочет здесь остаться.

Мало того, я предложил даже тем, кто имел семью, съездить за ней и привезти сюда. На это я даже выдам деньги. Те, кто уже изъявили желание остаться, с понедельника могут приступать к работе. Со сдачей жилого дома, все будут уже через неделю-две, расселены в квартирах, пока по несколько человек, но, с постройкой жилья, каждый получит или избу, или отдельную квартиру. О своём решении они могут мне сообщать лучше всего завтра, а сегодня хорошенько подумать о моих предложениях. Оставив их

решать свою судьбу, я отправился на торг. День был не базарным, но народу хватало.

Я пришёл с пятеркой охраны и Арзамасом. Директором рынка сейчас был новый человек, по виду, грек. Он назвался Алексисом и пошёл с нами, показывая своё хозяйство. На расстоянии около 50-70 метров от причалов, начинались торговые ряды, в виде прилавков с навесами от солнца и дождя. Эти ряды тянулись на две сотни метров в два ряда, а к лесу располагался ещё один ряд лавок – двухэтажных изб, где первый этаж занимал магазин, а во втором жили хозяева. У лавочников имелись, сзади домов, склады с товаром и даже уже клочки земли под огород. Видно было, что люди устраиваются надолго. Что интересно, ряды и лавки расположились на месте бывшего

рыбацкого посёлка, который переместился на другой берег залива.

Рыбакам заплатили за их лачуги, чтобы они их освободили. Лачуги были в основном землянками, которые было не жалко оставить. На месте этих землянок устроили склады или вообще снесли, выстроив на этом месте избу. Побережье преобразилось совершенно. Кроме торговых рядов, стояли 14 двухэтажных лавок. Между прочим, обрезные брёвна для строительства, лавочникам предоставил Теря, за чисто символическую плату. Уезжая, я рекомендовал Тере, по возможности помогать расширению рынка. За торговыми рядами, вправо уходила дорога к деревне землепашцев Эрзи, вдоль которой уже появились около дюжины изб, заселенных родственниками лавочников, уже начавших вырубать лес и пахать землю под огороды и зерновые.

До деревеньки было едва полкилометра и, эта дорожка непременно будет заселена в скором времени. А вдоль берега к будущему Воронежу тоже уже выросли более 20 домов новых поселенцев, образуя поселение. По моим предположениям, ранок, скорее всего, потихоньку будет сдвигаться в эту сторону и вглубь леса, дальше от реки, так как места там осталось немного, а расширяться в нашу сторону мы не позволим, и так уже самим мало места. Особенно, меня обрадовала паромная переправа через реку, ещё чуть дальше от рынка, где-то в 350 метрах. В этом месте ширина реки составляла примерно 150 метров. В качестве парома исполь-

зовалась резиновая десантная лодка АЗ, способная перевозить до 30 человек или до 3.6 тонн груза, а её размер 6х2.3 метра, позволял разместить телегу с конём. На обеих берегах были установлены барабаны, на которых крепился канат. Три крепких «пенсионера», приходили сюда утром и дежурили до вечера, уходя домой, оставляли одного в сторожке, дежурить по очереди.

Передвижение парома осуществлялось простым подтягиванием каната вручную, через вращающийся барабан. На ночь лодку вытягивали на берег. Пенсионерам положили плату –пол гривны в год и ещё «чаевые» от переправляющихся. Моментально на обеих берегах, рядом с переправой, возникли посёлки. На том берегу 12 изб, на нашей пока четыре. Мы переправились через Воронеж и посетили возникший на берегу посёлок. Я представился, вышедшему нас встречать, пожилому человеку, как комендант поселения и военного лагеря. Встречавший назвался Невером, старостой посёлка.

Он сообщил, что в деревне живут 12 семей, общим числом в 18 мужских рабочих душ, не считая женщин, детей и стариков. Пока они занимаются рыбной ловлей. Но уже начали расчищать землю для посева зерна и огородов грядущей весной. Я передал ему, что, если жители имеют желание учить своих детей грамоте, то пусть приводят своих детей, в

возрасте от 7 до 12 лет, утром в военный лагерь, где их будут учить. Ещё спросил, сколько в селении пожилых людей, которых можно привлечь к не тяжёлой работе? Этот вопрос очень вдохновил мужика и он, прикинув в уме, доложил – 6 мужчин и 5 женщин, в хорошем физическом состоянии. Кстати, он сообщил мне, что совсем недалёко имеется деревня с землепашцами в 16 дворов.

Я записал в тетрадку все полученные данные и отправился обратно. Посетил поселения на нашем берегу. Насчитал 25 изб. Однако они были раскиданы группами, самой большой из которых являлась группа в 14 изб. Подошёл туда, познакомился с одним из жителей, седобородым дедом, сидевшим на завалинке у одного из домов. Деда звали Трофим и он заявил, что все мужики на работе. Кто-то на торге работает, кто-то на пристани. В домах одни бабы и дети. Я ему тоже сообщил об учёбе в школе и пошёл на торг. Спросил у директора рынка про семьи лавочников. Тот ответил, что в каждом доме-лавке, проживают по семье, основным кормильцем которой является хозяин лавки, но ему часто помогают дети, старые родители и жена.

Семьи состоят из 5-6, а то и 15 членов. Я прикинул, что только на нашей стороне, до переправы, живут не менее 400 человек разного пола и возраста. Учитывая тенденцию разрастания поселения вокруг лагеря, можно было ожидать уве-

личение населения, по крайней мере вдвое, через год, а точнее до 2-2,5 тысяч. Обдумывая эту проблему, вернулся в лагерь и отправился к себе. Переоделся и отправился на ужин. После ужина, позвал Терю и мы уселись в столовой за одним из столов. Я выразил восхищение усердию Тери и похвалил его за проведённую в моё отсутствие, работу. Далее мы с ним определили количество нанятых со стороны работников и население посёлка.

Волонтёров со мной и Терей, насчитывалось 163 человека плюс жена Тери. 133 гребца, 27 Суздальцев, 20 артельщиков, 48 бродников и 3 их женщины с 5 детьми, лекар с женой и 2 детьми. Итого 396 человек и 5 детей. Кроме того, в посёлке работают около 25 проходящих работниов, которые у нас обедают и ужинают. Через месяц прибудет Теплов и с ним 30 волонтёров. Зато, возможно, уедут сколько-нибудь гребцов. За прошлый месяц выплачено содержание своим людям в размере 28 гривен, зато на продукты не пришлось тратить-ся, хватает захваченных. Имеем ещё 16 гривен за проданные ладьи и 23 гривны за доски и брёвна. При их цене около 30 гривен. Я показал Тере на стоящие у меня под кроватью мешки и сундуки с деньгами, привезёнными из похода в Никею. Вот здесь золота и серебра примерно на 4880 гривен. Точнее не могу сказать. Золота 64 кг и серебра 250. Да в Маргелово я получил тысячу гривен на расходы. Эту тысячу и ещё тысячу я увезу обратно, но нам нужно иметь охраня-

емое помещение для хранения наших ценностей.

– Кроме того, я собираюсь посетить Маргелово, чтобы забрать оттуда самолёт. Нам необходимо построить взлётно-посадочную полосу ВПП. Я предлагаю выстроить её в конце училища, за стадионом, как раз после лесопилки, метров на 150-200. Лучше в середине, там, где предполагается дорожка в деревню к Бурною. Её надо будет подготовить к моему прилёту. А уехать я собираюсь после сдачи казармы, столовой и ещё одного жилого дома. Я надеюсь, что к 15 октября они будут закончены? –

– Безусловно, заверил меня Теря. На этом мы разошлись по своим квартирам. В квартире было не холодно, хотя на улице стоял прохладный вечер. Дело было в конструкции системы отопления, подсказанной нам китайским мастером Ли Тун По. Его система не применялась в Маргелово, где у нас имелись радиаторы отопления, а здесь она очень пригодилась. В подвале дома устраивалась котельная, к примеру, в учебном корпусе даже две. Дым шёл вверх по трубе на этаж, где по полу комнаты, в углу, на всю длину устраивались два горизонтальных дымохода из кирпичей, размером 250x150 мм до противоположной стены, где они загибались и вели на следующий этаж, возвращаясь по полу к трубе и вновь до следующего этажа, вновь колено и по полу, наверх и возврат в трубу, а там в небо. Эти горизонтальные дымоходы

были накрыты деревянными досками, на которых можно было сидеть, лежать или что-то сушить. Они практически не мешали и являлись как бы частью интерьера. В помещениях поддерживалась постоянная температура 17-19 градусов, что было вполне достаточно. В котельных работали вольнонаёмные рабочие из местных посёлков.

Мы создаём новые рабочие места.

9 октября. Воскресенье. После завтрака, я пошёл к гребцам и позвал имеющегося

там монаха. Его звали отец Никодим. Я посетовал на то, что в посёлке отсутствует церковь и попросил его провести службу сегодня.

– Но у меня нет никаких предметов для проведения службы! – воскликнул Никодим.

– Но это очень нужно – надавил я. – Давай, хоть как-нибудь, а то совсем не по-божески живём, во грехе. Он согласился со мной и посоветовал строить храм, поскольку, как он видит, народу здесь живёт много. Я спросил, может ли он стать священником у нас? –

– Только, если его рукоположит епископ-ответил он.

– Понятно- сказал я и спросил, готов ли он провести богослужение без всех своих священных предметов? Никодим согласился, и я пригласил его пройти в клуб. Одновременно я велел пришедшему со мной Арзамасу, оповестить всех православных прибыть туда же. Никодим, как был в одежде венецианского воина, так и пошёл. Другой одежды у него не было. Я провёл его на третий этаж и поместил его на сцене. Скоро в зал прибыли православные. Это были волонтёры взвода Теплова –матросы, Суздальцы, часть бродников в цепях, бывшие гребцы, строители, всего около 200 человек. Никодим провёл службу, как смог, но, по-моему, она удалась, так как многие плакали и истово крестились. Я сам вышел с душевным подъёмом. Не удивительно, ведь большинство присутствующих, хлебнули достаточно горя за свою жизнь, как и сам отец Никодим. Я предложил Никодиму остаться у нас и проводить службы, пока не будет построена церковь, и не прибудет рукоположенный священник. Клуб я передам в его распоряжение. Поскольку им практически не пользуемся. Если что-то надо, то пусть он запишет и передаст мне, а я поинтересуюсь на торге. Я проводил Никодима до его палатки и, собравшись уходить, был остановлен старшинами гребцов.

Гребцы разделялись на две группы те, кто попал от турок и те, кто попал от венецианцев. Оба выбранных старшины подошли ко мне и заявили, что народ принял решение

остаться у нас. 55 человек безоговорочно, так как им некуда ехать. Ещё 42 человека остаются, как жители западных княжеств. Они хотят дожидаться, пока монголы не уйдут из их земель, 20 уедут на Родину и 16 человек хотят съездить за своими семьями и вернуться с ними.

– Ну что же- ответил я. – Через 8-10 дней выезжаем. Я сам поеду с отъезжающими, так и передайте. Старшины ушли, ободрённые. После обеда я пошёл на торг. Народу было совсем мало и торговцы, в основном, занимались ревизией товаров, пересчётом наличности и наведением порядка на рабочих местах. Директора рынка на месте не было и мне сообщили, что он находится у себя и показали его лавку. Я был, как обычно с пятью охранниками и Арзамасом. Подошли к его лавке, и я зашёл внутрь. Алексис торговал в основном материей, украшениями и продуктами из Nikeи и Крыма.

Сам он сидел за конторкой и делал какие-то записи. Увидев меня, он поднялся и пошёл навстречу, протягивая мне руки.

– О, кто к нам пришёл! -произнёс он, с едва заметным недовольством, видимо я ему помешал. – Входите, входите, я очень рад вас видеть! -продолжил он.

– Я прошу прощения, Алексис, – начал я, но он перебил:

– Никаких извинений! Вы мой гость и это я должен просить прощения, что встречаю вас не по чести. Что же вы не предупредили меня заранее, я бы подготовился?

– Да ладно, -отвечал я. – У меня есть к тебе несколько деловых вопросов. Не могли бы мы сесть где-нибудь и поговорить?

– Да вот, пожалуйста, – пригласил он меня к конторке. Я подошёл и взглянул на бумаги, которые Алексис разбирал. Это были какие-то жуткие, совершенно непонятные для меня, иероглифы.

– А что это ты, Алексис, тут пишешь?

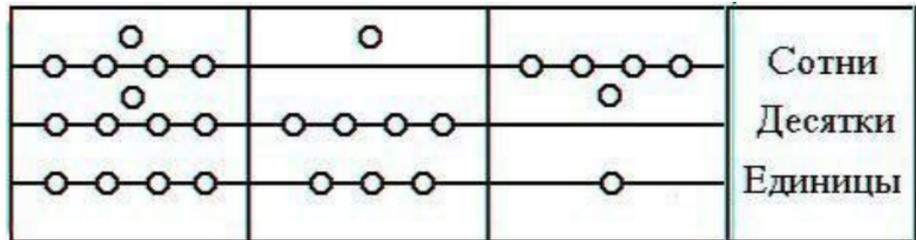
– Прошу прощения, я тут разбираюсь со старыми счетами и накладными.

– Алексис, я ничего не понимаю в этой писанине, это на каком языке?

– Да, что вы, господин комендант, это по-русски, обычная кириллица. Арифметические подсчёты.

– Боже мой! – воскликнул я. – Как ты разбираешься в этой

тарабарщине? -

-
Господин комендант, а вы грамотный?

На рисунке счёт $994 - 543 = 451$ по старорусской системе.

Лист с расчётами, написанными кириллицей

– Да, ответил я. В самом деле, я разбираю буквы кириллицы, но со счётом ещё не сталкивался вплотную. Алексис взял бумагу и начал мне объяснять, что там написано.

Я его остановил –Алексис, то, что ты мне объясняешь, для меня непостижимо, слишком сложно. Я привык совсем к другим цифрам. Вот как ты, к примеру, отнимешь, скажем, 543 из 994?

Алексис подвинул к себе, лежащую на столе доску, размером с лист формата А2. Доска была расчерчена на горизонтальные и вертикальные полосы. Он взял несколько кубиков, похожих на игральные кости, но без точек и разложил в определённом порядке (см. рисунок выше). Он объяснил, что в самом низу стоят единицы, выше

десятки, ещё выше сотни и т.д. А между линиями ставятся половины чисел. Вот и получается –на левой колонке верхний кубик обозначает 500, 4 кубика на линии –400, а

Ц.

вместе 900, ниже 50 и 40, что значит 90, а ещё ниже 4. Итого 994. Соответственно в середине 543. А справа результат -451. Между прочим, я понял сразу эту систему. Не так глупо! Очень похоже на обычные, бухгалтерские счёты. Я, кстати представил себе, что, скорее всего, Алексис не может считать в уме большие числа, так как видит в голове не привычные нам цифры, а ничего не выражающие буквы. Вот эта –буква –«Ц», но вся в орнаменте точек и линий, обозначает 900.

Ч.

— А вот эта «Ч» – 90.

—обозначает цифру 4 и т.д.

Умножение в этом случае, возможно считать только многократным сложением.

Да, тут работу бухгалтера никак не назовёшь синекурой! –

Знаешь, что я тебе скажу, Алексис? Я, если хочешь, могу научить тебя совершенно новой системе счёта, с которой ты заткнёшь за пояс всех своих конкурентов! –

Конечно хочу! – отвечал он.

– Для начала- дай мне клочок бумаги, попросил я. Алексис протянул мне обрывок листа. – Задай мне пример на любое арифметическое действие! Алексис подумал и начал диктовать: -12546 прибавить 21436 . Я вынул из кармана шариковую ручку и записал числа арабскими цифрами в столбик, а менее, чем за минуту, сообщил ему результат. Алексис проверил на своей доске с костями и подтвердил итог. Потом он задавал мне примеры на вычитание, ещё раз на сложение и я очень быстро решал эти задачи. Потом я показал ему умножение и деление, чем сразил его наповал. Он стал просить меня научить его счёту по-арабски, как я ему назвал эту систему. Ещё его крайне заинтересовала моя ручка, на которую он смотрел, как тигр на поросёнка.

Я дал ему попробовать писать ей, и он был просто вне себя от восторга. Увидев его состояние, я подарил ему ручку. Алексис чуть было не кинулся мне в ноги, но я остановил его и сказал, что этот подарок я дарю ему, так как считаю его своим другом. Алексис заявил, что готов положить за меня

свою жизнь. Я пообещал научить его счёту, но с условием, что он найдёт сначала для меня толкового бухгалтера на постоянную работу. А как только найдёшь – Приходите оба ко мне, после обеда, в любое время. Алексис с поклонами проводил меня до двери, клятвенно заверив, что найдёт бухгалтера за 2-3 дня. Я попрощался и направился в лагерь.

Нашёл Терю и стал с ним решать, что мы разместим в штабе. Дело в том, что внутри штаба ещё не было перегородок. Мы твёрдо решили, что жить руководство будет на третьем этаже штаба. Распланировали этаж, сначала на 3 комнаты по 250 кв.м, но это показалось нам слишком роскошным и мы перепланировали этаж на 8 квартир, из которых 4 по 85 кв.м и 4 по 72 кв.м. Это нам показалось достаточным и не слишком расточительным. Здесь будут жить Теря, я и Теплов. В других 5 квартирах пока никто.

Второй этаж решили отвести для возможной, в будущем, роты волонтеров и 4 квартиры для командиров взводов и старшины. А вот первый этаж отведём непосредственно для служб лагеря. Распланировали следующим образом: входная лестница шириной в 3 метра, двери двухметровые и вход 2 метра. Слева помещение дежурного по посёлку 24 кв.м с окошком для надзора, а справа гардероб, коридор шириной 120 см, ведущий налево и направо. В левом крыле два одинаковых кабинета для меня и Теплова, с помещением для

секретарши, одной на двоих.

А в правом крыле кабинет главного интенданта Тери и Суд. Все кабинеты будут иметь примерно одинаковую площадь, около 30-36 кв.м. Два актовых зала по 100 кв.м, помещение для бухгалтерии, кабинет врача, касса, рядом с дежурным, конструкторское бюро и ещё 4 кабинета на запас. На этом согласились и составленный чертёж передали прорабу Килибаке. С окончанием строительства казармы, в неё решили поселить не только волонтёров, но и Суздальцев, бродников и бывших гребцов. А строителей, в ими же построенные, многоквартирные дома. После ужина посетил гребцов.

С собой взял Арзамаса, горшечника и знахаря Мизгиря. Позвал, назвавшегося лекарем и его помощника. Лекаря звали Тарас, а помощника Остап. Оба были из Волыни. Попросил рассказать о себе. Лекарь сообщил, что они с помощником попались половцам, которые целых 5 лет использовали их по профессии. Он лечил половцев и относились к нему вполне доброжелательно, но пришли монголы и разгромили их кочевье. Убежать удалось не многим, и они дошли до Крыма, где их захватили турки и заставили работать гребцами на галере. Но поработать им пришлось очень недолго.

Уже через полгода мы отбили их, разгромив турок у Керченского пролива. Я познакомил лекаря со знахарем и по-

просил Мизгирия показать новому лекарю место его новой работы. Пока они будут работать на первом этаже учебного корпуса в одной из аудиторий, превращённой в лазарет. Потом я вызвал стекольщика. Этот тоже был с запада, из города Берестье, так назывался тогда город Брест. Его звали Чуйко. Это был ещё довольно молодой человек лет 25. Оказывается он не был мастером, а всего лишь подмастерьем у стеклодува. Тот доверял ему смешивать порошки, нагревать в печи стекольную массу и пару раз позволил выдуть пузырь и смять его в лепёшку – таким образом в те времена изготавливали оконные стёкла, которые обычно выглядели круглыми лепёшками, диаметром 30-40 см. Хозяин послал его в Венецию, на учёбу.

Однако парень, как-то раз уселся играть с шулерами в кости и проигрался в пух. Ему пришлось идти на галеру, отрабатывать долг. Почти год он не разгибал спины, пока мы не освободили его. Возвращаться обратно ему было стыдно, и он решил остаться здесь до поры, а позже сделать окончательный выбор. Но и то, что Чуйко знает хотя бы технологию производства стекла, являлось для нас подарком судьбы. Я обещал ему зарплату в 2 гривны в год и часть выручки от продажи стеклянных изделий, а позже свой дом бесплатно или квартиру, на выбор.

Ещё предложил ему взять из числа своих коллег гребцов

3-4 человека и идти завтра с горшечником Шакулой на кирпичный завод, который располагался за территорией лагеря и там налаживать производство стекла. Менее чем в километре от нас, в устье впадающего в Воронеж ручейка, стекающего по ложбине между двух высот, обнаружили залежи хорошей глины. Ручей этот, имел дебит, от силы в 2-3 литра в минуту, замерзая зимой и пересыхая в жару, но в апреле и до июня раздувался от тающего снега и дождей, растекаясь на метр в ширину. Там мы и заложили 4 обжиговые ямы. Три для кирпича и одну для керамических изделий. Работа там шла напряжённая и трудились 25 бродников и пять Суздальцев, под руководством Шакулы.

Там же постоянно дежурили 2 часовых. Рабочие здесь же и ночевали. В первое время мы испытывали крайнюю необходимость в кирпиче и там, порой, трудились до 60 человек. Сейчас такая нужда отпала, но, тем не менее, каждый день получали до 5 тысяч штук кирпича. Правда, вместо обжиговых ям, теперь там устроили обжиговые печи из своего кирпича. Там же, временно работали кузнецы и, возможно, именно здесь, мы и поставим механические мастерские. Туда же я отправлял пятерых новых кузнецов, двух горшечников, несколько углежогов и плавильщиков. Пусть пока помогают делать кирпичи, керамические трубы и унитазаы, а потом и им найдём применение. Всех остальных поставим завтра в помощь строителям. Ушёл от гребцов после 10 вечера.

10 октября. Понедельник. Всё по плану – пробежка, разминка, умывание, завтрак, занятия. Сегодняшняя тема о марках бензина. Кстати, я решил, что учить вождению станем не всех, так как ресурс машин ограничен и, если мы будем на них часто кататься, то они долго не выдержат. С каждой роты возьмёмся учить только по одному отделению. Всё равно это искусство никому не понадобится, так как первые машины появятся ещё ох, как не скоро! Теперь надо решить вопрос с устройством всех новоприбывших по их профессиям. Нам нужны были все специальности.

Куда не сунься, везде существовал дефицит, поэтому, после обеда, я и Теря, а также Арзамас, задержались в столовой и начали обсуждать возможности трудоустройства всех прибывших. Для пастухов работа имелась, но до первого снега. Набралось 9 человек родственных специальностей: кожевники, шорники и чеботари. Их решили объединить в одну группу и устроить кожевенный цех. Из 12 строителей создать ещё одну артель, очень они нам кстати. Три бочара пусть занимаются своим делом – досок достаточно. Плавилиськи пусть ищут или покупают железо и создают необходимые для нас инструменты. Но во всех случаях нужны производственные площади.

Будем строить завод –это назрело. А пока, всех 44 кре-

стьян и 40 человек без профессии, пошлём пилить лес ручными пилами. В это время ко мне подошёл посыльный от дежурного по посёлку. Звонили с поста охраны на входе в посёлок. Ко мне идут директор рынка с сопровождающим. Я распорядился их пропустить. Надо сказать, у нас имелось всего 3 телефонных аппарата. Один на вышке, один на сторожевом посту и у дежурного. С прелестями цивилизации мы потихоньку расставались и это было неизбежно.

Через 5 минут к нам подошёл Алексис и с ним пожилой человек, по виду тоже грек. Мы поздоровались, и я предложил гостям присоединиться к нам. Алексис представил незнакомца – Леонид Зисопулос, бывший помощник Логофета Претория княжества Феодоро или, выражаясь русским языком, сотрудник министерства финансов княжества.

– Боже мой! – Воскликнул я. – И как же вы оказались в этом медвежьем углу?

–

Это длинная история- ответил Леонид. – Я, как-нибудь, расскажу вам её.

– Ну ладно- сказал я. – Не хотите рассказывать, не надо. Для меня главное, чтобы вы вели дела нашего поселения.

– Мне ли не знать, как вести дела! – с пафосом, ответил

Леонид. – Да я воровал миллионами! Мне приходилось вести счета всей армии княжества! Если бы не завистники, я мог бы уже быть Логофетом.

– Понятно – остудил я его. – Конечно, к сожалению, я могу вам сейчас предложить всего лишь должность счетовода хилярии, но, наверное, вам не из чего выбирать? Я не ошибся?

– Увы! – вздохнул Леонид. – Как низко я пал! Но клянусь, что я буду самым честным образом исполнять свои обязанности!

– Надеюсь-ответил я. – Так вы согласны? Но не рассчитывайте на много. Самое большее -4 гривны в год и премиальные. А жильё мы вам предоставим.

– Я согласен, – кивнул головой неудавшийся логофет.

– У вас есть семья?

– Только жена и её больная мать.

– Хорошо-заклучил я. – Работать можете приступать завтра, а жильё я вам обещаю через неделю. Выяснилось, что Леонид является Алексису дядей и живёт у него в доме. Я не

стал интересоваться прошлым Леонида, мало ли что? Лишь бы он профессионально выполнял свои обязанности, а раз его содержит Алексис, значит он того заслуживает.

– Итак, -начал я. – Чтобы вы могли считать быстро, вам надлежит научиться новому счёту.

– Арзамас, –обратился я к своему помощнику – Отведи этих людей к Алёшке и скажи ему, что я поручаю ему выучить их правильному счёту. Пусть найдёт время и займётся с ними. Это очень нужно не только для них, но и для нас. И подари им две тетради с таблицей умножения на обложке. А завтра – опять обратился я к Леониду, – приходи с утра ко мне, я объясню, что ты должен будешь делать. Арзамас поднялся и увёл греков за собой. Мы продолжили совещание. – У нас собрались аж 11 плотников –напомнил я. – Это очень хорошо. Следует устроить деревообделочный цех со столярной мастерской.

– Поглядите на наши жилища! Какие там стоят убогие кровати, сделанные из необструганных досок. Ни у кого нет шифоньеров, шкафов, столов и стульев. Так жить просто невозможно! Немедленно, пока не выпал снег, рядом со складом, у пристани, выстроить производственный цех. Поручить это новой строительной артели.

Теря записал все наши планы, и мы разошлись до завтра. После ужина я вновь посетил гребцов. Вызвал всех бывших дружинников - 14 человек. Собрались под крышей пилорамы. Уселись на брёвна, и я начал их расспрашивать об их планах. Все они были из числа военнопленных, в разное время угодивших в плен к туркам или половцам, а затем попавшим на галеры. Был из них один десятник по имени Преслав, которого я попросил возглавить этот отряд. Он согласился. Я предложил мужикам работу по специальности. Кстати, у всех у них имелось вооружение и доспехи, которые я подарил им, отобрав у венецианцев. С завтрашнего дня, они должны будут, одевшись по-военному, поступить в распоряжение Тери и начнут нести караульную и сторожевую службу, пока под наблюдением моих волонтеров, а позже самостоятельно. И этот вопрос решён, можно идти домой спать.

Жильё для всех!

11 октября. Вторник. Начало дня обычное. Около 9 часов ко мне подошёл Леонид Зисопулос. Я как раз вышел из столовой и, повёл его по центральной улице к штабу. –

– Вот здесь у тебя будет собственный кабинет, объявил я ему, притом в ближайшее

время. А сейчас я передам тебя нашему главному интенданту Тере. Пусть он подберёт тебе временное помещение. Вы вдвоём должны будете пересчитать всё имущество в лагере, включая всех баранов и коров, курей и гусей, и взять

всё это на баланс. Теря тебе будет помогать на первом этапе, пока тебя никто не знает. А потом будешь заниматься этим сам. Переписать всех приходящих работников и размер их зарплаты.

– То же с наличным составом. Пересчитать имущество на складах. Если тебе нужны помощники, то сообщи мне или Тере и ты их получишь немедленно. Я отпустил Леонида и пошёл в учебный корпус читать лекции. После обеда собрал Терю, Леонида, Арзамаса и прораба Килибаку. Уточнил у последнего:

– Начала ли новая артель строительство столярной мастерской? Тот подтвердил. – Как идет строительство объектов? Всё идёт по плану и даже, с небольшим опережением. Сдача объектов состоится в конце дня пятницы, 14 октября. Это была хорошая новость. Следующими объектами строительства станут ещё два жилых дома по 18 квартир в каждом, столярная, стеклодувная и кожаная мастерские. Идёт расчистка и выравнивание ВПП для приёма самолёта. Дети учатся в школе и их число всё увеличивается. Пришлось создать ещё два класса по 25 человек.

Этих детей учат пока в клубе. Я велел Килибаке в течении субботы перепланировать школу на 5 классов, что позволит обучать по 28-30 детей в каждом классе. Возрастает нагруз-

ка на поваров, число которых необходимо увеличить. Я кивнул Тере, чтобы он решил этот вопрос. Как раз возможно теперь уладить проблему с отделкой шкур, как бараньих, так и свиных, в связи с появлением у нас кожевников. Шкур скопилось около 100. Встал вопрос о выделении нам места на торге, чтобы продавать свою продукцию.

Это яйца, шкуры, молоко, куры, утки, брёвна и доски. – Давайте построим свою лавку, – предложил Теря. Предложение было принято. Я отпустил всех и пошёл к выходу, когда Арзамас, заговорщически подмигнул мне и попросил идти с ним, чтобы кое-что показать. Он повёл меня к лесопилке. Там нас поджидал Алёшка. Они подвели меня к некоему агрегату, в котором я угадал настольную циркулярную пилу. Взяв один из трёх, имеющихся у нас маломощных электродвигателей на 1,5 квт, они пристроили к нему небольшую дисковую пилу диаметром 25 см, что позволяло пилить доски и бруски толщиной до 10 см. Более того, они придумали и изготовили дополнительные устройства – рубанок, фрезу, которые можно было менять.

Вообще-то всё это сделал Алёшка с кузнецами, во время нашего отсутствия, но чертежи они разрабатывали вдвоём. – Ай да молодцы! – похвалил я их. Это же незаменимая вещь в работе для столярной мастерской! Теперь без проблем наши плотники смогут изготавливать любые деревянные изде-

лия. Я обнял Алёшку и пожал руку Арзамасу. – Назовите тех, кто вам помогал, и я выпишу каждому премию – объявил я. Надеюсь, что у вас имеются ещё изобретения? Парни заговорщически промолчали. Зато настроение у меня поднялось. Вот новые Кулибины растут на глазах.

15 октября. Суббота. Ну вот и настал ожидаемый день! Как и обещали строители, вчера, к концу рабочего дня, было закончено строительство объектов: казармы, столовой, жилого дома и конюшен. С утра, отменив на сегодня занятия для волонтеров, поскольку ожидалось массовое переселение из учебного корпуса, прораб повёл всё руководство по объектам. Начали с казармы. Обошли вокруг и по всем трём этажам. Построили с огромным запасом. Здание, размерами 45х24 метра, могло вместить в себя

по 4 роты на каждый этаж, а если потесниться, то в общем до 1380 человек.

Я даже смутился перед Килибакой – неудобно, заставил строителей вкалывать над таким зданием, когда хватило бы здания в 2-3 раза меньшего и труда бы столько не вложили. Но раз сделали, то уже назад не вернёшь. Может быть, устроим в свободных помещениях жилые квартиры для женатых волонтеров. Уже были расставлены и двухэтажные нары, как и следовало ожидать, из необструганных досок. Не было у нас ни матрацев, ни подушек на все койки. Хорошо, что хоть

постельное бельё и шерстяные одеяла привезли в достаточном количестве, как раз в обрез на 200 человек.

А вместо двухэтажных коек, разместим волонтёров на одноэтажных, чтобы использовать лишнюю площадь, да и им будет удобнее. На двух других этажах вполне возможно устроить всех остальных работников – Суздальцев, бродников, бывших гребцов. Все палатки можно завтра свернуть и уложить на склад. Разобрались с казармой и уточнили кого и куда помещать. Народ подался на свои бывшие места проживания, чтобы начать перебазирование на новое местожительство. Между делом, я разрешил расковать бродников, поклявшихся в том, что они не станут замышлять против нас недоброе. А побега я особо не опасался. Далеко им до их жилищ.

Таким образом все три этажа казармы распределили и перешли к жилому, 36-ти квартирному дому. Квартиры в этом доме все двухкомнатные по 54 кв.м. Теперь мы имеем уже 54 квартиры, в которые будем вселять строителей и других работников. Артельщиков, которых у нас 20 человек, будем селить по одному в квартиру, с тем, что вскоре к ним придут семьи. А вот всех остальных работников, пока по количеству комнат в квартирах. Таким образом жилище получат 122 человека. А ещё через месяц появятся ещё около 50 квартир. Так что к зиме все будут обеспечены жильём. Все,

кому предоставили квартиру, отправились за своими пожитками, а мы прошли к конюшням.

Всего в конюшнях оборудовали 180 стойл, где в настоящее время располагались 20 лошадей и столько же коров, а ещё почти 100 свиней. Овцы, числом в 340, содержались в отдельном загоне. Для кур, уток и гусей построили птичник рядом с водой, у кирпичного завода. Между строевым плацем и конюшнями, разместились боксы для нашей техники. Там стояли 2 САУ и ГАЗ 51. Два бокса были ремонтными, а в остальных разместили телеги, сани и навесное оборудование, типа бороны, плуги, бульдозерные отвалы и т.п. в расчёте на будущие посевные работы. Зашли в штаб.

Хоть он и был уже сдан в эксплуатацию, но в нём ещё до конца не была решена внутренняя планировка. А теперь, после обсуждения, строители получили план этажей и всё было закончено и готово к заселению. С понедельника сюда переводился весь штат бухгалтерии, дежурный по лагерю с двумя посыльными и рацией, мировые судьи-три старика из деревень, касса в сейфе и кое-какие ценности. В комнату с кассой имел возможность попасть только я и Теря. А позже получит доступ и Теплов. Сюда же, на третий этаж, в свои апартаменты, переселялись из жилого дома я, Теря, Леонид, Арзамас с Алёшкой. Там же приготовили жильё и для Теплова. Последней оказалась столовая. Это тоже было грандиозное

здание 54x18 метров в плане. Первый и второй этажи являлись столовыми, а третий этаж пока не был использован. Не решили, что там расположить. Зато залы в столовой поражали размерами. Для кухни отвели 108 кв.м.

На огромной плите, стояли 4 бронзовых котла по 200 литров, столько же по 120. Два огромных титана, в сущности, больших самоваров, по 300 литров, несколько 20-ти литровых кастрюль и масса помельче. Сковороды, горшки и т.п. Обеденный зал имел три помещения по 18x18 метров с кирпичными колоннами через 6 метров, подпирающими потолок. Столы были рассчитаны на 10 и на 4-х человек. Всего получилось 22 ряда столов и каждый этаж мог вместить до тысячи человек, так что второй этаж являлся резервным. Мы оставляли за собой возможность изменить предназначение отдельных этажей и зданий. Все остались довольными увиденным.

В новой столовой назначили торжественный обед для всех жителей лагеря. Все мы свободно разместились в одном из трёх отсеков столовой на первом этаже. Кстати я

велел всем, на будущее, придерживаться выбранных мест. Поварами вызвались работать, имеющие в этом деле опыт, 8 человек из числа Суздальцев и бывших гребцов. К ним в помощь наняли 4-х молодых девушек из окрестных посёлков. За порядком и качеством блюд, будет постоянно наблюдать,

назначаемый на сутки, дежурный по кухне, из числа десятников волонтеров. Сюда будем посылать провинившихся волонтеров, получивших наряд вне очереди. На обед приготовили мясные и рыбные блюда, с гарниром из гречки, капусты и др. Алкоголь я не позволил.

Кстати, эта мера напомнила мне о возможности моих подчиненных свободно купить питье на торге. Неужто придется применять систему увольнительных в город? Меня не поймут. Это уже перехлест. Ну и ладно, кому неймется, того не остановить. Я выступил с речью, где поблагодарил присутствующих за их добросовестный труд и пообещал всем, без исключения выплатить премию, по золотому дукату, а строителям –артельщикам по 2 дуката. Я надеюсь, что все мы и в дальнейшем будем столь же добросовестно трудиться на благо нашей новой Родины! Впереди теперь предстоит очень объемная работа для плотников. Им придется изготовить несколько сотен приличных кроватей, столов, шкафов, стульев и т.п. А строители теперь могут несколько вздохнуть. Ничего, особенно срочного пока не предвидится.

Я объявил, что через три дня еду в Маргелово, откуда привезу строителям, желающим остаться здесь, их семьи, а также, кое-что из необходимого для нас. Со мной отбудут в свои княжества, те из гребцов, кто не пожелал остаться с нами и те, кто желает вернуться со своими семьями. Во время

застолья, я подозвал к себе Леонида и четверых бывших приказчиков, из гребцов. Я уже знал, что они грамотные и расторопные ребята и поэтому дал их Леониду в помощь, предложив самому научить их новой арифметике, которой его учит Алёшка. Приказчики были рады, что и им нашлась подходящая работа. С бухгалтерией я разобрался. Потом пригласил Терю, Арзамаса и Преслава, нового командира четырнадцати новых дружинников.

Я велел сформировать одну неполную роту из бывших гребцов, которые решили остаться с нами, не имеющих профессии и крестьян, а также дружинников, которых всех вместе 85 человек. Командиром назначаю Арзамаса, взводными Преслава и двух дружинников из числа моих волонтеров на 2 других взвода. Учить их воинскому делу и приставить к сторожевой службе до посевных работ. А там, возможно, крестьян освобожу от службы и позволю жить отдельно. Праздничный обед прошёл отменно и хоть я и заметил, что некоторые люди выходили из столовой и заходили повеселевшие.

Видимо выпивали тишком. Я сделал вид, что не замечаю этого. С нами гуляли и все наёмные работники, сторожа и уборщицы. Мне показалось, что очень многие удивлены происходящим, видимо не в силах уразуметь, что бояре и смерды сидят за одним столом, в дружественной обстановке. Но я посчитал, что поступил правильно. Спросил у Леонида,

как продвигается обучение? Тот ответил, что уже выучил все цифры и числа до 100. Сейчас учит таблицу умножения, но в своих расчётах пока ещё пользуется старыми обозначениями. Однако и он, и Алексис заметили всю перспективность новой

системы исчисления и безусловно, в ближайшее время, начнут ею пользоваться.

Обед постепенно перешёл в ужин. Люди веселились и только моё и Терино, присутствие, не позволяло народу развернуться во всю ширь. Я оставил пиршество около 19 часов и ушёл к себе. Ушли также Арзамас, Леонид и много других. Но веселье затихло уже после 21 часа вечера. Даже бродники, освобождённые от цепей, но продолжающие оставаться в рабстве, радовались от души.

16 октября. Воскресенье. Отец Никодим с утра провёл службу с православными. Он, как и многие другие получил свою квартиру и был очень ей доволен. На полученные от меня деньги, он купил на торге кое-что из атрибутов церковной службы и в этот раз, уже вполне профессионально махал кадильницей и осеял прихожан громадным

крестом. Все отдыхали, разве что, кое-где слышен был стук молотков. Это люди занимались благоустройством своих квартир. С исчезновением палаточного городка между овечьим загонем и лесопилкой, освободилась дорожка от ла-

герья вглубь территории, позволяющая использовать её в качестве ВПП для самолёта.

Здесь, всего лишь, надо ещё раз пройтись бульдозером, чтобы убрать последние кочки и обозначить ВПП флажками, чтобы я мог её легко заметить с воздуха. Тут работы на несколько часов. Успокоенный я вернулся к себе и немного передохнув, отправился поглядеть на караульные посты. Забрался на смотровую площадку с водонапорным баком. В этом месте, всё было устроено точно так же, как и в Маргелово, с той лишь разницей, что высота этой башни составляла 15 метров, против 12 в Маргелово. Мы, имея такую высоту подъёма воды, вполне могли строить 4-х этажные дома.

Опять же, в этом не было особой необходимости. Посмотрел сверху через бинокль на окружающую лагерь природу. Прекрасно было видно реку с затоном и даже паромную переправу. Корабли, стоящие у причалов и фигурки копошившихся людей вокруг них. Ночью часовые рассматривали окружающее пространство через прибор ночного видения. На полу стояла аккумуляторная батарея, питающая рацию и прожекторы. На вышке дежурили двое. Имелась койка, чтобы отдыхать по очереди и часы. Вторые часы находились у дежурного по лагерю. После обеда я добрался до сторожевого поста, расположенного при входе в лес, откуда до первых сооружений лагеря было около 120 метров. Мы специально

оставляли вокруг лагеря полосу леса, чтобы возможный враг был хоть ещё на какое-то время остановлен, продираясь через деревья.

На посту также дежурили двое. Имелся телефон к дежурному. Часовые были вооружены карабинами и одним пулемётом. Дорогу перегораживал шлагбаум, который мог подниматься непосредственно из помещения. Для отопления служила печка буржуйка. Пост одновременно охранял наши склады с имуществом. Здесь хранились под навесом более тысячи досок сороковок, а также некоторое количество других типоразмеров. В другом помещении лежали палатки и инвентарь к ним, как-то: печки буржуйки, вентиляторы и электрические обогреватели. Ещё в одной секции хранились мешки с зерном и продукты длительного хранения. Ещё три секции были пусты.

Зимой мы перетащим в них лады. Дошёл я и до кирпичного завода. Здесь также располагался пост для двух часовых, с карабинами и пулемётом. Убедившись, что служба несётся добросовестно, я вернулся в лагерь и прошёл в штаб. Перед входом стоял часовой с автоматом на плече, который при моём появлении, встал смирно. Я вошёл в прихожую штаба, где с левой стороны, в стене было устроено окно, пока без стекла, для наблюдения за входящими и ответов на вопросы.

Внутри располагались дежурный по лагерю и два посыльных. Дежурными обычно назначались командиры взводов, чьи подчинённые несли караул в посёлке. Всё было в полном порядке, и я поднялся в своё новое жилище на третьем этаже. Арзамас и Алёшка уже перетаскали мой нехитрый скарб сюда, уложив на пол при входе. Я прошёлся по квартире. Имелись 4 комнаты, приличная кухня, отдельный туалет, ванная комната с нагревательным титаном, топящимся дровами. Пол был выстлан керамической плиткой. Имелись два крана, на кухне и в ванной.

Это были последние краны, использованные для квартир руководства. В одной комнате, превращённой в спальню, стояла кровать с досками вместо сетки. Лежал матрац с сеном и подушка, тоже с сеном, но с белой наволочкой. Одеяло обычное армейское, синего цвета. В убогий шкаф я сложил свои вещи и подошёл к окну, рама которого была затянута плёнкой. Открыв окно мне предстал вид строевого плаца напротив и жилого дома слева. У Теплова окна выходили тоже на плац и на учебный корпус. В пустынных комнатах было просторно и гулко. Я лёг на жёсткое ложе и заснул.

Я еду в Маргелово.

19 октября. Среда. Два дня пролетели незаметно. Я со-

брался завтра утром выезжать в Маргелово. Сегодня проводил последние приготовления. Со мной поедут два десятка моих волонтеров, 29 бывших гребцов, из которых 19 хотят вернуться позже с семьями, а 10 отправятся в свои вотчины. В последний момент семеро изменили своё решение уехать и остались. Мы поплывём на трёх ладьях. Одна ладья с 22 человеками отправятся ещё на 150 вёрст выше Донкова, а семеро до Рязани, где я оставлю их с ладьёй, которую они продадут, а деньги поделят между собой. Остальным я выдал по 10 дирхемов. Этого вполне хватит чтобы с семьёй добраться до Маргелово, откуда их довезут до Донкова. Уезжающие навсегда, забрали с собой подаренное им вооружение венецианцев. Если им будет тяжело, они смогут его продать.

Я передал по рации Судейкину, чтобы корабль «Рязань» подобрал меня в устье Прони в пятницу. Дела в лагере идут вполне пристойно и за несколько дней моего отсутствия, я думаю, ничего не случится. День прошёл в сборах и составлении списков необходимого. Леонид привёл в свою квартиру свою жену и престарелую тещу, которые начали благоустраивать его жилище. Ко мне тоже приедут аж две подружки, и моя квартира будет выглядеть, как конфетка!

20 октября. Четверг. Три ладьи отплывают от причала ровно в 9 утра. Нас провожает Теря, Леонид и Арзамас. Все остальные заняты. Плыли весь день, переночевали и в Данков приплыли лишь в 10 часов утра

21 октября. Пятница. Ладья с 22 гребцами поплыли дальше, а мы сошли в Данкове, где нас встретил Теплов с двумя волонтерами. Мы вытащили ладью на берег и отправились посмотреть на строящийся корабль. Корпус был уже собран и поставлены три мачты. С учётом моих замечаний, их высота составила 29, 33 и 32 метра, соответственно, вместо 9-ти метровых. Это гораздо удлинит сроки окончания работ.

Однако Теплов надеялся, что спустить корабль на воду удастся к концу месяца. Корабль впечатлял своими размерами и вообще формой. В конструкции корабля применили технологию водонепроницаемых перегородок, которых предусмотрели шесть. При затоплении даже трёх из них, корабль сохранял плавучесть. Две мачты будут с латинскими парусами, а одна с прямыми. Мы общались до обеда, а после него отплыли по реке Качуровке. Чуть не задев дна реки, остановились в деревне.

Хорошо, что с нами практически ничего не было, поэтому мы вытянули ладью на берег и с помощью двадцати лошадей, потащили одну из них до деревни Мураевня. Эти 5 километров мы преодолели за 4 часа. Вторую ладью оставили в Кочурах, чтобы на ней вернуться в Данков. Столкнули ладью в Ранову и поплыли дальше. Согласно карте, от Данкова до

Рязани всего 150 км, но Ранова настолько изгибистая, что расстояние почти удваивается. Благодаря осенним дождям, уровень реки был несколько выше, чем летом и поэтому мы плыли без задержек, хотя и приходилось всё время мерять шестами глубину. Когда стало настолько темно, что мы уже не могли разглядеть берегов, встали на ночлег. Разбили три палатки, перекусили чем Бог послал и улеглись спать.

22 октября. Суббота. Встали в 6 утра и после завтрака поплыли дальше. Только в 18 часов достигли устья Рановы, при её впадении в Проню. Там нас ожидал наш корабль. Мы перегрузились на него, а наши попутчики поплыли одни. При впадении в Оку, наши пути расходятся. Им направо – к Рязани, а нам налево – к Переяславлю. До Оки, расстояние в 30 км добрались за 3 часа и, выйдя на простор реки, не взирая на темноту, направились к себе. Капитаном корабля, как всегда, оставался Кежай. Почти всех матросов я знал лично. Встреча вышла радостной, и мы почти не сомкнули глаз до самого Переяславля, к причалу которого прибыли в 4 часа утра, успев подремать часа два. Кежай рассказал мне почти все новости Маргелово, так что я был в курсе событий.

23 октября. Воскресенье. На пристани нас ожидал ЗИЛ 131, присланный дежурным по лагерю. В половине пятого мы уже выгружались из машины около штаба. Дежурным оказался Иманкулов и мы с ним горячо обнялись, хотя про-

шло всего 3 месяца с момента расставания. Однако сколько всего случилось за эти 3 месяца, просто в уме не укладывается! Весь посёлок ещё спит и нас отвели в палатку для приезжих, где мы все тотчас заснули. Я мог бы пойти к себе домой, но решил не будить детей. Поскольку сегодня было воскресенье, подъём произвели в 8 часов утра. Мы тоже встали, умылись, оделись и отправились завтракать. Мои люди пошли в общую столовую, а я в офицерскую. Здесь меня ждали все наши руководители.

Пожал всем руки, кое с кем обнялся, и мы прошли в столовую. За завтраком отвечал на многочисленные вопросы, сам спрашивал о наболевшем. Судейкин спросил: – Поеду ли я в церковь? Но я отказался, мотивируя тем, что соскучился по своим девчонкам и детям. Судейкин, с пониманием, кивнул головой и сказал, что мы встретимся после обеда и обо всём поговорим обстоятельно. После завтрака все верующие отбыли в церковь, а я отправился на свою квартиру. Судейкина я просил не сообщать о моём прибытии, так что моё появление произвело фурор. Дверь мне отворила Бажена и, не веря своим глазам, окаменела на минуту, а потом, с плачем, кинулась мне в ноги. Я начал её поднимать, когда привлечённая шумом Веселина, появилась в прихожей.

Они чуть не свалили меня с ног и поволокли в комнаты, тараторя наперебой, рассказывая про свои проблемы. Оба

мальчика, Миша и Дима, ползали на полу в гостиной. Мише было 9 месяцев и 9 дней, а Диме 9 месяцев без недели. Их разница в возрасте была в 16 дней. Я потискал малышей, которые сначала испугались меня и заплакали, но потом успокоились. Миша был чуть темнее Димы и сходства между ними я почти не заметил. Но, тем не менее, я сразу почувствовал к ним невероятную нежность. Это были мои сыновья, мои наследники и продолжатели рода.

Девчата скакали вокруг меня, не зная, как выразить свою привязанность ко мне и радость встречи. Я слушал их рассказы о том, как они провели время без меня, как соскучились, как себя чувствуют дети и т.д. Бажена спросила: – Надолго ли я приехал? Я ответил, что на 3-4 дня и они поскучились. Времена тогда были такие, что не принято было пытаться уговорить мужа остаться подольше. Мужчина решал всё самостоятельно и не всегда мог рассчитывать на благоприятные обстоятельства. Случай и необходимость, диктовали условия жизни. Я не стал им сообщать, что возьму их с собой, пусть остаются в неведении. Преподнесу им сюрприз в последний день.

Пару часов я возился с детьми, пока их не покормили и не уложили спать. Вот тогда я и оторвался, компенсируя три месяца разлуки и вынужденного воздержания. Мы провели почти два часа в кровати, пока дети не проснулись. Я аж вспо-

тел и отправился в душ. Какое блаженство, купаться в тёплой воле, спать в мягкой кровати, а не на нарах. Надо максимально приблизиться к этому уровню цивилизации, чего бы это не стоило! Мы что-нибудь придумаем в нашей глуши. В это время вернулись люди после церкви. Я направился в столовую на обед. После обеда перешли в помещение штаба, где начали совещание. Присутствовали Микиш, Архип, бухгалтер Каллистрат.

Я подробно рассказал о своей деятельности на посту коменданта Воронежа. Про наши достижения в строительстве лагеря и посёлка, об учёбе, как волонтёров, так и местных детей. Особо остановился на поездке в Никею и достигнутых результатах в переговорах с императором. О наших трудностях и проблемах. Во время рассказа мне часто задавали вопросы по другим аспектам деятельности. Я выложил перед собранием мешок золота, весом почти в 35 кг.

– Возвращаю деньги, полученные от «Совета десяти», на развитие Воронежа. Нам самим удалось заработать достаточно денег, а вам они нужнее- у вас народу во много раз больше.

– Ну что-же, всё прекрасно- подытожил Судейкин. – Договор с императором развязывает нам руки и даёт большие надежды на благо-

получное осуществление наших планов. Мне удалось уговорить князя на закупку продуктов в Муроме и Нижнем. Ежедневно корабли с зерном, сеном, овощами, живым скотом и птицей, прибывают на причалы Рязани и Переяславля. Князь выпросил у правителей обречённых городов сумму в общем, более 7 тысяч гривен, под нереальные проценты. Что интересно, купцы и богатеи с радостью расставались со своими деньгами, предвкушая свои громадные прибыли через год. Обманывать конечно не красиво, но лучше, если эти деньги достанутся нам, чем монголам. Удалось даже, воздействуя на митрополита, взять, якобы на время, много икон и церковных атрибутов из золота, для вновь открытых церквей в Переяславле и Коломне.

Я предложил начать поход после окончания посевных работ. Кроме этого, я попросил предоставить и мне посевной материал на весну следующего года. Мы, в Воронеже, усиленно освобождаем площади под будущие посевы. Подъём уровня сельского хозяйства княжеств, равно, как и технического, является очень важным фактором в развитии Руси и поможет ей занять лидирующее место в будущей реальности. Судейкин и остальные согласились единодушно. Приблизительно наметили сроки выступления на середину мая. Прикинули, что в Маргелово необходимо будет оставить не менее сотни волонтеров, для защиты посёлка от неожиданных нападений.

В Воронеже это число должно быть примерно в 2 взвода. А все остальные примут участие. Маршрут намечается, уже проторенный –на «Рязани» до Кочуровки, а потом из Данкова в Воронеж и уже оттуда на двух кораблях и, возможно, галере, в Гераклею. Сейчас следует обговорить, что можно уже сейчас послать к нам, чтобы не тащить в мае. Договорились отправить сейчас ещё две САУ, БРДМ, тонну дизтоплива и столько же бензина, бочку керосина. Это всё к вооружению. Из мирных товаров, мне давали 20 тонн картофеля, 2 тонны нашей пшеницы, 200 кг кукурузы, 400 кг нашей гречки, по 10 кг семян тыквы, подсолнухов, немного помидоров, баклажан и перца болгарского.

Я выпросил 30 матрацев, одеял и подушек армейского образца, для комсостава. К сожалению, это было всё, что мне могли дать. Ещё я возьму 2 тонны брикетов и 200 керосиновых ламп нашего производства, 500 квадратных метров перкаля для постельного белья. Для роты Теплова направляются новый командир взвода, старшина, три замкомвзода. А вместо двух, сбежавших волонтеров, придут два дружинника от Архипа. А по мелочам решим в ближайшее время до отплытия.

– Сколько времени, ты хочешь здесь побыть? -спросил Судейкин. Я ответил, что подождём 4 дня до четверга, а в пят-

ницу отплываем. Это время я даю прибывшим со мной гребцам, чтобы они забрали свои семьи и присоединились к нам. Конечно же к нам отправятся и обе подруги Теплова со своими детьми, которых у него тоже двое, в возрасте 9 и 10 месяцев, а также семьи 20 артельщиков. Между тем, сам я полечу на самолёте, а грузы в Данков доставит Винокуров с двумя взводами волонтёров.

Для транспортировки САУ и БРДМ необходимо немедленно соорудить что-то вроде плота, поскольку корабль не сможет пройти по реке Ранове. Дали задание Микишу, соорудить на базе 2-х или 3-х плоскодонок, платформу, размерами, позволяющими разместить машины. Также решили послать 50 лошадей с десятком волонтёров, причём они отправятся через три дня и будут ожидать грузы в Мураевне, чтобы помочь перевезти их до Кочуровки. Я решил завтра провести пробный полёт, чтобы проверить исправность самолёта. Далее Каллистрат сообщил о полученных доходах от сдачи корабля в аренду и реализуемых на рынке товаров, произведённых в Маргелово.

Я почти не слушал этот отчёт, занятый мыслями о предстоящем перелёте. Судейкин сообщил уже известные многим новости о захвате и уничтожении Чернигова войсками Батыя и хана Берке. А я напомнил присутствующим, что этой зимой, ханы Гуюк и Бури, следуя историческим дан-

ным, должны будут разорить Нижний Новгород, Муром и ещё раз, Владимир. Если история не изменилась, в связи с нашим вмешательством, то они должны также разорить и Рязань с Мордвой. Вот и посмотрим, как Батый держит слово. Но мы должны быть готовы ко всяким неожиданностям. От Гуюк хана можно ожидать чего угодно. Я почему-то предчувствую, что он непременно попробует взять нас на испуг. А вот Мордву можно бы и предупредить о нападении, чтобы они смогли спрятаться в лесах. Предупреждать Муром и Нижний бесполезно – они нам не поверят, но всё равно послать гонца стоит, заодно оповещая по пути всех жителей.

Я попросил Микиша послать несколько человек для предупреждения Эрзян о предстоящем нападении, и он ответил, что сделает это немедленно. На этом закончили и разошлись. Я решил пройтись по лагерю и первым делом отправился к самолёту. Самолет стоял в ангаре, под охраной часового. Часовой меня знал и пропустил, так как я имел на это право. Зайдя в ангар, я осмотрел самолёт со всех сторон. Всё было на месте и в порядке. Разве что пыль на крыльях. Я нашёл тряпку и протёр самолет, проверил масло и бензин. Убедившись в исправности, отправился на ужин.

За три месяца в Маргелово прибавилось 10 новых изб. С моим уходом, здесь освободятся 20 домов, из которых уедут семьи артельщиков. Никто из их жён не возражал против пе-

реезда. Сейчас они занимались «упаковкой чемоданов», как сказали бы в наше время. После ужина тут же вернулся в свою квартиру. Дети уже заснули, и мы занялись любовными играми. Я очень соскучился по своим девочкам и не давал им спать до часа ночи.

24 октября. Понедельник. В Маргелово начался обычный трудовой день. Я пробежал с волонтерами утром до поста №1 и сходил на завтрак, где пообщался с Судейкиным и остальными ребятами. Они быстро ушли, им надо было проводить занятия. А я отправился к самолёту. На этот раз я, с помощью часового, выгнал самолёт из ангара и начал его тщательно готовить к полёту. Завёл мотор и немного погонял на малых оборотах. Долил полный бак бензина и прошёлся по ВПП, проверяя, всё ли в порядке?

Этим я занимался до обеда, а после него, собрался лететь. Подошли почти все курсанты, собралась толпа любопытных. Я уселся в кабину, завёл мотор и, получив разрешающий сигнал от Судейкина, начал разгон. В месте подскока самолёт оторвался от земли, и начал набирать высоту. Всё шло буднично и ничего не нарушало полёта. Я запланировал улететь подальше, чтобы определить расход бензина.

Для облегчения задачи, я летел по хорошо видимым ориентирам –реке Оке, до впадения в неё Прони, а затем вдоль

Прони до Рановы. Я узнавал знакомые места, где только на днях мы плыли на ладье. В месте впадения Рановы, я развернул самолёт и полетел обратно. Самолёт вёл себя безукоризненно. Я забирался вверх на высоту до 5-6 км, а потом планировал до 1-2 км, развивая скорость до 240 км в час, а потом опять забирался вверх. По моим ощущениям, для самолёта вполне было бы достаточно двух моторов, но пусть будет три, так надёжнее. Полёт продлился всего один час 5 минут.

Я пролетел 150 км. Расход бензина составил 21 литр. При ёмкости бака в 50 литров, самолёт пролетит не менее 370 км. Но можно и экономить, если часть маршрута лететь с выключенными моторами, планируя. Возможен и другой вариант- дозаправка в полёте. Для этого необходимо иметь в кабине канистру с бензином и второго члена экипажа, который смог бы залить бензин в бак, пока я управляю самолётом. До Воронежа около 500 км, без дозаправки не долететь. Есть решение – попросить Теплова подготовить в Данкове посадочную полосу, где самолёт приземлится для дозаправки. Так что варианты имеются – долетим! Самолёт поставили в ангар, и я отправился домой. Внимательно рассмотрел географический атлас и померил линейкой расстояние до Воронежа. По прямой линии до Воронежа определил всего около 250 км.

Однако, боясь заблудиться, решил всё-таки следовать первоначальному плану. Мои девчонки уже узнали от подруг Теплова, что те уезжают в Воронеж и пристали ко мне с расспросами. Я был вынужден признаться, что хочу их забрать с собой и спросил их:

– Может они хотят остаться здесь? Ведь здесь цивилизация – тёплые батареи, душ и ванна, унитазаы и умывальники, а в Воронеже дикость, необжитые, холодные палатки, отсутствие санитарных условий, удалённость от очагов культуры и даже нет церкви. Это заставило их задуматься, но не более, чем на минуту. Они заявили, что в любом случае поедут за мной хоть куда. Кстати, они уже не являлись холопками, и Судейкин передал им вольные грамоты от боярина Кобылы, так что они могли уйти от меня в любой момент. Их решение порадовало меня, я обнял их обеих и расцеловал.

27 октября. Четверг. Ночью выпал снег, но к обеду растаял. Зима исподволь пробиралась к Рязани. Вчера, в поход к Данкову, выступили 2 десятка моих волонтеров, погнавших с собой 50 лошадей. Они двинулись по маршруту через Пронск. Расстояние, которое им предстояло пройти, не превышало 150 км. Так что они прибудут в Донков через 3-4 дня. Вчера же, в лагерь прибыли 9 бывших гребцов с семьями. Те, кто не успел, пусть добираются своим ходом. Корабль с переселенцами отбудет завтра утром, а я послезавтра. Дев-

чата собрали все свои вещи, включая занавески, половички, посуду. Всё уже было погружено в «Рязань».

Я в последний момент принял решение взять с собой в самолёт пассажира. Им будет, назначенный новым командиром взвода в роту Теплова и, одновременно новым капитаном корабля «Ока», прапорщик Добрыня, бывший десятник из полусотни Архипа. С ним отправлялась и его семья. У меня была сначала задумка, забрать в самолёт одну из своих подруг, но я побоялся последующего скандала и разборок с оставшейся. Пусть едут со всеми вместе на корабле. Так будет надёжнее. Уже в конце дня, прибыли ещё две семьи гребцов, так что остаются ещё 8 семей. Кто-то, возможно, прибудет прямиком в Данков.

30 октября. Воскресенье. Вчера утром проводили корабль с переселенцами. Были слёзы и печаль. Более 40 семей артельщиков и волонтёров, два взвода во главе с Винокуровым. Необходимые вещи, продукты и семенной материал на весну 1240 года. Я ходил в гости к моим друзьям, прощался до весны. Отлёт назначили на после обеда. День был весьма прохладный и мы с Добрыней оделись потеплее. Уселись в кабину самолёта. У Добрыни в ногах поставили две 10-ти литровые канистры с бензином. Под прощальные крики собравшейся толпы провожающих, взлетели в небо.

Добрыня сидел сзади, и я не видел его реакции на полёт, но его приглушённые вскрики, показали, что он весьма впечатлён. Я постепенно набрал высоту в 6 км и затем отключил два мотора на крыльях, оставив один, толкающий. Самолёт полетел медленно снижаясь, фактически планируя. Этого режима хватило до самого устья Прони, то есть на 40 км, которые мы пролетели за 15 минут. Затем последовал поворот направо, и я опять начал подъём, но был вынужден включить два других мотора, так как один не справлялся. Вновь мы поднялись вверх на 6 км и опять пологое скольжение вниз на одном моторе. Снизу я ориентировался по извилистой линии Прони, прекрасно различимой в свете начинающегося дня. Вот уже мы летим над Рановой.

Всего через час полёта мы догнали наших переселенцев, следующих к Мураевне на шести плоскодонках и одной ладье, тянувшей на привязи плот с САУ и БРДМ. Я пролетел в 50 метрах выше каравана и, открыв фонарь, помахал нашим. Они в ответ тоже махали мне руками и платочками. А уже через 25 минут мы сели на размеченной полосе у корабельной верфи Данкова. Нас встречали волонтёры Теплова и он сам.

Работающие на верфи корабелы, с изумлением и страхом наблюдали за нашей встречей. Мы с Добрыней выбрались из кабины и подошли к Теплову. Я представил ему нового командира взвода, который, одновременно, станет капитаном

«Оки». Кстати, я обговорил, что капитаном строящегося корабля, названного «Воронеж», будет назначен мой человек. Я уже решил, что им будет прапорщик Парамон.

Мои волонтёры с лошадьми, ещё не прибыли и я ожидал их к вечеру. А вот прибытие переселенцев в Мураевню, я предполагал к завтрашнему дню. В маленькой гавани Данкова уже стояла «Ока», и мы с Тепловым направились к ней, чтобы передать командование от Арзамаса Добрыне. Я поздоровался с Арзамасом и оставил его с Добрыней, чтобы он ввёл последнего в курс дел. Мы же с Тепловым прошли к верфи, поглядеть на строящийся корабль. Практически все работы подходили к концу.

Ещё 2-3 дня и его можно будет спускать на воду. В Данков уже прибыл Парамон с десятком волонтёров. Те два десятка, перегонявшие лошадей, присоединятся к Парамону и составят экипаж корабля. Пока мы занимались разглядыванием стройки, из крепости прибыл воевода Данкова, Кушник и радостно приветствовал меня, одновременно, с опаской, разглядывая самолёт.

– А что это такое? -спросил он.

– Летучий корабль-ответил я, вспомнив одноимённую русскую сказку.

– Покажи! -попросил воевода. Ничего не поделаешь, я с Тепловым подвели воеводу к летательному аппарату и позволили его потрогать руками. С воеводой прибыли сотник и двадцать дружинников, которые тоже смотрели на самолёт, обступив его вокруг. Я стал объяснять, что это лёгкая лодка, которую тянет пропеллер, работающий на бензине. Однако сразу было ясно, что никто не воспринимает мои объяснения и каждый думает по-своему. Я перестал говорить и только молча наблюдал, как дружинники восторженно трогают самолёт, винты, крылья.

– Осторожно, не сломайте чего-нибудь! –крикнул я и дружинники отскочили в сторону. – К самолёту надо приставить охрану- заметил я, обращаясь к Теплову.

– Сделаем! –ответил он и велел своему десятнику поставить здесь волонтёра с карабином, чтобы отгонять любопытных. Кушник пригласил нас к себе в гости, но я отказался, сославшись на усталость. Мы ещё некоторое время беседовали, отвечая на вопросы Кушника о ситуации в мире. Услышав о новом нашествии монголов, Кушник посерьёзnel и спросил, надо ли ему готовиться к нападению. Здесь мы ничем не могли его обнадёжить. Предсказать планы монголов было не в наших возможностях. Кушник покинул нас, и мы пошли в лагерь, где для нас приготовили обед. Теплов со-

обшил, что к нему прибыли 8 семей, собирающихся ехать со мной в Воронеж. Это были недостающие бывшие гребцы. Так что они вернулись все, как и обещали. Начало темнеть, когда прибыл отряд волонтеров с лошадьми. Началась суeta, размещали лошадей и кормили приехавших. Наконец день закончился и все отошли ко сну.

Переселенцы.

31 октября. Понедельник. После завтрака и я, и Теплов с двадцатью волонтерами, на двух ладьях направились в Кочуры. Оставив ладьи под присмотром пяти волонтеров, направились в Мураевну, где переселенцы уже начали разгружать свои плоскодонки. БРДМ и САУ уже находились на берегу, готовые тянуть плоскодонки в Кочуровку. Как и обычно, наняли все 20 имеющихся подвод в деревне и начали нагружать на них различные вещи. Вещей было не очень много и за две ходки мы вполне справимся.

Меня и Теплова встретили наши подруги. Особенно горячая встреча состоялась у Теплова, который не виделся со своими подругами уже полгода. Более сотни волонтеров справились с погрузкой за 2 часа. БРДМ и САУ перетащили к реке Кочуровке четыре плоскодонки, перегрузили на них и на ладьи всё имущество и

отплыли в Донково. САУ и БРДМ поехали своим ходом. Винокуров со своими людьми также сопровождал нас и до-

жидался перегрузки грузов в «Оку». Потом все вместе обедали у Теплова и после обеда проводили Винокурова в обратную дорогу,

Все остальные, кроме взвода Парамона, отплыли в Воронеж на «Оке», под общим командованием Добрыни и Арзамаса. Я проверил наличие бензина, долив баки до верха. Оказалось, что я истратил всего 15 литров бензина, сэкономив за счёт планирования. Мне предстоял перелёт в 200 км по прямой, а вот кораблю придётся плыть 330 км, следуя всем изгибам реки. Я взлетел в 15 часов и быстро обогнав «Оку», через два часа приземлился в нашем лагере. ВПП была свободна и меня ждали, оповещённые мной по рации, Теря и Кемай с почти всеми волонтёрами.

Между лесопилкой и загоном для овец выстроили ангар для самолёта, в который его тут же и затолкали. На ворота повесили здоровенный замок и отдав место под охрану часового, мы отправились в штаб. В моём кабинете уселись за длинный стол, и я поведал присутствующим о своей поездке. Теря отчитался за период времени моего отсутствия. Я не стал рассиживаться и отпустил всех. Вызвал Алёшку и поручил ему проверить и привести в порядок самолёт. По моим расчётам, корабль привезёт переселенцев к утру, так как, плывя по течению и под парусами, вполне может развить скорость до 10 узлов.

Я начал прикидывать, сколько человек прибудет к нам завтра. Выходило 20 жён строителей, 19 семей гребцов, 6 семей командиров взводов, мои и Теплова наложницы, 5 невест волонтеров и ровно 80 детей. Всем семьям придётся давать по квартире. Артельщики уже имеют жильё, а остальным не хватит. Придётся кого-то селить в других зданиях. Решено – жертвуем третьим этажом столовой. Там имеют место быть 16 квартир, площадью от 36 до 80 кв.м. бездетных разместим на 36 кв.м, а остальным по 70-80 кв.м. Проблема решена. А вот со школой как быть? Осталось только одно помещение на 30-40 детей, должно хватить. За час до ужина ко мне подошёл Алёшка и доложил, что самолёт заправлен и проверен на предмет исправности.

Всё в полном порядке. А затем, он, потупившись, позвал меня пройти к боксам с техникой. Что там он опять придумал? -гадал я по пути, но открывшееся мне зрелище повергло меня в ступор. В одном из боксов, при свете керосиновой лампы, я разглядел самую настоящую машину, правда на основе телеги, но тем не менее. Машина представляла из себя трёхколёсную телегу с двумя обычными колёсами, а третье, переднее, колесо, было приводным от парового двигателя, расположенного над ним непосредственно. 150-литровый бронзовый котёл с водой с прикреплённой снизу печкой, примерно, как у походной кухни, с двумя медными цилиндрами.

драми, расположенными вертикально. На телеге стояла бочка с водой и в ящике лежали брикеты для топки. Я внимательнейшим образом разглядел машину и спросил:

– Вы его испытали? –уже догадываясь, что без Арзамаса здесь не обошлось.

– А как же! – ответил Алёшка. 100 метров проехали за 40 секунд. А нагружали 20 мешков зерна, а ещё сверху 10 человек сидели и тянет всё равно. Мы хотели с Арзамасом вместе показать. Но я не стерпел, к тому же завтра будет не до показа. Столько пароду прибывает.

– Ну вы молодцы! У меня нет слов. Я в самом деле был просто потрясён. Это небывалый скачок в техническом развитии! В принципе, даже при нынешней технологии, такой механизм вполне можно построить, притом даже нашими врагами.

– А ты знаешь, что эту машину нельзя показывать никому? – спросил я его.

– Почему же? Я взял его за плечи и глядя в его глаза, заявил:

– Секрет изготовления этой машины не должен покинуть

территорию нашего лагеря. Все, кто принимал участие в постройке машины, должны держать рот на замке. Не дай, Бог, если этот секрет попадёт к латинянам. Их монахи проникли уже повсюду. Есть они и при дворе Батыя. Да и Батыю нельзя об этом секрете сообщать. Пусть пока эта машина стоит в боксе. Надо очень серьёзно подумать о том, как её можно использовать, чтобы ни в коем случае секрет её устройства не уплыл в Европу.

Алёшка посерьёзnel и закивал головой, показывая, что всё понял. Мы закрыли бокс на замок и пошли в столовую. По пути я спросил:

– Как продвигается обучение арифметике Леонида и Алексиса?

– Нормально продвигается. Они уже выучили таблицу умножения и все цифры. С трудом объяснил им значение ноля. Но они поняли и дело пошло. Обоим подарил бухгалтерские счёты, и они вполне их освоили. Научились считать в столбик. Сейчас учу их десятичным дробям.

– Отлично! – похвалил я его. – Надеюсь, через пару недель ты закончишь их обучение?

– В основном, да- ответил он. Мы поужинали, и я вновь

собрал руководство в штабе. За моим столом, из не струганных досок сороковок, могли усесться до 12 человек. Я сообщил присутствующим о моём решении передать 3-й этаж столовой под квартиры. Прибывающее завтра имущество решили разместить на складе у пристани, кроме боевой техники, которую поставят в боксах. К приёму переселенцев всё готово. Я указал на свой стол и заметил, что следующей задачей стоит строительство столярной мастерской. Всем ясно, что за таким столом много не поработаешь. На этом все разошлись.

1 ноября. Вторник. Сегодня устроили короткий день. С борта «Оки» передали, что прибытие ожидается около 12 часов. Так оно и вышло. Как только сообщили, что корабль вошёл в устье Воронежа, весь лагерь вышел к причалу. «Ока» величественно вплыла в затон и проследовала на своё место. Корабль быстро закрепили канатами к причалу. Скинули сходни и на берег повалил народ. Артельщики радостно встречали свои семьи. Поднялся шум, долетавший до расположенного в 200 метрах торгога.

Любопытные люди подходили к началу нашего пирса, но дальше их не пускали наши часовые. Я заметил для себя, что не мешало бы перегородить нашу часть причала от торговой части. Вышли и мои девчата с детьми на руках. Своих девчат Теплов оставил в Данкове. Я поручил Алёшке отвести

мою семью в их квартиру, а сам остался принимать переселенцев. Люди выходили на берег, с интересом разглядывая своё новое место жительства. Здесь было несколько теплее, чем в Рязани и снег ещё не выпадал. Мы ожидали его в конце месяца, а пока светило солнце, и градусник показывал около 12 градусов тепла.

Артельщики хватали пожитки, привезённые их жёнами, и тащили их в свои квартиры. Волонтёры помогали им. То же самое проделывали и бывшие гребцы. Всех бывших гребцов с семьями я направлял в многоквартирный дом, где им были приготовлены отдельные квартиры. Всех командиров взводов с их прибывшими семьями расселили там же. Я предоставил жильё даже трём жёнам бродников. А вот бездетных волонтёров с жёнами послал в столовую на третий этаж. Однако не напрасно мы строили жильё с запасом! Не придётся мыкаться в палатках, как когда-то жили мы сами.

Волонтёры начали разгрузку корабля. Я ещё немного покрутился на пристани и пошёл домой, поглядеть, как устроились мои подруги. Они уже разложили свои вещи и наводили порядок. Нет слов, благоустройство квартиры и близко нельзя было сравнить с условиями в Маргелово, но дайте срок и у нас будет не хуже. Весь день прошёл в сумятице и радостных хлопотах. Праздничное настроение испытывали артельщики и часть бывших гребцов. Да и я радовался тому

уюту, что организовали мои подруги в квартире.

7 ноября. Понедельник. Обычный день, ничем не выделяющийся из череды других. И, уж, конечно, не напоминал о годовщине Великой Революции. Сегодня ожидалось прибытие корабля «Воронеж» с Тепловым на борту. Теперь у нас будет два коменданта на равных правах. Ну и ладно, мне будет проще, хотя я уже привык рулить всеми делами авторитарно. После прибытия переселенцев, жизнь быстро вошла в свою колею и покатила по накатанной тропе. Самым проблемным оказалось организация обучения новых детей. Теперь мы имели 6 классов детей, один из которых пришлось поместить в актовЫй зал штаба. В среду начал функционировать столярный цех. Имея такое приспособление, как электрорубанок и циркулярка, созданные Арзамасом и Алёшкой, он начали производство мебели и в первую очередь предоставили возможность заменить свою мебель мне и Теплому, в отсутствии которого, мебель в его квартире расставили я и мои девочки.

Теперь я мог похвастать приличными кроватями, столами, шифоньерами, комодом и приличной стенкой, с моего чертежа. Ну и разной мелочью, типа табуреток, тумбочек, навесных шкафов и т.д. Главбух Леонид, наконец-то произвёл ревизию имущества и населения посёлка. По последним данным, учитывая прибывающих в скором времени Теплова

с остатком волонтеров, мы имели в наличии 436 человек мужского пола, 59 замужних женщин и 99 детей, из которых школьного возраста 36. В школе обучаются примерно 180 детей, но, к сожалению, местные дети из посёлков посещают школу крайне нерегулярно, так что число учащихся скачет от 200 до 120.

Но худо, бедно, грамоту, почти все посещающие школу, осваивают и многие уже начали составлять слова из букв, а то и предложения. Зарплату и стипендию получают все мужчины, кроме бродников и Суздальцев. Однако Суздальцам, я велел начать платить с 1 ноября, так как больше не считаю их пленными. В лагере также трудятся 26 вольнонаёмных работников со стороны, в основном уборщицами, поварами, в лазарете санитарками и т.п. А ещё 3 судьи. Из оставшихся имеются около 40 специалистов разного профиля, типа кузнецы, плотники и т.д.

А всего на зарплату уходит в месяц 64 гривны и 8 кун, а вот на еду для всех, корм лошадям и другому скоту уходит 36 гривен 16 кун и 32 веверицы. Итого выходит 100 гривен, 24 куны и 32 веверицы в месяц. А в год соответственно почти 1211 гривен с небольшим. Поскольку мы возвратили в Маргелово полученные от них на расходы 1000 гривен, да ещё своих отдали 1000, то у нас осталось на балансе валюты различных стран в переводе на гривны около 2860. То есть

на два года хватит, если ими не разбрасываться. У нас появились некоторые доходы от производственной деятельности. Мы продаём доски, брёвна, кое-какие продукты, но доходы ещё очень незначительные. Стеклодув уже две недели, как пытается произвести стекло.

Он закупил все необходимые компоненты на торге и сейчас вспоминает правильную пропорцию исходных материалов, проводя опыты, но, честно говоря, его результаты пока не впечатляют. Я сказал- ничего страшного, время у нас ещё есть, пусть экспериментирует. Кстати, все помещения в лагере, где отсутствовал электрический свет, были снабжены керосиновыми лампами, но без стеклянного абажура. Я принял отчёт главбуха и похвалил его за проведённую работу.

В уме посетовал, что денег у нас не так уж и много. После обеда получили сообщение от Теплова, что корабль вошёл в устье Воронежа. Дежурный разослал посыльных с этим известием и весь лагерь собрался на пристани. В затон вплывал настоящий исполин – катамаран «Воронеж», размерами 54 метра в длину и 24 в ширину. Его собственный вес составлял более 100 тонн, а осадка без груза более 1 метра. От киля до верхней палубы, а их у него три, было 6 метров. Надстройки на палубе увеличивали этот размер до 8 метров, высоту почти 3-х этажного дома. Оснащён он был паровым мотором, мощностью 500-550 л.с. Сказать точно, мы не могли. Также

имелись три мачты, высотой до 30 метров с двумя латинскими

парусами и одна мачта с прямыми. На верхушке одной из мачт колыхался флаг с Андреевским крестом. Ближе к корме, где располагался паровой двигатель, торчала труба, изготовленная из десяти железных бочек. Она пока не дымилась, будем скрывать возможности корабля до последнего момента. Такая громадина едва вместилась в

200-метровый затон и заплыв в нашу половину причала, остановилась, пока матросы с помощью шестов и вёсел разворачивали её кормой к берегу. Корабль подтянули прямо к пирсу и закрепили. Венецианская карака явно уступала в размерах «Воронежу».

С корабля скинули сходни и первым с него сошёл Теплов. Затем выбрались его наложницы с детьми, последний десяток его роты, нагруженный вещами и, наконец Парамон-капитан корабля, который доложил мне о прибытии. Я пожалел, что у нас нет оркестра, который уже организовали в Маргелово, но удовлетворился и этим. Поручив разгрузку корабля Тере, я повёл Теплова с жёнами в наш общий дом, показывая по пути все наши достижения. Теплов с подругами вошёл в свою квартиру, и я оставил его осваиваться. Его волонтёры занесли к нему имущество и удалились, устраиваться в казарме на новых местах. Ну вот мы и в сборе! Как-то жизнь обернётся?

На ужин пошли все вместе с Тепловым, подругами и детьми. Я тут же сделал себе заметку о детской коляске. Надо дать задание плотнику. После ужина собрал в штабе, в моём кабинете, Терю, главбуха и всех шестерых командиров взводов. Я представил Теплову всех командиров, хотя он и так всех знал, а вот с Леонидом познакомился впервые. Теплов заявил, что завтра он не будет работать, а только знакомиться с лагерем, а с послезавтрашнего дня начнёт давать лекции. Поэтому я отпустил всех командиров и прошёл с Тепловым в его кабинет, который располагался рядом с моим. Там всё было точно так же, как и у меня. Теплов осмотрелся и позвал меня идти домой. А дом наш был, тут же на 3 этаже. А вот квартиры в противоположных крыльях здания.

Два коменданта.

8 ноября. Вторник. Встретились с Тепловым в столовой на обеде. Я провёл 6 часов лекций в обеих ротах. Теперь мы сидели за одним столом вчетвером. Я, Теря, главбух и Теплов. Кстати, ещё вчера, я спросил у Тери:– Как звали его отца?

Оказалось, что его отца звали Пирчук. Я предложил Тере – Давай я буду называть тебя Терентий Петрович? Всё-таки ты нам с Тепловым в отцы годишься, а мы тебя называем,

как-то вульгарно. Не серьёзно это.

Теря согласился и сегодня я его величал с отчеством. У Леонида отца звали Феодором, и я называл его Леонид Фёдорович. Леониду, кстати, это новое имя понравилось, как и Тере. Меня я попросил на людях называть Фёдором Васильевичем, а Теплова Валерием Мефодьевичем. Все охотно согласились. Для начала, после обеда, я повёл Теплова по всему лагерю, показывая, где, что находится. Вывел его на торг и познакомил с Алексисом. Прошли до паромной переправы и переплыли реку. В деревне на другом берегу, которая за последнее время разрослась ещё на 4 дома, поговорили с её старостой. Нас сопровождали пять волонтеров, не столько оберегая от опасности, сколько для придания важности. Посмотрели склад, причал, галеру, кирпичный завод. Теплов устал от вереницы новых лиц и попросил меня возвращаться.

Более внимательно он ознакомится с нашей структурой попозже, не сразу, в течении нескольких дней. Я его понял, и мы пошли в штаб. В его кабинете я постарался ввести его в курс наших проблем. Он вникал, но снова прервал меня и попросил немного отдохнуть. Во все тонкости он сам вникнет постепенно, а если что будет не ясно, то он спросит. Я же пошёл на кирпичный завод, прихватив с собой Арзамаса и Алёшку. В связи с отсутствием труб малого диаметра для

водопровода, мы разработали одно новшество. Для этого мы пришли к горшечнику в керамический цех.

Наше предложение было следующим – на палку, длиной в 3 метра и диаметром в

полтора сантиметра, вроде рукоятки от швабры, накатываем полтора-два см глины, получая трубу внешним диаметром в 6 см. На одном её конце разворачиваем патрубок с внутренним диаметром в эти 6 см. В патрубок вставляем пробку с резьбой и вдавливаем глину на пробку. А на другом конце делаем наружную резьбу, опять-таки сдавливанием специальными клещами с резьбой. Потом трубу сушим, извлекаем палку и пробку, обжигаем и получаем звено трубы. Труба в трубу будут заворачиваться на резьбе, с уплотнением кожей или мхом. А также изготавливаем подходящую стандарту фурнитуру: тройники, повороты, отводы и т.п.

А краны изготавливать поворотные, из притёртой пробки с отверстием в середине. Повернул, чтобы отверстия совпали, вода пошла. Отвернул – закрыл отверстие. Таким образом мы сможем полностью обеспечить потребность всех жилых помещений в трубопроводах. Горшечник Шакула начал мудрить с трубами, а мы пошли к стеклодуву. Парень нашёл вблизи лагеря кварцевый песок, отжёл сена с травой для получения щёлочи и другие ингредиенты. Пока у него не было своей специальной печи, которую уже завтра построят, и

он пока пользовался кузнечным горном, расплавляя стекло в керамическом горшке. Стеклянная масса получалась, и он выдувал пузыри, но цвет был какой-то неопределённый и к тому же совершенно не прозрачный.

Так что он сейчас колдовал над составом смеси и обещал, что он уже на пути открытия и самое много, через неделю, получит нужный нам продукт. Я его уже озадачил необходимостью выпуска стеклянных колб для керосиновых ламп. Они у него уже получались, но, как уже говорилось не прозрачными. Я ему обещал за получение прозрачного стекла аж две золотые монеты, и он старался изо всех сил. Затем мы пошли на ужин. После ужина собрались в кабинете у Теплова, и я рассказал о нашем новшестве в отношении водопроводных труб.

– Хорошая вещь, похвалил Теплов. – Господа- начал он. – Корабль «Воронеж», из-за его парусной оснастки, нуждается в большом экипаже, не менее 40 человек. Одного взвода для его обслуживания недостаточно. Надо принимать на борт ещё человек 20 команды. Ведь если мы отправимся воевать, то на корабле просто необходимо будет оставить хотя бы 20 – 30 человек. А кто же тогда будет воевать?

– Да, это проблема -согласился я. – Давайте наберём 20 человек из числа бывших гребцов галер и включим их в по-

стоянный список команды. Но нам придётся их учить, и я предлагаю послать корабль в учебное плавание до устья Дона и обратно, с полным экипажем, пока река не замёрзла. Предложение одобрили и решили завтра собрать команду, а послезавтра отправить корабль в плавание. Теплол предложил, что он сам поплывёт с кораблём, оставив меня в лагере, поскольку я в курсе всех проблем комендатуры, а он займётся этими проблемами зимой. Я согласился.

11 ноября. Пятница. Из числа, не имеющих профессии, бывших гребцов, отобрали 20 человек помоложе и здоровее и ввели их в команду «Воронежа». Корабль необходимо было, кроме всего прочего, элементарно «обкатать», то есть проверить его ходовые качества. В 11 часов утра, корабль отплыл от пристани, имея на борту 50 человек

команды под руководством капитана корабля Парамона, взвод волонтёров роты Теплола, 50 новых дружинников, для практики, оба византийца и два половца, переводчиками, две САУ, установленных по бортам на второй палубе, два огнемёта, две пушки калибра 57 мм, два пулемёта на турелях. Вчера я, в течении трёх часов, рассказывал Теплолу ситуацию на Черноморском театре военных действий.

Мы приняли решение немного потревожить венецианцев, а также ограбить порт Судак, принадлежавший туркам. Мы хотели опередить монголов, которые нападут на Судак в де-

кабре этого года. Я, с другими командирами, проводили Теплова в дальний путь. По рассказам местных жителей, Дон замерзает в конце ноября, начале декабря. Так что у Теплова времени было, максимум 3 недели. Ну а мы вернулись к своим заботам.

Строители продолжали строить два жилых 18-ти квартирных дома. Были

сданы в эксплуатацию столярная, стеклодувная и кожаная мастерские. Стеклодув Чуйко, наконец-то выдул первую колбу, для керосиновой лампы и она по всем

параметрам проходила. Эту колбу я водрузил на керосиновую лампу в своей квартире на кухне. Вообще в моей квартире горела всего одна электрическая лампочка – в зале. Теперь все жильцы будут обеспечены достаточным освещением и навсегда забудут, что такое лучина. Появилась и мебель. В столярном цехе работали 14 плотников и 10 подмастерьев. Это уже был, можно сказать, маленький завод. Как только мы все будем обеспечены мебелью, будем её поставлять на рынок.

Наши технические успехи.

12 ноября. Суббота. После обеда, я позвал Арзамаса и Алёшку, с которыми открыл дверь бокса и вытолкали оттуда паровой автомобиль. Наконец-то я нашёл время разгля-

деть его поближе. Общая длина его составила 4 метра. Мы затопили печь и ждали, когда она закипит. В качестве цилиндров были применены отрезки трубы диаметра 205 мм. Поршни были отлиты из бронзы, а потом напильником доведены до нужного размера. Диаметры валов диктовались размерами последних, имеющихся у нас, подшипников. Больше подшипников у нас не было, разве что будем разбирать машины. Всё было элементарно просто- вертикальные цилиндры толкали два штока, которые крутили колесо, как велосипедист крутит педали. В результате машина ехала.

Я проехал на машине по Центральной улице. Скорость, по моим ощущениям достигала 10 км в час. Совсем неплохо. Наверно эту машину лучше всего использовать в качестве бульдозера, для расчистки дорог и площадей. Вот бы нам ещё токарный станок, и подшипники и мы бы устроили техническую революцию! В целом я остался доволен машиной, но предложил ребятам поработать ещё и придумать машину, у которой бак с топкой будут скрыты от наблюдателей. А ещё я велел подготовить машиниста бульдозера на этот агрегат, чтобы он работал на ней постоянно. Лучше 3-4 человека, работающих посменно. Кроме этого, дал парням задание подумать над конструкцией подшипника и токарного станка. Памятуя о первых электролампочках 19 века, изготовленных из графитовых и угольных стержней, светящихся на принципе электрической дуги, подал им эту идею и поручил

чил подумать на досуге.

Кстати, поинтересовался, а не знают ли они ещё кого-либо из знакомых, отличающихся интересом к механике? Если найдут таковых, то пусть сообщат мне и я освобожу того от службы. К тому же, разрешаю им пользоваться кабинетом, предназначенным для конструкторского бюро. Там есть кульман и все приборы для черчения, а также часть технических книг, которые удалось собрать в Маргелово, и привезти с собой. Самому мне уже практически не хватало времени заниматься конструированием, как я мог себе позволить в Маргелово. Всё время занимало у меня хозяйственная деятельность. Вот вернётся из похода Теплов и мы разделим наши обязанности на двоих, может тогда и

времени свободного у меня станет больше. А сейчас надо готовиться к завтрашним занятиям. Даже порой и не знаю на какую тему вести очередную лекцию.

20 ноября. Воскресенье. Утром выстояли два часа в церкви. Отец Никодим настолько разошёлся, что уже у него появился алтарь, иконостас. Где-то раздобыл одеяния и другие атрибуты церковной службы. Клуб стал очень похож на внутреннее убранство обычной церкви. Ему помогали два парнишки, которых он сагитировал из соседней деревушки. Они, кстати и жили с ним в квартире, поскольку родители с радостью отпустили их, поскольку сами едва перебивались,

имея ещё 5 детей.

Я не возражал против этого. От Теплова приходили разноречивые сообщения, где он коротко отчитывался о своих похождениях, в основном обещая рассказать о них подробнее после возвращения. Известно было, что он напал на Су-дак и всё идёт нормально. Между тем становилось всё холоднее. Из Маргелово сообщали, что у них уже выпал снег и лежит слоем в 3-4 см. Микиш сообщил, что он побывал у Эрзи и предупредил о предстоящем нападении монголов.

Эрзя серьёзно отнеслись к этому предостережению. Известно, что около тысячи семей переселились со всем имуществом в Рязанское княжество, куда-то южнее города, а также в Пронское княжество. Прознав про нас, и к нам прибыли не меньше 300 семей, поселившихся частью чуть выше по течению Воронежа, а частью северо-восточнее лагеря. Они организовали порядка двадцати мелких деревушек, расположенных в радиусе 20 км от посёлка. Нас посетили 4 старейшины переселенцев и в присутствии Тери (Терентия Петровича), попросили взять их под свою защиту и покровительство.

Я сказал Тере, чтобы он передал посланцам просьбу, прислать к нам на обучение и службу хотя бы полсотни молодых парней. Кстати, я с такой же просьбой обратился к Алекси-

су, поскольку он знал всех старейшин местных поселений. И люди начали приходить, притом некоторые по собственному желанию. Мы их делили на десятки и размещали в казарме на третьем этаже. На каждые 30 человек назначали командиров взводов и их замов. Для роли командиров взводов пришлось использовать тех пятерых телохранителей Тери, которые прибыли вместе с ним. Я попросил у Судейкина прислать к нам своим ходом 10 эрзя из группы Микиша и 10 русских из полусотни Архипа, для назначения на командные должности. Семьи последних следует привезти позже, во время сбора у нас, для похода на Константинополь.

27 ноября. Воскресенье. Утренняя служба у отца Никодима, который уже настолько врос в свою роль, что наверно не захочет с ней расставаться, прошла ярко и торжественно. Мне он гораздо удобней, присланного из епархии рукоположенного священника. Если это и окажется когда-то необходимым, то я буду тянуть до последнего. После обеда, собрались в штабе у меня. Я сообщил, что Теплов наконец-то отплыл от берегов Крыма и направился к нам. Скорее всего его прибытие состоится первого или второго декабря. А у нас всё пока идёт нормально. По утрам начало подмораживать. Уже два раза выпадал снег, но таял на следующий день.

Торг доживал последние дни. С морозами перестанут приплывать купеческие корабли и, в лучшем случае, до нас

будут доходить санные караваны купцов из Пронского княжества. А вот с юга приходит некому. На 1400 км вниз по течению, ни одного крупного населённого пункта, кроме скрывающихся в лесах беженцев от монголов, а только в дельте Дона имеются поселения бродников и город Тан, ещё не оправившийся после его разорения, населённый генуэзцами и венецианцами. Руководители служб отчитались по проделанной работе, и мы разошлись по домам. Я с Леонидом прошлись до дома Алексиса у торгога. Он радушно встретил нас и усадил за стол, куда его жена и слуги начали носить закуски и выпивку.

Мы поговорили о разных мелочах, а потом я приступил к основной части. Я отметил, что торг слишком разросся и мешает развитию лагеря, что имело место ещё в начале его становления. Поскольку в зимнее время торг практически прекратит существование, я предлагаю перенести его несколько севернее и подальше от реки, чтобы он развивался в направлении на северо-восток. Как раз в том направлении и встанет позже город Воронеж. Я помогу с вырубкой леса и планировкой территории.

К этому надо приступать немедленно. К весне, необходимую площадь, мои люди освободят от леса и поставят крытые торговые ряды. Причал перенесём на сотню метров и продлим до паромной переправы. Как раз перед паромной

переправой прямо на восток, за пятью землянками рыбаков, имеется свободная территория, более квадратного километра. Вот там то и будем устраивать будущий торг.

При этом я показал Алексису карту, нарисованную мной с нанесёнными на ней жилыми постройками. Алексис внимательно рассмотрел ситуацию на карте и согласился со мной, заметив, что в самом деле, нынешнее положение торгового места

опасно при весеннем половодье и имеется реальная угроза затопления. Он завтра же соберёт всех заинтересованных в судьбе торгового места и решит этот вопрос. Мы сходили на

место и внимательно обследовали его. Алексис прикидывал объёмы работ и места строительства новых домов. Я оставил ему карту, чтобы он мог лучше ориентироваться и планировать постройки.

30 ноября. Среда. Итак, мы с Алексисом договорились о переносе торгового места на новое место. Мы же, начали в понедельник и сегодня закончим, ограждение нашей части причала высоким тыном с воротами, начинающимся в 60 метрах от дороги лагерь –причал, параллельно ей. В ограде устроили широкие ворота для пропуска грузовых подвод. При воротах, установили пост. Теперь к нашему причалу и вообще к лагерю, попасть стало сложнее. Алексису я выдал особый пропуск, с которым его пропускали в лагерь без вопросов. К

тому же его личность была всем известна.

Люди Алексиса начали демонтаж торговых рядов, а мои люди валить лес и расчищать площадку для нового торга. Я прикинул, что к приезду Теплова площадка будет закончена и Алексис станет на ней расставлять торговые ряды. Для общего дела я пожертвовал сто брёвен и столько же досок. Одновременно, пользуясь низким уровнем воды, ставили новые причалы. На старом месте едва теплилась торговля, в которой участвовали в основном местные крестьяне и рыбаки, меняясь продуктами своей деятельности и купцы с двух ладей, прибывшие из Пронска. пять землянок рыбаков, стоящие как раз, перед новым торгом, были выкуплены и снесены, а их хозяева переселились на другой берег реки и срочно рыли себе новые землянки.

Я же теперь получил возможность распахать 16 гектаров земли к северо-востоку от лагеря, которые мог бы потерять в случае оставления торга на старом месте. Нами была уже освоена территория в 55 гектаров в южную от лагеря сторону, а этими 16, получится уже 71 гектар. Дальше от лагеря я не собирался отходить. Ещё десяток гектаров поблизости освоим и нам хватит, да и земли дальше уже заняты, так что на будущее, придётся кооперироваться с ближними деревнями, выдавая им семенной материал, с запретом продавать урожай на сторону. В лагере закончили строительство двух

последних плановых домов на 18 квартир каждый. На этом была закончена программа минимум и теперь можно перейти к строительству по программе максимум. То есть строить индивидуальные дома и объекты культуры на длительную перспективу, притом не спеша. Этот вопрос мы обсудим с Тепловым.

Часть 4.

«Обкатка» катамарана.

2 декабря. Пятница. Вдруг пошёл дождь и смыл ранее выпавший снег в реку. Температура поднялась до +5 градусов. Зато в Рязани уже снег выпал на 15 см. Из Маргелово сообщали, что в Рязань прибыл гонец из Мурома, который принёс дурные вести из дикого поля. Монголы тронулись из Сарая и направляются вдоль Волги к

Нижнему Новгороду. Там они могут оказаться через две недели. Мы то знаем, что Муром доживает последние недели перед захватом и последующим разграблением и уничтожением. Рязанскому князю указано не лезть в драку, хотя его можно понять.

Ведь Муромский князь помогал Рязанскому князю Юрию и сам был убит в битве. Мне понятно, в каком сложном положении оказался Ингвар. Он прослывет предателем в гла-

зах Муромских бояр, но своя шкура ближе к телу. Ведь и многие другие князья убежали от монголов кто в Венгрию, а кто и во Францию, а потом вернутся, как ни в чём не бывало. Нам совершенно не желательно участие Рязанского княжества в этой

войне. Но если монголы нападут на Рязань, то мы будем вынуждены вмешаться.

Все эти сведения я получил от Судейкина сегодня после обеда. А мы ждём Теплова, он уже в 15 минутах от затона. На причал, под дождь, высыпали встречающие. А вот наконец «Воронеж», заплывает в затон, под парусами. Произведя разворот на 180 градусов, он пришвартовался кормой к причалу. Самым первым, по сходням, спускается Теплов, поддерживая под руку роскошно одетую, необычайно красивую и очень гордо выступающую, девушку, за ним первый десяток его волонтеров, а потом толпа людей разнообразной наружности в богатых одеждах, но с небритыми мужицкими рожами, совершенно не соответствующими их нарядам, а далее сотни три женщин и девушек, одетых весьма прилично, потом дружинники, ведущие полсотни угрюмых парней, южного типа, всего полтысячи человек.

Я сначала встретил Теплова, который представил мне девушку:

– Ярославская княжна Забава Всеволодовна. -Я слегка склонил голову и произнёс –

– Весьма рад знакомству, милости прошу к нам в гости!

Теплов шепнул мне – Её надо поместить со всеми почестями.

Я понял его и тут же порекомендовал квартиру в штабе, с нами по соседству и дал указание стоявшему рядом Алёшке, проводить их на место. С княжной прошли две девушки и одна женщина. Теплов кинул мне на ходу – Все подробности позже! Я пожал плечами и продолжил наблюдать за приезжими. Ко мне подошли Парамон и Радомысл. Они стали объяснять мне и, стоящему рядом Терентию Петровичу, кто, есть кто. Теря тут же определял куда их распределить. Ответственные показывали прибывшим их новое жильё. До самого ужина в лагере царила суматоха. Зато на ужин прибыли все. Каждому было указано его постоянное место за определённым столом.

К бродникам, освобождённым совсем недавно от цепей, присовокупили закованных в цепи далматинцев и вновь прибывших, освобождённых от рабства. Все они занимали один отсек обеденного зала. Бывших пленников девушек и турчанок рассадили во втором отсеке, ну а мы, как аборигены, заня-

ли свои законные места в третьем отсеке. С завтрашнего дня займёмся сортировкой прибывших и распределением их по рабочим местам. Население лагеря резко увеличилось и превысило 600 человек. После ужина, все руководители служб собрались в кабинете Теплова, и он начал рассказ о своих приключениях.

Теплов, от своего лица: – Мы отчалили от пристани в 11 часов утра в пятницу 11 ноября и вскоре рассекали середину Дона. По течению, с парусами, скорость достигала 13 узлов. Ровно трое суток потребовалось нам, чтобы достичь города Тана. На этот раз дело происходило при свете солнца. Порт охраняла Генуэзская боевая галера, средних размеров, которая при виде нашего корабля гиганта, поспешила укрыться в гавани. У причала стояли 5 купеческих галер и десяток ладей и стругов. Мы лишь вплыли в гавань, не пытаясь причалить, боясь сесть на мель.

Наш приход вызвал панику на берегу. Разрушенная монголами крепость ещё не была полностью достроена и населению негде было спрятаться. В сущности, городу нечего было бояться, так как все, живущие неподалёку народы, как половцы, так и аланы с черкесами, были уже не единожды разгромлены и убежали далеко на юг, в горы. Русь также была повержена, и они никак не ожидали с севера подобных гостей. Схема поселения напоминала нашу Воронежскую.

На берегу раскинулся торг, а крепость находилась несколько дальше. Люди прекратили деятельность и в испуге замерли, ожидая нападения или других наших поступков. На таком корабле, как наш, по их представлениям, должно было находиться, по меньшей мере, тысяча воинов.

А весь гарнизон города, едва ли тянул на две сотни. Я приказал бросить якорь, и мы спустили на воду одну плоскодонку. В неё спустился я сам и десяток волонтёров в кольчугах, с обычным оружием. Но с борта корабля на берег были направлены стволы пулемёта, пушки и тридцати карабинов, поэтому я несколько не беспокоился за свою безопасность. Поняв, что мы, вроде бы, не представляем опасности, народ несколько успокоился и начал наблюдать за нашими действиями. Едва мы достигли берега, как к нам приблизились несколько человек, сопровождаемых десятком стражников, вооружённых алебардами.

Я поднял руку и громко сказал: –Бог в помощь!

Один из подошедших видимо перевёл мои слова седоволосому, хорошо одетому мужчине. Тот ответил, и переводчик перевёл: – Да, пребудет с тобой всемогущий Господь! Ага! – подумал я. – Здесь можно говорить по-русски. Тем лучше.

Я представился – Комендант свободной республики Воронеж, член «Совета десяти», курсант Теплов! Услышав перевод, седой немного подумал, видимо переваривая услышанное, кинул быстрый взгляд на наш флаг и ответил:

– Я байло Тана, венецианский патриций, Антонио дей Франки. Рад приветствовать вас в нашем городе! Добро пожаловать к нам в гости!

Я ему в ответ – Спасибо господин Антонио, но у меня очень мало времени. Можем ли мы поговорить где-нибудь в тепле?

Антонио радушно пригласил меня следовать за ним, и я со своими волонтёрами и стражниками, толпой двинулись через торг, мимо лавок и крытых рядов, освобождающих нам путь людям, которые вернулись к своей деятельности, поняв, что им ничего не грозит. Я, мой десятник и Антонио с переводчиком, вошли в дверь одного из домов на улице, ведущей к крепости. Это было, видимо, помещение для стражи. В одной из комнат, куда меня завёл Антонио стоял стол со стульями, где мы и расположились. Антонио хлопнул в ладоши и в комнате возник человек с ошейником на шее, явно раб. Антонио что-то ему сказал и тот вышел.

– Я слушаю вас, досточтимый сеньор, обратился ко мне Антонио.

Я сообщил ему, что с июля месяца, все проплывающие по Дону суда, должны платить нам налог. Размер налога будет чисто символический – два процента с прибыли. Поэтому мы предлагаем ему самому высчитать сумму оплаты за прошедшее время и передать нам, когда мы будем проплывать здесь, возвращаясь из похода на захваченный мусульманами город Судак, которых мы хотим наказать.

Ещё мы бы хотели потолковать с каким-либо человеком, знающим географию города и удобные подступы к его причалам. Мои планы, видимо, поразили байло Таны, но он не стал задавать вопросы, только намекнув, что нападение на Судак возможно лишь при наличии 4-5 тысяч воинов. Судак может выставить не менее трёх тысяч защитников. У меня достаточно воинов – сказал я, показывая рукой на корабль. Катамаран вполне мог поместить в свои трюмы 5 тысяч человек и байло, наверное, так и подумал.

– Сейчас вам приведут знающего человека, -сказал он. В это время в комнату вошли несколько человек с подносами и кувшинами, и начали расставлять передо мной и десятником угощения. Антонио отдал какой-то приказ рабу и тот скрылся.

– Как доплыли? -поинтересовался он у меня.

– С Божьей помощью – ответил я перекрестившись.

Байло тоже перекрестился и спросил – У вас в самом деле республика? И как называется правитель?

– Да, отвечал я. – У нас республика, а правит ей, «Совет десяти», принимая решения коллегиально.

– Знакомо, -произнёс Антонио. – А как вы уживаетесь с монголами?

– У нас имеется договор о взаимном ненападении- сообщил я. Кроме того, мы обязались помогать друг другу. Я не стал ему сообщать, что через месяц ему придётся отвечать уже перед монголами. Взяв со стола наполненный вином кубок, я сделал глоток.

– Неплохое вино- отметил я.

– Самое лучшее и только для вас, сеньор Теплов- подтвердил Антонио.

Я съел кусок жареного мяса, попробовал сыр со свежим хлебом. Всё было достаточно вкусно, но я не стал наедаться и продолжил разговор.

– Вы уже восстановили разрушения после нападения мон-

ГОЛОВ?

– Что вы, сеньор, тут ещё на 2-3 года работ. Мы понесли огромные убытки и сейчас едва сводим концы с концами! – воскликнул горестно байло Тана

Я знал, что он лукавит. Конечно, убытки имеются, но прибыль слишком велика, чтобы прекратить здесь свою деятельность. Но, нельзя грабить человека, с которым ты вместе ешь, поэтому отложу грабёж на некоторое время. В комнату, постучавшись, вошёл новый участник. Он поклонился нам и представился:

– Капитан галеры купца Стефано Лоредани, Франческо ди Палавани.

Я тоже представился. Спросил – Что вы можете сказать о защите от нападения города Судак?

Капитан поведал следующее: – Город был захвачен монголами всего два года назад. Монголы ограбили население, многих убили и ушли. Турки ещё не оправились после разгрома. Жители вернулись, но население города едва ли достигает половины того, что было раньше. Гарнизон города располагается в крепости, построенной 400 лет назад. Количество защитников составит до 2 тысяч человек, максимум

3 тысячи. В 4-х милях от гавани несут охрану две боевые галеры, отгоняющие врага и подвергая досмотру купцов. В случае сильного противника, галеры уплывают в гавань, под охрану крепости. В гавани есть ещё одна военная галера.

Вся гавань имеет ширину до 10 км, но используется только её левая часть, если смотреть с моря, ограниченная крепостью с одной стороны и выступающим мысом с горой Алчак, с другой стороны. Город окружён подковообразно, хребтом гор, которые можно преодолеть только со специальным снаряжением. С крепости и горы Алчак, вход в гавань простреливается баллистами и катапультами, а с фронта, в 150 метрах от воды, построен небольшой форт, защищённый тыном, высотой всего два метра, внутри которого расположена стража поселения, устроенного в середине подковы.

Там же, вокруг форта, расположен богатый торг, часть города, много зданий. Здесь проживают не меньше 2-х тысяч человек и ещё работники, обслуживающие торг, помещения для рабов, склады и лавки. В случае нападения, люди имеют возможность скрыться в форте, или бежать в крепость. Единственно возможный вариант для корабля, это держаться середины гавани, чтобы избежать попаданий с фланговых катапульти, но при подходе к берегу, корабль попадает под камни и горшки с зажигательной смесью центрального форта и тут без нескольких десятков лодок не обойтись.

– Спасибо- поблагодарил я его. Ну что же, понятно, как нам действовать. Я попрощался и, напомним о налоге, который я возьму на обратном пути, вернулся на катамаран. Мы продолжили плавание. Через три часа корабль вошёл в Азовское море, которое встретило нас очень не приветливо. Огромные волны и противный ветер погнали нас обратно. Пришлось запускать двигатель, но пока давление пара достигло необходимой величины, ветер загнал нас обратно в Дон, и мы поднялись по реке на несколько километров, чтобы переждать бурю. Бросив якорь, ждали весь день и всю ночь. Наконец буря утихла, и мы, **15 ноября**, вновь вышли в Азов.

Плыли, придерживаясь левого берега, будущей Ростовской области. Двигатель включили и на средних оборотах, под парусами, двигались со скоростью около 15 узлов. Уже в сумраке вошли в Таманский залив и, найдя подходящую защищённую от ветра бухту, которая скорее являлась расщелиной между скалистыми берегами, шириной едва в 80 метров и протяжённостью в 100 метров. Нам даже не удалось развернуться и, оставаясь в таком положении, мы бросили там якоря и провели весьма бурную ночь. К утру буря утихла и мы, на двигателе, начали медленно, задним ходом, выбираться из бухты. Наши высокие мачты сослужили нам не очень хорошую службу.

За всё время нам никто не встретился на пути. Скорее всего, увидев мачты за 20-30 км, все стремились убраться с нашего пути и спрятаться. Но здесь, мы вдруг оказались атакованы Венецианской галерой. Эта галера патрулировала город-порт Матарху, ставшую позднее Таманью. Город был половецким, но монголы прогнали их, а их место заняли венецианцы. Заметив наше неудобное положение, свёрнутые паруса, дым, валивший неизвестно откуда, к тому же, не видя размеров всего корабля, а лишь его корму, венецианцы вообразили, что нас бурей загнало в бухту, где мы повредили корабль и сейчас, пытаемся выбраться из бухты с помощью шестов.

Не воспользоваться таким случаем было просто глупо. Они развернули корабль в нашу сторону и направили его тараном к нам, начав разгон с расстояния примерно в 300 метров, имея целью проломить корму и взять нас на бордаж. Следующая за ним, вторая галера, также повернулась в нашу сторону и шла параллельно первой, отставая на 50 метров. Венецианцы предполагали, что они безусловно превосходят нас числом. Наш флаг, конечно, сбивал их с толку, но было ясно, что мы не являемся их союзниками или просто дружественным государством и поэтому нас вполне можно взять в плен. Мы находились в узком проходе, лишённые возможности маневра.

Поэтому неудивительно, что не будь у нас двигателя, нам бы пришлось выползать из бухты на буксире или отталкиваясь от берега шестами, что заняло бы не меньше часа. В таком положении нас можно было очень легко захватить. Однако нам вполне хватило времени, чтобы направить пушку в середину форштевня первой галеры и сделать выстрел с расстояния в 200 метров. Взрыв снаряда разворотил носовую часть галеры, и она сразу хлебнула хорошую порцию воды. Галера стала напоминать кита, плывущему с открытой пастью. Только кит мог выбрасывать воду через дырку вверху, а галера этого делать не могла. Вода начала заливать трюм, а скорость моментально упала.

Нос галеры начал опускаться вниз, а корма вверх. Мало того, доски носовой части, ранее прикреплённые к форштевню, теперь разошлись, образовав дыру в два квадратных метра. С падением скорости, количество вливающейся в трюм воды сократилось и корабль принял горизонтальное положение, потихоньку погружаясь в воду. По инерции галера продолжала приближаться к нам, теряя скорость, так как гребцы прекратили грести и орали, требуя освобождения. По всему было видно, что корабль остановится за 60-70 метров от нас и затонет.

По палубе метались солдаты, не зная, что предпринять.

Резкое торможение галеры из-за появления дыры в разбитом носу, повлекло падение за борт палубных катапульта и десятка двух матросов, которые барахтались в холодной воде, цепляясь за свисающие снасти. Однако облегчение судна из-за потери катапульта позволило кораблю приподняться, и его палуба сейчас была выше уровня воды на целый метр. Видимо капитан корабля нашёл решение и на корабле раздались громкие команды, заработали бичи надсмотрщиков, и гребцы вновь взялись за вёсла. Сильный ветер сносил галеру в сторону открытого моря и единственным способом спастись, являлось ускорение судна и выбрасывание его на берег, времени на это должно было хватить.

Мы же продолжали пятиться назад, уже почти полностью покинув расселину. Вторая галера, медленнодвигающаяся в сторону берега, в кабельтове от нас, резко поменяла курс, направившись на восток, в сторону Матархи, до которой, как оказалось, мы не доплыли всего 5 километров. Гребцы навалились на вёсла пытаясь плыть против ветра, а матросы кинулись свёртывать паруса. Однако уйти ей не удалось. Продвинувшись в сторону от нас едва ли на полсотни метров, они получили один за другим, три бронебойных снаряда, прямо по ватерлинии. Снаряды прошили галеру насквозь, образовав симметричные отверстия по обеим бортам.

Солдаты успели дать по нам несколько выстрелов из ар-

балетов и один выстрел из катапульты, не причинивших нам вреда. Несколько десятков арбалетных болтов воткнулись в фальшборт, не имея сил пробить его насквозь, а камень вообще упал в 30 метрах перед катамараном. Зато залп из двадцати карабинов свалил на палубу почти всех арбалетчиков, а другие кинулись в стороны. Вода, хлынувшая в трюм галеры, заставила команду принять единственно правильное решение-направить галеру к берегу и сесть там на мель. При этом галера накренилась на бок под углом в почти 45 градусов, из-за чего все находящиеся на палубе, свалились за борт и по горло в воде, зашагали к берегу, а выбравшись на него, кинулись было бежать прочь, но остановленные приказом капитана, остановились и начали строиться, обернувшись к нам.

Брошенные на произвол судьбы, гребцы, повисли на своих цепях, кто-то в воде, кто-то на палубе, изворачиваясь и пытаясь принять более удобное положение. Первая галера всё-таки смогла также выброситься на мель, но из-за крена на нос, который первым застрял в песке у берега, корма повернулась и застряла уже ближе к берегу. Не было сомнений, что через пару часов, ветер и волны перевернут корабли и вынесут на более глубокое место, где те должны будут благополучно затонуть. Экипаж, повторяя действие своих собратьев, покинул судно и собрался на берегу, угрюмо наблюдая за терзаемой волнами галерой и нашими действиями. Мы

наконец выбрались из расщелины и отплыли от берега на два десятка метров.

Сначала я приказал подплыть к первой галере, с разбитым носом. Весь её экипаж сгрудился в 50 метрах от линии прибоя, включая и гребцов. Как оказалось, гребцы на этой галере, являлись по большей части, вольнонаёмными и считались членами команды, в случае необходимости, участвуя в сражении. Но не в этот раз, так как они не успели получить оружие, находящееся в трюме. Зато другие солдаты, сохранившие оружие, начали натягивать свои арбалеты и направлять в нашу сторону. Я тут же дал команду на открытие огня по стрелкам, избегая ненужных потерь.

Арбалетчики, числом в дюжину, полегли на берегу, заставив остальных решительно отказаться от воинственных действий и без оглядки помчавшихся в сторону Матархи, но остановленных капитаном второй галеры. Наш катамаран приблизился к первой галере, и я приказал двум десяткам дружинников, перепрыгнуть на неё и обыскать. Все ценности снести на берег. Мы же включили переднюю скорость и направились ко второй галере. Среди экипажа второй галеры, живых арбалетчиков не оказалось и оба экипажа наблюдали за нами, чуть ли не раскрыв рты от изумления при виде корабля, плывущего без парусов и гребцов, дымящего трубой и столь легко разделавшегося с ними. Их было примерно

две сотни, вместе с гребцами и они никак не могли прийти к решению. То ли атаковать нас, то ли бежать с поля боя. Потери у них были невелики, человек двадцать убитых.

Я не хотел их смерти, но положение становилось неопределённым, и я приказал дружинникам открыть стрельбу из луков по толпе, что и было исполнено. Стрелы едва долетали до венецианцев, но они поняли, что тут им больше ничего не светит и зашагали к своему порту. Несколько моих матросов прыгнули в холодную воду и взобравшись на галеру начали искать место крепления цепей, к которым были прикреплены гребцы. На галерах, по обеим бортам были протянуты две длинные цепи, к которым кольцами, крепились цепи отдельных гребцов.

Чтобы открепиться от оков, имелся общий ключ ко всем замкам, но поскольку его не было, пришлось вырвать крепления общих цепей и по одному стягивать по очереди всех гребцов, которых на каждом борту имелось по 40 человек. Всех их разместили в верхнем, жилом трюме, катамарана. Одновременно ребята обыскали трюмы и каюты капитанов и матросов. Добыча была совсем незначительная, Два сундучка серебра из кают капитанов, общим весом не больше 5 кг и полмешка медных монет. Зато 80 комплектов вооружения вольных гребцов с первой галеры.

Кроме этого, добыли 30 бочонков вина по 20 литров, оливкового масла несколько кувшинов, десять мешков пшеницы и проса и ещё по мелочи всякого добра. Я приказал собрать стреляные гильзы с палубы и плыть к Матархе, чтобы наказать венецианцев за нападение на нас. Так и поплыли без парусов. К порту мы подошли вместе с солдатами, бежавшими по берегу. Заплыв в гавань, мы перегородили её, встав посредине, в кабельтове от причала. Собственно говоря, перегородить гавань было бы затруднительно, так как её ширина превышала 3 км, но основной причал располагался вдоль берега, между двух волноломов, протяжённостью в полкилометра, где стояли на якоре три купеческих галеры и десятков более мелких кораблей, не считая рыбацких баркасов и лодок.

Прибытие катамарана, как и ожидалось, вызвало переполох на берегу, где располагался торг и небольшая крепость. Бросив якорь, мы стали ждать развития событий. С самого утра мы ещё не завтракали, а время, между тем уже приближалось к 12 часам. Так что мы уселись обедать и завтракать одновременно. Рабам в трюм тоже передали пищу. Что с ними делать мы ещё не решили, к тому же, они были нам совершенно не ко времени. Хорошо ещё, что нам досталось очень много продовольствия с этих галер.

Итак, мы хорошенько поели и все вышли на палубу. Я

с командирами забрались на мостик, откуда через бинокль стал наблюдать за пристанью. Крепость носила следы недавней осады и ещё ремонтировалась. Но торг перед крепостью жил довольно бурной жизнью, которую мы невольно прервали. Все торговцы и покупатели настороженно вглядывались в незнакомый корабль, застывший на рейде. Прибывшие солдаты донесли весть об уничтожении обеих военных галер, всего, чем располагала Матарха. Гарнизон крепости, усиленный экипажами галер, достиг 500 человек.

В крепости имелись несколько баллист и катапульта. Байло города, Доменико ди Мальтанди, несколько богатых купцов, державшие совет с капитанами кораблей и командирами стражи, не могли прийти к общему мнению. Начинать боевые действия или мириться? Однако выслушав рассказ капитанов об ужасающем разгроме галер, байло принял решение попробовать договориться с пришельцами, тем, более, что они не предпринимали попыток напасть на город. Снарядили группу переговорщиков из уважаемых людей. Двух купцов, заместителя байло и одного из сотников гарнизона. В сопровождении десятка матросов они уселись в лодку и направились к катамарану.

Я тут же, распорядился спустить одну плоскодонку и плыть навстречу, так как не хотел показывать гостям корабль. Я и 10 дружинников встретились с венецианцами в се-

редине гавани. Старший из парламентёров, заместитель байло, приветствовал нас на итальянском и греческом языках. В разговор вступил наш переводчик из византийцев. Первым делом он представил меня и сообщил о принадлежности корабля, к неведомой доселе, республике Воронеж. Я пожаловался на необоснованную атаку венецианцев на мой мирный корабль и заявил, что требую возмещения материальных и нервных затрат.

И во что, вы оцениваете ваши затраты? – спросил заместитель байло. Я был прекрасно осведомлён в том, что почти все итальянские колонии на Чёрном море, основную прибыль имеют от продажи рабов, скупленных у монголов по дешёвке. За последние три года монголы продали на рынках Чёрного и Каспийского морей десятки тысяч пленных, как мужчин, так и женщин, оставляя себе только высококвалифицированных мастеров и необходимое число рабов. И большинство этих несчастных являлись Русичами. Поэтому я потребовал освободить и передать мне всех имеющихся в наличии рабов, поступивших в Матарху, имеющих происхождение из Руси, Булгара, Мордвы. Заместитель байло горестно всплеснул руками: – Вы же нас разорите!

– Если не выдадите, то мы их возьмём силой – пригрозил я. Торговля здесь не уместна, и вы будете выполнять мои распоряжения. Я даже не возьму с вас денег.

Венецианцам ничего не оставалось делать, как согласиться. Окрылённый тем, что мы не требуем у них денег, заместитель байло решил описать произошедший торг, как свою дипломатическую победу и поднять свой престиж до самого высокого уровня.

Я добавил – И не вздумайте нас обмануть! Мы узнаем у рабов, всех ли вы нам выдали.

– Конечно! -заверил нас заместитель байло и мы разъехались.

Я забрался на борт катамарана и в ожидании обещанного, спустился в трюм к рабам. Этот трюм имел несколько окон и в нём было достаточно светло. Все рабы сидели на полу, кто на корточках, кто по-турецки и вели между собой разговоры, обмениваясь мыслями о своей будущей судьбе. Когда я, в сопровождении десятка волонтёров, спустился к ним по лестнице, они все встали и поклонились. Я приказал им выстроиться в две шеренги, благо, что площадь трюма это позволяла.

Сначала я спросил: – Кто понимает по-русски? Таких оказалось 58. Я велел им построиться отдельно. Среди остальных оказались: два еврея, 5 половцев, 4 гота, 6 алан, 3 бул-

гарина и 2 грека. Настоящий интернационал. Пришлось переводить на греческий и половецкий. В первую очередь я им объявил, что всех их отпущу на волю.

Однако тех, кто хочет остаться, я приму с удовольствием. Мне нужны люди. Мой путь лежит в Крым, и на Русь по Дону, так что желающим ехать домой со мной, я разрешаю и даже буду их кормить, требуя от них кое-какой посильной работы. Аланы и половцы попросили их отпустить здесь же, только отплыв подальше от Матархи, а остальные захотели плыть в Крым, кроме Булгар. Среди Русичей, как ни странно, оказались ещё три еврея, понимавших русский язык, которые захотели остаться со мной. Были также 8 Эрзя и 5 Марийцев, которым, понятное дело, необходимо было попасть поближе к своей Родине. Разобравшись с рабами, я вновь вылез на палубу. Прождав ещё 2 часа, мы наконец увидели, что на берегу появилась толпа оборванцев, которых начали сажать в лодки и отправлять в нашу сторону. В течении часа на борт катамарана прибыли 224 человека. Я страшно ругался про себя. Что мне делать с такой оравой?

Но дело было сделано. Конечно, я предпочёл бы получить этих людей в конце своего путешествия, но не оставлять же мне их здесь! Ладно, как-нибудь перебьёмся. Я осведомился у прибывших: – Все ли на месте или венецианцы кого-то спрятали? Но всё было честно. Я дал команду отчаливать, и

мы уплыли, вызвав радостные, но очень тихие, возгласы на торге. Среди рабов было много женщин, в основном молодых.

Женщинам я велел строиться с одного борта, а мужчинам на другом. Здесь ситуация выглядела следующим образом: часть рабов были совсем недавние, предназначенные для продажи, а часть приходились рабами у местных жителей, притом некоторые, уже в течении нескольких лет. Притом имелись некоторые рабы, уже в возрасте старше 40 лет, в весьма изнурённом состоянии, но счастливые, что обрели свободу.

Женщин оказалось большинство -135. Из них 124 совсем молодые, от 14 лет и до 25-30 лет. 11 женщин были в возрасте 36-40 лет, которые служили хозяевам уже по 15-20 лет, но пожелавшие вернуться домой. Они признались мне, что примерно два десятка женщин добровольно остались у хозяев, поскольку уже забыли родной язык и возвращаться им некуда. У мужчин примерно половина предназначались в продажу, а другая половина уже отработала в Матархе по 3-4 года в качестве грузчиков, уборщиков и других подобных профессий. Но все без исключения выражали безудержный восторг по поводу своего освобождения, а многие предлагали мне тут же поступить на службу воинами, чтобы воевать с монголами или теми же итальянцами.

Я велел рабам выбрать старшего из своей среды, чтобы мог с ним общаться. То же я велел и женщинам. Катамаран имел достаточно помещений, как на верхней палубе, так и в верхнем трюме, потому что был рассчитан для перевозки тысячи десантников, так что всем нашлось место. Женщин я разместил отдельно. Теперь на борту появились 304 пассажира, при команде в 130 человек, которых надо было кормить. Еды должно было хватить на 10 дней, так что переживём! Едва мы вновь вышли в море, нас захватил шторм. Сильный ветер гнал нас к Кавказскому берегу и нам пришлось ему подчиниться. В течении ночи, осторожно пробираясь вдоль берега, нашли великолепную бухту, в которую и заплыли около 3-х часов ночи уже **17 ноября**.

В бухте было совершенно спокойно, на побережье раскинулся какой-то город, во многих домах которого горел свет. На горе за городом располагался маяк, как мы увидели утром – башня с костром на верхней площадке. Этот маяк очень помог нам в ориентировке. Рассвет застал нас в самом начале бухты, имеющей вид окружности диаметра 3-4 километра с узким входом. Погода была паршивая. Лил дождь и дул сильный ветер. У причала города стояли 8 галер, две военные каракки, множество ладей, стругов, баркасов и т.п. Никто не пытался выплыть из гавани, пережидая шторм.

Мы заплыли чуть дальше и ближе к левому берегу, где и бросили якоря. После завтрака в нашу сторону направился баркас. Я, чтобы изобразить многолюдье, велел бывшим гребцам одеть те 80 комплектов военных доспехов и рассестся на палубе вперемешку со своими дружинниками. Единственным непонятным отличием нашего катамарана являлось отсутствие вёсел. Да и сам тип корабля был совершенно не известен в этих местах, не говоря уже о флаге. Я, одетый в монгольский доспех тысячника, встречал гостей на палубе в окружении двух взводных, также в монгольских доспехах.

По сброшенной в баркас лестнице, на борт поднялись пятеро чиновников и два военных в доспехах. Определились с языком. Прибывшие понимали по-гречески, и мы повели разговор на этом языке. Я вновь рассказал про республику Воронеж и своё в ней положение. Главный из гостей назвался Доменико ди Гуаско –консулом Мауролоко, Генуэзской фактории. Некоторое время, поломав себе голову над моей историей, Гуаско спросил:

– С какой целью вы прибыли сюда?

Я честно ответил, что нас пригнал шторм, а вообще мы направляемся в Судак. Мой ответ, как я заметил, напряг Гуаско.

– Кого вы поддерживаете, Латинскую империю или Ни-
кею? –задал он вопрос.

– Мы никого не поддерживаем, мы сами по себе-ответил
я, чем ещё больше озадачил его. Он задал другой вопрос:

– Но вы не находитесь в состоянии войны с итальянскими
республиками?

– Не находимся-отвечал я. – Мы вышли в море, чтобы раз-
узнать обстановку в море и определиться с выбором союзни-
ков и противников.

– Ладно, решил Гуаско – Вы можете здесь находиться до
тех пор, пока не утихнет шторм. А после этого, мы бы по-
просили вас отсюда уплыть.

– Согласен –заявил я. – А можно нам сойти на берег?

– Можно, но не более 30 человек одновременно, объявил
Гуаско. – Кроме того, каждый день стоянки вы должны опла-
тить в размере двух золотых дукатов.

– Ого! -Поразился я такому тарифу. – Тогда мы лучше
поплывём в другой порт.

– Ладно, смилостивился Гуаско, не желающий терять прибыль. Только для вас, как гостю, 1 дукат в день.

– Вот это другое дело, ответил я и, достав из кармана дукат, передал ему.

Гуаско подобрел и попросил меня заплатить остальные деньги в день отплытия. На этом мы расстались. Я взял с собой десяток дружинников, командира взвода прапорщика Радомысла и мы отправились поглядеть на город. Здесь же изъявили желание сойти на берег и отправиться по домам 5 половцев, 6 алан и 2 еврея.

Я выдал каждому из них по серебряной монете и еды на двое суток, а также по одному кинжалу, на всякий случай. Мы бродили по городу, под дождём, часа полтора, но промокли и вернулись обратно на корабль. Смотреть было не на что. Не город, а большая деревня. От нечего делать я вызвал старших от группы гребцов и невольников. От гребцов старшего звали Вильга, а от невольников Осташ. Я попросил их рассказать свою историю. Вильга, крепкий мужик 33 лет, попал в гребцы из черкесского плена, куда он попал после разгрома и взятия монголами Матархи. Его уже через неделю продали венецианцам, как и 15 его соплеменников, защищавших город с половцами.

Он служил десятников в страже города. Его родители жили здесь ещё со времён Тьмутараканского княжества. По его словам, в этих краях проживали очень много Русичей, перешедших на службу к половцам или Византийцам. Осташ оказался бывшим сотником из дружины Муромского князя, попавшего в плен в сражении с монголами на Чёрной речке, в которой погибли Муромский и Пронский князья. Все остальные, предназначенные на продажу невольники, в основном, бывшие дружинники из Владимирских и Коломенских отрядов, кроме 42 крестьян из Рязани. Узнав, что они оба грамотные, я выдал им по тетрадке и карандашу и велел переписать всех своих соратников по именам, возрасту, профессии и бывшего места проживания.

После ужина, я спустился в трюм к мужикам и выслушал их жалобы и пожелания. Потом я рассказал о строительстве поселения в низовьях Воронежа и о том, что нам требуются там рабочие руки. О зарплате в 4 раза превышающую среднюю по Руси, о школах и удобствах. Многие задавали вопросы по теме, и я отвечал. Заметил, что мне удалось заронить в их сердцах желание остаться в нашем поселении. Эту ночь мы провели в Мауролоко.

Княжна Забава.

На следующий день, **18 ноября**, шторм разошёлся ещё

сильнее. В гавань вошла галера, настолько потрёпанная, что было даже удивительно, как она удержалась на плаву. Две её мачты отсутствовали, она набрала в трюм воды столько, что едва выступала над уровнем моря. На вёслах она пристала к причалу и из неё вылезли донельзя измученные члены команды, как оказалось, купеческого корабля из Иконийского султаната. Я, разглядывая через бинокль суда, стоящие у причалов, выяснил, что здесь имеются корабли Никейской империи, Трапезунда, Генуи и Венеции, княжества Феодоро и несколько неопределившихся. Сегодня я посетил помещение с женщинами.

Старшей у них была избрана некая Малуша, строгого вида женщина, лет 42, со следами былой красоты на лице. Она была дочерью богатого купца, корабль которого был лет 25 назад захвачен пиратами в Азовском море. Отец был убит при захвате корабля, а её вместе с матерью, захватили в плен и продали порознь на рынке в Каффе. Она попала к венецианскому венному, который полюбил её и сделал своей наложницей. Фактически она была его второй женой, так как первой была настоящая жена в Венеции. Но совсем недавно его корабль был захвачен, а его во время боя убили.

Об этом ей рассказали соратники её мужа, отпущенные на волю Никейцами. Я смекнул, что это наверняка был бой с кораблём «Ока» у Гераклеи, но промолчал. Вдова оказалась

у разбитого корыта, без средств к существованию. Сейчас она хочет добраться до Пронска, где, возможно, живут ещё её родственники и, наверно пользуются её наследством. Она рассказала, что остальные пожилые женщины прожили аналогичные жизни и последнее время работали в хозяйстве у венецианцев домашними слугами, едва перебиваясь с хлеба на квас.

Мне стало крайне неудобно, что я не могу их пригласить к нам, потому что собираю только молодых, способных к учению. Все остальные девушки, в большинстве, захвачены в деревнях и городах Переяславского княжества, в этом году. Что интересно, все они не тронуты и остаются девицами, чтобы продать подороже. Одна из них, по слухам, дочка знатного Суздальского боярина. Мне стало интересно, и я попросил позвать её ко мне. Она пришла через несколько минут вместе с Малушей. Я чуть не рухнул под стол, увидев подобную красоту. Ей было лет 17-18. Она была одета в рваное, но явно, когда-то дорогое платье и сапожки, по непонятной причине не снятые с неё монголами. Её толстенная коса свисала ниже пояса. А синие глаза звали утопиться в них. Необыкновенно стройная и довольно высокая, с высокой грудью.

На плечах у неё, был накинута драный, мужской кожушок, но её стать выдавала в ней родовитость. Неимоверным уси-

лием воли, я подавил своё восхищение и желание встать перед ней на колени. В душе я понял, что погиб, бесповоротно. – Боже мой, что мне ей сказать? Язык едва слушался меня, когда я выговорил: – Как зовут тебя, красавица?

Она, с достоинством, ответила: – Спасибо тебе, боярин, что вызволил меня из плена. Век не забуду. Свечку тебе поставлю в церкви.

Я чувствовал, что млею, слушая её приятный голос.

– Зовут меня Забава. На самом деле я не дочь боярина, а дочь князя Ярославского Всеволода Константиновича, погибшего в 1238 году на реке Сить, вместе с великим князем Владимирским Георгием. Меня захватили монголы в Ярославле и привезли к хану Бури, который взял меня себе в наложницы. Я скрыла от него, чья я дочь. Не смог хан взять меня, дралась я с ним и обещала себя убить, если он меня коснётся. Обозлённый хан продал меня венецианскому купцу, и я оказалась здесь. А вообще он вёз меня к себе в Венецию, хотел отдать сыну.

Я встал и поклонился ей, то же самое проделала и Малуша.

– Да полно вам кланяться мне! – возразила Забава. – Это

я должна тебе поклониться.

Я стал расспрашивать Забаву о её жизни в Ростове великом, о её отце, пока не понял, что пора заканчивать расспросы, это просто неприлично, держать девицу при себе так долго. Да и Малуша начала откровенно зевать, поглядывая на меня с подозрением. С трудом переломив себя, я отпустил девушку с Малушей, велел капитану корабля, Парамону, предоставить княжне подобающее жильё, а Малуше велел приставить к Забаве 2-3 девушек в услужение. Они ушли, а я никак не мог прийти в себя. Вот это я попал! Что мне делать? Смогу ли я понравиться княжне? Да и ровня ли я ей? Тяжёлые мысли мучили меня до самого вечера, а заснуть я смог только к утру.

Едва закончив завтрак, я посчитал уже возможным посетить княжну. Парамон отвёл для неё каюту, предназначенную для офицерского состава, с четырьмя койками. Там она и оказалась с Малушей и двумя другими девушками. Малуша, при этом, играла роль строгой мамки, вторая девушка, дочь служилого дворянина, стала подружкой, а третья девушка, из простолюдинок, на побегушках. Иначе говоря, сформировалось что-то вроде небольшой свиты. Я вошёл, постучавшись, и низко поклонился, прежде чем приветствовать её. Никогда бы не поверил себе, что буду кланяться кому бы то ни было, да ещё так низко.

Забава засмеялась звонко, как колокольчик, от чего меня пробрала дрожь. – Не надо так низко кланяться, боярин, голова отвалится! -пошутила она. Чего там кланяться! Я бы на брюхе подполз к ней, лишь бы она ласково взглянула на меня.

Я спросил её – Ну как, княжна, устраивает тебя это жилище? К сожалению, ничего лучшего у меня нет!

– Что ты, боярин, спасибо за заботу! Я уж и забыла, когда спала на простыне!

– Прости меня, княжна, но я не могу позволить тебе ходить в подобном рванье. Мы немедленно отправляемся на торг, чтобы купить тебе приличное платье.

– Правда? –воскликнула она в восторге.

– Конечно! -ответил я и передал ей принесённый с собой плащ, чтобы она могла в него закутаться. Мы вышли к борту и спустились в лодку, при этом я позволил себе обнять её за талию, снимая её с лестницы. Совершая это действие, я испытал невероятное блаженство. С нами отправилась и Малуша, и мои десять дружинников. Сегодня на календаре **19 ноября**. Меня поджимает время, я должен плыть в Су-

дак, сражаться с турками, а потом плыть в Воронеж. Как мне сделать так, чтобы она осталась со мной?

Ведь она непременно захочет ехать в Ростов великий, где у неё живут два брата и где она будет хозяйкой княжества. Мысли обуревали меня, заставляя терять рассудок. Я не заметил, как мы оказались на рынке. Малуша показывала Забаве очередное платье, и они обе громко обсуждали наряд, прикидывали на себя. Я только и смотрел на лицо Забавы, и ничего больше меня не трогало. Лицо у меня горело, а во рту пересохло.

– Да что же это такое? – с отчаянием призывал я себя успокоиться. Но вот покупки сделаны, я отдал сколько –то денег, не считая и не принимая сдачи и, как во сне, проследовал к лодке, мечтая о моменте, когда я смогу принять её с берега за её упругую талию, чтобы перенести в лодку. Наконец, мы на корабле, и она ушла свою каюту, мерять обновки. Я же не мог найти себе места. – Встряхнись! – говорил я себе. Хватит мечтать, забудь о ней! Она не для тебя, успокойся и уйди в сторону! Это было выше моих сил. Я метался в своей каюте, не имея возможности заняться делом.

Не помню, как я дотянул до вечера. Проснувшись утром, **20 ноября**, я понял, что если я не заставлю себя забыть о княжне, то сойду с ума. – Больше к ней ни ногой! – решил я и

вышел на палубу, поглядеть на погоду. Шторм заметно утих и две галеры нашли в себе смелость покинуть причал. Я сказал Парамону – Если завтра будет хотя бы такая же погода, то мы выходим в плавание. А пока я отправился в трюм к мужикам. Осташ и Вильга подошли ко мне, протягивая тетрадки со списками своих подчинённых.

Я спросил у людей, как они себя чувствуют, нет ли жалоб. Но всё было нормально. Я велел всем построиться и объявил им: – Мы направляемся в Судак, чтобы потрепать турок. Как вы к этому относитесь? Поход будет опасным.

– Мы тоже хотим участвовать! – подал голос, кто-то из рядов.

– Да, да! – закричали остальные.

– Кто хочет участвовать? – спросил я. – Пусть они становятся в эту сторону.

Почти все перешли туда. Остались 3 еврея, 12 русских, в пожилом возрасте и 8 человек, желающих остаться в Крыму.

– Очень хорошо – отметил я. У нас 80 комплектов вооружения, а желающих 142. Раз уж я выдал оружие гребцам, то пусть они его и носят, а остальным придётся оружие достать в бою, но мечи и доспехи я всё-таки вам выдам, на время.

Эти мечи и доспехи, я собирался временно взять у волонтеров, которые останутся на борту и, частично, у тех, кто будет вооружён карабинами. На этом все согласились. Уходя, я поручил командирам разбить отряды на десятки и назначить десятников. Это мероприятие немножко отвлекло меня от тяжёлых переживаний за Забаву, и я решил таким образом постараться о ней забыть. Поэтому я направился к девушкам.

Я собрал их в одном помещении и когда они собрались, приветствовал их словами: – Здравствуйте красавицы! Девчата отвечали вразнобой. – Ну, что, кто откуда родом? Практически все оказались из Переяславского и Черниговского княжеств. Хотя обнаружили 28 Эрзя и 32 Булгарки. Как и у мужиков, сначала рассказал им о Воронеже и Маргелово. Посулил всем найти работу и женихов, а затем спросил:

–Куда вы собираетесь возвращаться? Почти все захотели вернуться домой, а некоторые изъявили желание остаться у нас или в Маргелово, даже Булгарки.

Но тут мне в голову пришла идея. А что, если нам устроить курсы и обучить этих девчонок грамоте и арифметике, а потом сделать из них сельских учительниц? Я тут же изложил эту идею. Тут-то все девушки задумались. Я напомнил им, что их деревень и городов уже, скорее всего, не существует и их жители истреблены или проданы в рабство. Тем

не менее, я всем пообещал исполнить их желание, каким бы оно не оказалось. Никого насильно заставлять мы не будем. Потом расспросил про родителей и близких. Большинство оказались из крестьян или детьми мастеровых.

Были дети купцов и служилых людей, как раз из тех, кто собрался ехать домой. Беседовали до самого ужина. После ужина часа три беседовал с Пармоном и Радомыслом, обсуждая план нападения на Судак. После завтрака, **21 ноября**, я выдал всем волонтерам и дружинникам по 3 серебряные монеты из полученной нами добычи. Добыча, конечно, не впечатляла, но я рассчитывал на большой куш в Судаке. Я разрешил 30 волонтерам посетить торг, а сам направился к Забаве. Я зашёл к ней в каюту и, на этот раз, лишь слегка поклонился. Она радостно приветствовала меня и спросила: – Когда же мы наконец поплывём домой?

Я ответил: – Очень скоро. А сейчас я предлагаю ей, Малуше и обеим её девушкам, отправиться на торг, чтобы приодеть её окружение. Все девчата обрадовались и устремились за мной следом. Поездка эта, кстати, была затеяна мной лишь для того, чтобы вновь прикоснуться к Забаве, обнять её стройное тело во время переноса в лодку, подержать её за руку, побыть рядом. Всё перечисленное, было мной испытано и вызвало, прямо-таки, небывалое блаженство. Мы купили для Забавы красивую беличью шубку, а для девушек и

Малуши кое-какие наряды, по их желанию.

При этом они не экономили. Я, отлучившись, купил Забаве красивое жемчужное ожерелье, намереваясь подарить его позже. За него пришлось отдать 50 золотых дукатов. За наряды и несколько дешёвых побрякушек, я отдал ещё 8 дукатов. По пути зашёл к начальнику порта и заплатил за стоянку, сообщив, что завтра отплываю. Я получил в кассе Воронежа 300 дукатов на непредвиденные расходы во время похода, за которые можно было бы приобрести 3 боевые галеры, и тратил их на Забаву, не задумываясь, лишь бы ей было приятно. Она принимала подарки, как нечто обыденное и благодарила таким тоном, будто бы я слуга, помогший ей накинуть плащ. Это выводило меня из себя, и я терпел из последних сил. Мы вернулись на корабль, и я вновь сумел обнять её, подержать руку. Безумно хотелось эту руку поцеловать, но приходилось сдерживаться. Забава ушла к себе со свитой, а я направился на обед.

Заставив себя съесть какую-то еду, не чувствуя вкуса и даже не заметив, что именно я ем, отправился к себе, вызвав командиров. Прибыли: капитан корабля Парамон, командир взвода Радомысл, командир полусотни дружинников Горкуша, Осташ и Вильга. Я рассказал им об особенностях укреплений Судака и примерную диспозицию.

Я предлагал войти в гавань, придерживаясь её середины, чтобы избежать фронтального огня, быстро причалить и высадить расчёт двух миномётов, чтобы подавить катапульты и баллисты, стреляющие из центрального форта. Одновременно с этим, две САУ, обойдут форт с флангов по улицам посёлка и, встав между фортом и крепостью, не позволят убегающему населению укрыться в крепости, а также будут отбивать возможные атаки гарнизона. 140 новых бойцов, одетых в доспехи остающихся на борту, разбитые на 14 десятков, возглавляемые, каждый, волонтёром из моего взвода, последуют за САУ, а я с десятком волонтёров и полусотней дружинников атакую форт. Всех захваченных в плен, согнать к кораблю на берег. Мы их выдадим за выкуп.

На корабле остаются матросы Парамона, которые будут отбивать атаки кораблей охраны. Мы уточнили некоторые мелочи и в целом одобрили диспозицию. На время боя, всех девушек решили поместить в нижний, грузовой трюм, как самое безопасное место. Были предложения высадить их где-нибудь на побережье, а после боя забрать. Но это предложение было отвергнуто.

Штурм Судака.

Настало утро **22 ноября**. Мы отчалили в 9 часов утра и выплыли в спокойное море. Штормило, около 3-4 баллов,

но плыть было можно. Однако ветер дул в лицо и пришлось идти на двигателе. Мачты и свёрнутые паруса тормозили, позволяя двигаться со скоростью 10 узлов. Только утром, **23 ноября**, показалась земля. Весь вчерашний день я отдыхал, временами выходя на палубу, поглядеть обстановку. Ночью ветер сменился полным штилем, а потом поменялся на северный. Я старался забыть Забаву, но это не удавалось. Я старался найти в ней какой-нибудь изъян, а потом попробовать его раздуть, но не мог найти. Вконец измученный, я вышел из каюты и поднялся на капитанский мостик к Парамону, наблюдавшему за приближающимся берегом.

Мы, ясное дело, промахнулись, но как узнать, в какую сторону? Приняли решение плыть влево, вдоль берега, отыскивая какое-нибудь селение, чтобы причалить и спросить о нашем местоположении. Я сходил на завтрак и вернулся, чтобы сменить Парамона. Катамаран медленно плыл вдоль берега, без парусов. Берег казался пустынным, что не удивительно. Здесь не прекращаются военные действия и вполне реально напороться на пиратов, Турок, Итальянцев или Никейцев, которые с удовольствием остановятся, чтобы ограбить обнаруженное селение.

Да и по берегу бродят, недобитые монголами, шайки половцев. Мы плыли часа два, когда заметили какое-то поселение на берегу. Начали подплывать ближе. На расстоянии

кабельтова от берега, бросили якорь, так как дальше виднелись скалы и крайне узенькие проходы между ними, для нашего корабля непроходимые. Спустили плоскодонку на воду. В неё влезли десять дружинников и погребли к берегу. На берегу, к этому времени, собрались десятка два людей. В бинокль было видно, что у некоторых в руках арбалеты. Это мне очень не понравилось. Видимо арбалеты заметили и сидящие в лодке. Они остановились за 100 метров до берега и накрылись щитами.

Местные произвели залп. Болты, большей частью упали в воду, но три из них воткнулись в борт и в щиты. Нам было известно, что практически всё побережье захвачено Венецианцами или Генуэзцами, поэтому я не рекомендовал своим людям вступать с аборигенами в стычки. Старшего в лодке, снабдил белой тряпкой на палке, которой тот начал размахивать. Люди на берегу успокоились и знаками показали, что не будут стрелять. Лодка продолжила путь между скал и скоро выплыла к берегу.

Мы видели в бинокль, что наши переводчики – грек и половец, вышли и начали разговаривать с собравшимися. Вдруг, совершенно неожиданно, толпа кинулась на наших дружинников и вокруг лодки завязалась схватка. Оба наших переводчика были вообще без оружия, и я видел, что они рухнули убитые на песок. Остальные дружинники выхвати-

ли мечи и начали отбиваться от нападавших, которых было 15 человек против наших восьми, кстати это были бывшие гребцы с галеры.

Нам было невозможно стрелять, опасаясь попасть в своих. Но я велел бойцам выцеливать врага и, если тот находился в стороне от наших, стрелять. Прозвучали несколько выстрелов, но упало всего два противника, а бой переместился в воду. наших теснили с берега, и они отступали по воде, всё глубже. Уже две наших плоскодонки набирали волонтеров с карабинами, чтобы спешить на выручку. Я прыгнул в последнюю лодку, и ребята заработали вёслами. Десять противников и 6 наших бойцов сражались по пояс в прибое, когда стрелкам удалось выбить ещё четверых нападавших. Почувяв неладное, шестеро уцелевших помчались обратно на берег и попытались скрыться. Но пули догнали и их тела распластались на мелководье.

Оставшиеся пятеро бывших гребцов, помогая шестому, видимо раненому, выбрались на берег и стали поджидать подмоги. Я и двадцать волонтеров высадились на берег и подошли к месту сражения. Всё было закончено. 15 убитых сволокли в кучу. Наши потери составили 4 убитых и один раненый. Было обидно, что убиты два переводчика, бывших бродника, не имеющих оружия. Враги подло напали на ничего не ожидающих людей. Кто же такие, эти напавшие на

нас? Я разглядывал поверженных, находя их лица явно кавказского типа. Но следовало ещё разобраться с раненым.

Я сам рассмотрел его и нашёл, что вообще-то он совсем не раненый. А сильно оглушён ударом меча по шлему. Видимо удар вызвал сотрясение мозга и тот не мог прийти в себя. Я приказал выжившим гребцам немедленно доставить оглушённого на борт и уложить в кровать. Имелась у нас каюта для больных и раненых на 20 человек. Пусть его не трогают, так как он нуждается в покое и ему нельзя двигаться. Гребцы уплыли, а мы продолжили осмотр. Наших четверых убитых уложили рядком на берегу. Ничего не поделаешь, война требует жертв, но я считал, что здесь имеется большая доля моей вины. Среди гребцов не было ни одного волонтёра, вооружённого хотя бы пистолетом.

Печальный факт. Тем временем с убитых были сняты доспехи и оружие, а сами они обысканы. Я рассмотрел трофеи. 15 не очень хороших кольчуг, местами с прорехами, столько же конусообразных шлемов, 5 арбалетов, 10 мечей и 5 топоров. 15 хороших, горских кинжалов, длиной почти в полметра., деревянные щиты, напоминающие крышки от кастрюль, 32 серебряных и две золотые монеты. С убитых сняли добротные кожаные ичиги, овчинные тулупы, местами покрытые кровью и пробитые пулями. Но для почти раздетых невольников, сгодятся. Мы подошли к жилищам, ко-

торых оказалось 12. На берегу лежали вытасщенные из воды рыбацкие баркасы, на воткнутых в песок шестах, висели сети. Явно рыбацкий посёлок. Заглянули за дома и увидели сидевших там жителей деревни. У них были связаны руки и ноги. Тут же лежали 8 убитых. Я велел их развязать и начал опрос. Но никто меня не понял. Однако я узнал их язык – явно немецкий, но трудно узнаваемый. Они называли себя готами. Я знал несколько слов по-немецки, хотя учил английский. Понятно, что оставшийся в живых, второй переводчик грек, вряд ли понимает готский язык, поэтому звать его бесполезно.

Я решил сам попробовать с ними поговорить. Знаками и несколькими знакомыми словами, удалось выяснить, что эти люди напали на селение рано утром. Мужчины пытались сопротивляться, но захваченные врасплох, не смогли отбиться, потеряв троих убитыми. Всех жителей согнали в это место и связали. Старых женщин и мужчин, их было пятеро, убили за ненадобностью. Всех жителей, скорее всего должны были забрать с собой и продать в рабство. Когда бандиты занимались грабежом жилищ, то как раз, и мы прибыли. Возможно, бандиты указали бы нашим посланцам путь в Судак, и мы бы уплыли, но, как мне позднее рассказали потерпевшие гребцы, половец переводчик и один из бандитов, вдруг узнали друг друга.

Неизвестно, что там у них было раньше, но бандит вдруг кинулся на половца и зарубил его, совершенно неожиданно для всех. Тогда бандиты вынуждены были напасть на наших. А те стали отбиваться. Вот и получилась неразбериха. Одно стало известно, что бандиты являются черкесами и приплыли на ладье, которую оставили где-то дальше, так как в этом месте невозможно причалить крупному судну. Рыбаки специально выбрали это место, чтобы успеть убежать, если им будет что-то угрожать. Я оставил здесь 20 дружинников, чтобы похоронить вместе с рыбаками своих убитых, а корабль проплыл дальше и в 2-х километрах западнее мы увидели ладью, вытасценную на берег.

К ладье отправилась наша лодка с десятком гребцов и я. Мы никого не нашли, видимо все бандиты ушли на разбой, оставив ладью. Обшарили ладью, но ничего, кроме небольшого запаса продуктов и питьевой воды не обнаружили. Бедные были бандиты. Мы поплыли обратно, и почти все сошли на берег, чтобы отдать дань почтения нашим убитым, которых, как и рыбаков, похоронили в отдельные могилы, а бандитов скинули в общую яму. Ладью мы оставили рыбакам, а также топоры и мечи, очень обрадовав их. Мы узнали, что плывём не в ту сторону и что через 20 км мы бы вышли на город Каулита, будущую Ялту, а Судак находится в другой стороне в 150 км от этого места.

Пока происходили все эти события, настал вечер, и мы решили провести ночь в том месте, где нашли ладью. Мы вновь вернулись туда и, подплыв ближе к берегу, улеглись спать. Утром **24 ноября** отплыли в обратную сторону, проплыв мимо селения готов, которые помахали нам вслед. Зная теперь маршрут, я распорядился выплыть далеко в море и держать курс на восток, имея в виду крымские горы в качестве ориентира, а к вечеру подойти к берегу ближе. В этом месте очень много населённых пунктов, принадлежащих итальянцам, я мне не хотелось с ними встречаться. Но встретиться пришлось. Через 5 часов, мы заметили паруса, двигающейся нам навстречу галеры.

Чуть позже показались ещё паруса и ещё. Мы свернули ещё дальше в море и, отплыв на 2-3 мили, наблюдали прохождение шести галер в сторону, откуда мы приплыли. К нам никто не приближался, и мы вернулись на свой маршрут. Начало темнеть, поднялся ветер и мы, приблизившись к берегу, начали искать убежище. Наконец удалось заметить удобную бухту. Проплыли внутрь, меряя дно шестами и встали на якорь. В море разбушевалась непогода. По моим вычислениям, до Судака оставалось не более 20-30 км. Проведём здесь ночь в спокойствии, а утром уже нападём на Судак, так решили мы на совещании, после ужина. События последнего дня отвлекли меня от мыслей о Забаве, которую я не видел уже два дня, и я немного успокоился и даже шутил на

совещании.

Вот и утро **25 ноября**. Вышли из бухты в 9 часов утра, стараясь не спешить. Не разворачивая парусов, чтобы они нам не мешали во время манёвра, пошли на двигателе вдоль берега. Через полчаса начали попадаться рыбацьи деревни, жители которых, в изумлении, провожали взглядами дымящий корабль, плывущий без парусов. Мы не спешили, уж теперь-то Судак никуда не денется. Как по заказу, погода улучшилась. Вышло солнце, температура поднялась до + 14 градусов. Ещё час и мы вышли в гавань Судака. Сразу же сориентировавшись, выплыли на середину гавани и двинулись к центру причала. Нам наперерез выскочила лодка с какими-то чиновниками, махавшими руками и требующие остановки. Но поравнявшись с лодкой, я велел оставшемуся половцу сообщить туркам, что мы плывём с войной и намерены грабить город.

При этом мы выключили винт и очень медленно, по инерции, продолжили плыть к причалу, давая время чиновникам сообщить о нападении. В самом деле, лодка повернула к берегу, а сидящие в ней, громкими криками и маханием рук пытались привлечь внимание жителей. Мы же, уже почти приблизившись к причалу, начали разворот на 180 градусов, чтобы причалить кормой. Туркам наконец удалось докричаться до жителей, которые с удивлением наблюдали за

нашими маневрами.

Сообразив, что происходит нападение, покупатели и продавцы торго кинулись в разные стороны, а в нас полетели камни и горшки с горячей нефтью. Как нас предупреждали, камни до нас не долетали метров 100 и падали в воду по обоим бортам. Пока мы разворачивались, воины в крепости сменили тактику и начали пускать в нас стрелы, размером с небольшое бревно. Всего было выпущено 4 стрелы, но поняв безрезультатность стрельбы, крепость и форт на полуострове замолчали.

Мы же скинули сходни и на берег выползли две САУ и тут же помчались к центральному форту, огибая его с двух сторон. Следом за каждой машиной бежали по 70 новых дружинников во главе с волонтерами. Шестеро волонтеров артиллеристов, очень быстро начали устанавливать два миномёта. В это время заговорил центральный форт. В его ворота уже вбежали охранники торго и начали вбегать люди, спасающиеся от опасности. Начальник форта, немедленно велел показывать подчинённым места для укрытия горожан, а сам помчался к баллистам, установленным во дворе форта.

Уже через три минуты баллисты были заряжены и начали бросать в нас камни, размером в голову человека. Баллист было пять и стреляя по очереди, они выпускали по камню,

каждые 20 секунд. Первые камни летели совсем не туда и стрелки исправили прицелы и вновь дали залп, но и он не достиг цели, а вот третий уже попал., но он оказался последним. Камни, летя по наклонной, набрав высоту 30 -40 метров, шлёпались на палубу и крыши палубных строений, пробивая доски. К счастью, скорость полёта была незначительной и камни вполне можно было заметить в полёте и проследив его падение, отойти в безопасное место.

Но незначительный ущерб, камни причинили. В это время на территории форта начали взрываться мины, подбираясь к установкам. После четвёртой мины, не нашедшей цели, следующие пять мин подряд разметали и баллисты, и их obsługу. Толпы народа, ринувшиеся было к крепости, натыкались на наши САУ и дружинников с копьями и мечами, преграждающих им путь к крепости и были вынуждены искать спасения в форте или вообще убежать в горы. Их не пытались остановить. И без них достаточно было оставшихся. Многие удрали по другим переулкам, но в форте собрались не менее тысячи человек, включая и две сотни стражников. После потери баллист, стражники, побуждаемые начальником охраны, построились в колонну и кинулись к кораблю по двум улицам. Однако их встретили залпами из карабинов 15 волонтёров на одной улице и пулемёт на другой, моментально заставив их вернуться обратно, потеряв почти 50 человек убитыми и ранеными.

Из крепости выехали до трёх сотен всадников и поскакали на САУ. Опять же несколько выстрелов из орудий и пулемётов остановили их и погнало обратно. Воцарилась относительная тишина, прерываемая криками раненых и перепуганных обывателей. А также громкие команды в крепости и форте. Солдаты форта заняли оборону на крышах зданий внутри ограды и приготовили луки и арбалеты для отпора противника. А в гавани разворачивались следующие действия – две дежурные галеры ринулись на корабль нарушитель с двух сторон гавани. «Воронеж» расположился между несколькими купеческими галерами и каракками. Имея свои катапульты, турки не могли стрелять в нас, защищённых корпусами чужих кораблей.

Зато с высоты нашего катамарана, орудия очень удобно начали расстреливать галеры прямой наводкой, целясь по ватерлинии, а пулемёт на турели, давал по 10-20 выстрелов по верхней палубе обеих галер, по очереди, выбивал находящихся на них воинов, готовых к abordажу. Безусловно, мы могли бы уничтожить всех нападающих, но было жалко и даже безнравственно, убивать беззащитных, перед нашим оружием, людей. Короче, обе галеры получив пробоины, начали тонуть и экипаж повернул их к берегу, где галеры удалось посадить на мель. Команды галер высадились на берег, недоумевая по поводу повреждения своих судов и гибели

нескольких десятков соратников.

Командиры, отдавая приказы, выстроили своих людей в двухстах метрах от нас с обеих сторон, но не решаясь нападать. Центральный форт тоже затаился. Турки замешкались, не находя решения. Наши силы перегруппировались тоже. Все 140 дружинников выстроились дугой, охватывая форт со стороны крепости, имея по флангам две САУ, не позволяя никому из него выйти в направлении крепости и гор. А со стороны моря дорогу перекрыли катамаран с двумя пушками и пулемётом на борту, а также 15 стрельцов с карабинами и полусотня дружинников с луками и арбалетами. В форте ещё оставалось более 150 воинов, готовых к обороне, а в крепости более тысячи солдат.

Я ждал, ничего не предпринимая, делая вид совершенно спокойного созерцателя, хотя адреналин бушевал в моих жилах. Сейчас ход был со стороны турок. Наконец со стороны горной гряды показались около тысячи воинов, вышедших из главных ворот крепости, обошедших наши САУ сбоку и начавшим движение к форту, как раз между нашими отрядами у крепости и у моря. Они не дошли до первых домов 100-150 метров, когда перед ними взорвались снаряды пушек и миномётов.

Командир скоординировал атаку, и вся тысяча ринулась впе-

рѣд, выстроившись в колонну, тесно сомкнув ряды и закрываясь щитами, но наткнулась на пулемѣтную очередь, скошившую две первые шеренги. Вид убитых и падающих воинов, кровь, хлещущая из их ран в груди, остановили наступление. Воины недоумевали, почему никакие доспехи не защищают от невиданного оружия, поражающего насмерть. Колонна отошла на несколько шагов назад и встала. Офицеры задумались и не знали какие команды отдавать. Ещё не столкнувшись с неприятелем, турки потеряли до двухсот человек убитыми и ранеными, а это было страшно и непонятно. Я подал команду Парамону и обе пушки произвели несколько выстрелов по тыну, ограждавшему форт.

Вывороченные взрывами брёвна, разлетались в стороны, открывая внутреннюю часть форта и лишая её защитников укрытия. Уничтожив примерно 40 метров ограды, пушки замолчали. Наступила очередь САУ. Они начали уничтожать ограду с противоположной стороны. Развалив также метров 30, в пролом двинулась одна САУ, фыркая мотором и стреляя из пулемѣта поверх голов солдат короткими очередями. За ней начали наступать 70 дружинников, закрывшись щитами и стуча об них мечами.

Пытающихся нападать турок, валили выстрелами из карабинов. Турки дрогнули и побежали в сторону моря через противоположный пролом и оказывались перед ошестинив-

шимися карабинами волонтерами. Я дал половцу мегафон, и он закричал в него – На колени! Десятка два солдат, поднятых в атаку офицером, моментально нашли свою смерть от пуль волонтеров. Оставшись без руководства, солдаты форта встали на колени, уронив своё оружие перед собой. Двадцать дружинников подошли к стоящим на коленях туркам и погнали их на метров 50 дальше, заставив вновь встать на колени.

Эти же дружинники вернулись и, собрав брошенное оружие, поднесли его к кораблю и бросили на причал. Всё это время, команды стоящих рядом кораблей, либо закрылись в трюмах, либо убежали в горы вправо от нас. Далее, 70 дружинников и САУ от крепости вступили в форт и погнали всех, находившихся в нём к кораблю, заставив встать всех на колени в 100 метрах от него. Громко кричали и плакали дети и женщины. Половец, через мегафон, разрешил всем женщинам с детьми уходить в крепость.

Те поднялись и потянулись к крепости, прижимая к себе детей, испуганно глядя на стоящих у них на пути дружинников. Толпа уменьшилась вдвое и теперь в ней оставалось примерно 500 человек. Я опять сделал паузу, ожидая, когда последняя женщина с ребёнком скроется в воротах крепости. Я начал давать команды половцу и тот переводил мою речь, крича в мегафон: – Остановитесь, прекратите крово-

пролитие! Я не хочу вашей крови. Пусть все солдаты вернуться в крепость и к нам вышлют переговорщика! В противном случае мы будем вынуждены уничтожить всех этих людей. Я обещаю, что никого больше не трону, если вы не нападёте первыми. Купцам я тоже обещаю неприкосновенность. Они могут спокойно вернуться на свои корабли.

Над городом повисла тишина. Через полчаса, войска, обошедшие нас со стороны гор, развернулись и зашагали в крепость, унося с собой раненых. Ещё через полчаса к нам вышел из крепости седобородый, богато одетый мужчина, в окружении десятка, таких же важных людей. Я пошёл к ним на встречу, в сопровождении Радомысла и двух десятников в монгольских доспехах. Со мной был переводчик половец. Мы встретились на середине пляжа, между крепостью и камараном. Седобородый поклонился, прижав руку к сердцу. Я проделал тоже самое, выказав уважение старшему.

Турок представился: – Севаст Судака Карадюман паша. Я тоже назвался. Понятно, что севаст никогда не слышал обо мне, но он кивнул и произнёс: – Да пребудет с тобой всемогущий Аллах! Прости нас, слабых и недостойных слуг великого султана, да продлятся его годы! Чем мы обязаны твоему приходу и что ты ищешь у нас?

Я ответил – Мы прослышали о том, что вы отнимаете у Никейского императора, принадлежащие ему земли и при-

были, чтобы покарать вас. Не пройдёт и месяца, как сюда придут войска великого покорителя мира, хана Батые, который является нашим союзником. Для того, чтобы показать его мощь и предупредить вас о его скором пришествии, чтобы вы не смели и думать противиться его воле, мы требуем у вас оплаты стоимости занятого вами города. Я оцениваю его в сумму равную 15 тысячам динаров. Но я могу взять эту сумму и серебром.

– Прости меня, ничтожного – заканючил севаст – но у нас нет сейчас такой огромной суммы. Чтобы её собрать потребуется несколько дней.

– Я подожду до завтра, но ещё я хочу, в счёт этой суммы, взять для своего города несколько твоих мастеров и красивых девушек. Глаза севаста засверкали, а несколько его спутников положили руки на рукояти своих мечей.

– Спокойно! – сказал я. – Пусть эти люди, которых я хочу взять, не беспокоятся. Обещаю, что они мне потребуются для обучения моих людей мастерству. Ровно через год я отпущу их, не причинив вреда, и даже буду платить им деньги. А ещё я требую выдать мне всех русских рабов и пленных, предназначенных для продажи. Ну а девушек я возьму для выдачи их замуж, за своих воинов. Они будут жить в мире и спокойствии.

– Каких же мастеров ты требуешь-спросил севаст.

– Во-первых, мне нужны специалисты по штамповке монет. Во-вторых, хорошие кузнецы. В-третьих, повара. В-четвёртых –металлурги. В-пятых –лекари. Каждой профессии по 2 человека и 40 девушек, тогда ты останешься мне должен только 8 тысяч динаров. Сумму я назвал наобум, не думая, что севаст сразу же согласится.

Однако, севаст, подумав, произнёс – Пусть будет, по-твоему, Теплов-паша. Надеюсь, ты сразу же уедешь?

– Обещаю! –ответил я. – Кстати, севаст, ты всё равно потеряешь больше, когда придёт хан Батый и я уверен, что люди, которых ты мне передашь, будут благодарить Аллаха за свою счастливую долю.

Севаст недоверчиво поглядел на меня и спросил – Откуда тебе это известно?

– Мы с ним союзники и я знаю его планы. А сообщаю тебе лишь потому, что деваться тебе некуда. Всего через 2-3 недели, ты убедишься в этом.

Севаст переглянулся многозначительно с некоторыми

своими спутниками и сообщил, что они вынуждены удалиться, чтобы собрать необходимую сумму. Мы раскланялись и разошлись. Я велел половцу передать пленным разрешение сесть. Половец крикнул в толпу перевод и люди уселись более свободно. Затем им сообщили, что, как только я получу обещанные деньги, то они будут свободны. САУ загнали в трюм, а все свободные волонтеры и дружинники собрались вокруг толпы пленных. Среди последних находились весьма хорошенькие девушки.

Нужно сказать, что в то время, мусульманки закрывали свои лица не так тщательно, а часто просто прикрывались платком. Но я не стал наглеть, пусть община сама выберет приданное. Ждать пришлось 4 часа. Мы сходили на корабль пообедать и вновь вышли на пляж. Наконец, из крепости вышли несколько человек с мешками. С ними шагал и Севаст. Они подошли к кораблю и положили мешки на землю, передо мной. Севаст показал на мешки и предложил мне проверить наличие. Я открыл по очереди пять мешков. В первом лежали золотые монеты- динары.

Севаст произнёс: – Можешь не считать, всё пересчитано точно. Динаров мы собрали всего 2500, а остальное серебром в слитках. Остаток 19 кг золота, при соотношении 1: 10, составит 190 кг серебра. Мы три раза взвешивали. Я чувствовал, что меня обманывают, потому что, на самом деле,

золото к серебру идёт 1:12, но не стал спорить, даже это совсем не плохо. На круг выходит 1400 гривен. Стипендия 700 волонтеров за год.

– Ладно- согласился я. – А теперь людей! Эй! -крикнул я в толпу- Вы свободны. Половец перевёл и народ, вскочив, начал разбегаться.

Севаст вновь попросил время. для выбора необходимых мне людей. Между тем начало темнеть. Я приказал включить прожектор и один из волонтеров, усевшись за ним, начал медленно водить лучом по поселению и крепости. Мы поужинали и забрались на корабль, оставив 20 часовых вокруг катамарана. Можно было не беспокоиться, свет прожектора освещал все подступы к причалу.

Наступил день **27 ноября**. Только к 10 утра, двадцать чаушей-стражников, подогнали к нам толпу отдаваемых в рабство людей. Здесь находились 10 мужчин и 40 девушек. Отдельно сгруппировались русские рабы, которых имелось всего 42 человека, из которых 8 девушек. Поняв, что их освобождают, они не скрывали радости и порывались быстрее забраться на корабль, боясь, что мы их вдруг оставим. Я специально справился у передаваемых мне турок об их профессии и получил положительные ответы. А вот проверять девушек, открывая им лица, в присутствии севаста и стражников, я не

стал.

Надо уважать чужие правила и обычаи. Но прошёлся перед ними, удостоверившись, что тут нет старух и переодетых воинов. Всех этих людей попросили зайти на палубу. Девушки подняли крик, начали плакать и упираться. Пришлось приказать дружинникам подхватывать каждую вдвоём и заносить на корабль. Я заметил, как злобно смотрят на нас стражники и севаст, но подумал: – А как бы вы обращались с нашими пленными? Ничего, привыкайте! Хватит вам над нашими издеваться!

Наконец все девушки оказались на корабле, и я попрощался с севастом. Уже уходя, я указал севасту на наш Андреевский флаг и сказал ему: – Запомни этот флаг, Караджуман паша. И никогда не пытайся с нами воевать. Сообщи всем своим знакомым и властям, что появилась такая сила, с которой никто не сможет справиться. С этими словами, я взобрался на корабль и приказал отчаливать. Едва мы вышли в море и отплыли от Судака на 5-6 миль, я приказал приводить ко мне по 5 турчанок. Через несколько минут в каюту вошли первые пять. Я приказал им открыть лица только для меня, что они и сделали. Убедившись, что они не уродки и не старше 30 лет, отпустил их. Таким образом быстро провёл предварительный осмотр и успокоился.

Честно говоря, я опасался, что турки подsunут мне порченный товар. В случае попытки меня надуть, я хотел вернуться и наказать севаста. Но я ошибся, меня не обманули. Вот и прекрасно! Я пошёл поглядеть, как устроились наши пленные. Всех турчанок поместили в отдельное помещение по соседству с русскими девушками. Мужчинам также нашлось помещение. Катамаран был вместительный, места хватило для всех. С половцем я зашёл к туркам, которых привели ко мне в цепях. После выхода в море я распорядился снять с них оковы. Теперь я, через переводчика, объявил им, что их везут в город, где с ними будут обращаться уважительно и их задача заключается в обучении своей профессии наших людей. Они будут получать зарплату и получают жилища. Самое много, через год, их отпустят, если они сами этого пожелают. Успокоив таким образом этих людей, я перешёл к турчанкам. Я сообщил им, что они могут не беспокоиться о своём будущем. Никто их не будет принуждать сожительствовать с мужчинами.

Их научат русскому языку и предоставят несложную работу. Во время жизни у нас, они будут иметь возможность познакомиться с молодыми людьми и выйти замуж. Однако, если им не удастся выйти замуж или они этого не захотят, то я их верну обратно через год. Если у них будет такое желание. Сейчас вы должны будете выбрать себе старшую, которая будет передавать мне ваши жалобы и пожелания. Я ещё

спросил, знает ли кто из них другие языки? Несколько девушек немного понимали по-итальянски, а некоторые по-гречески. Русский никто не знал. Через 10 часов плавания мы прошли через Керченский пролив.

Часы показывали 1 час ночи. **28 ноября.** Мы торопились, чтобы успеть до ледостава. Ещё 10 часов и мы входим в Дон. Погода мерзкая, моросит холодный дождь, серые тучи нависают над головой. А вот и Тана. Корабль wpłyвает в гавань и останавливается в середине. Где наш новый друг Антонио дей Франки, байло города? Приготовил ли он нам кругленькую сумму денег на карманные расходы? Мы ждём полчаса. Наконец к нам подплываем баркас, который привёз нам байло Антонио. Я здороваюсь с ним через фальшборт катамарана, спрашиваю его про налог. Он кланяется мне и обещает доставить деньги через два часа. Ладно, подожду, я терпеливый.

На причале происходят какие-то перемещения и, вдруг из-за крепостной стены в нашу сторону полетели булыжники! Как хорошо, что мы не стали причаливать! Камни не долетали до нас, падая в воду всего в 10-15 метрах. Я объявил тревогу и к бортам корабля начали выбегать волонтёры и дружинники. А вот и несколько стрел, размером с небольшое бревно, два из них пробивают фальшборт и застревают в нём, а одно пробивает борт чуть ниже и, видимо, влетает в

трюм. Капитан командует – Задний ход!

Корабль начинает пятиться, принимая новые стрелы, а ещё два горшка с горячей нефтью, разбитые о борт. Нефть стекает вниз, дымя и разбрасывая горящие капли. Просто удача, что идёт дождь, который намочил все доски и огонь не в силах поджечь судно. А со всех сторон причала на нас помчались штук двадцать стругов, заполненных, потрясающими копьями, чернобородыми дикарями. Из дальнего угла гавани на нас нацелилась галера, гребцы которой, изо всех сил налегали на вёсла, разгоняя судно.

С кормы закричали – Берегись! По течению реки на нас надвигался генуэзский Неф, громадный и тяжёлый. Он плыл со свёрнутыми парусами, влекомый течением реки.

– Ага! -Весело закричал я. – Сеньор Байло отлично приготовился к нашему приходу. Адреналин забурлил в моих жилах. Мы были готовы к такому повороту и приняли все необходимые меры. – Огонь по врагу! Волонтёры прекрасно поняли ситуацию. Орудие начало всаживать в Неф, находящийся от нас примерно в 250 метрах, снаряд за снарядом, целя в бушприт по ватерлинии. Стрельцы открыли стрельбу по стругам, пулемёт начал полосовать гребцов на открытой верхней палубе галеры, длинными очередями. Вдобавок, по стругам выдохнули две струи огня из огнемётов. Всего 3-4

минуты и ситуация резко изменилась. Неф фактически потерял нос, и его передняя часть превратилась в открытую для речной воды, дыру, в которую можно было разглядеть все три палубы, как на учебном чертеже.

Передняя часть нефа начала быстро уходить под воду, а корма вставать дыбом, в результате чего с палубы в реку посыпались солдаты. Те из них, кто был слишком хорошо защищён доспехами, почти сразу пошёл на дно под их тяжестью. Другие хватались за борта корабля, а легковооружённые, почти без доспехов, арбалетчики, плыли к ближайшему берегу. Разверстый нос нефа достал дна и упёршись в него, на глубине примерно 5-6 метров, начал вспахивать его, толкаемый течением реки, одновременно разворачиваясь кормой вперёд по течению, которая также довольно быстро погружалась. Капитан приказал дать полный назад, чтобы не столкнуться с нефом и это едва удалось.

Неф проплыл всего в трёх метрах от катамарана и проплыв ещё полсотни метров, погрузился на дно. Несколько сотен солдат отчаянно плыли к берегу, бросив оружие и скинув с себя кирасы и кольчуги. Многие зацепились за выступающие части обеих корпусов катамарана и умоляли помочь им влезть к нам. И мы затащили к себе не меньше 60 человек, дрожащих от холода и согнали их в кучу у центральной мачты.

Десяток стругов были разнесены в щепки, а остальные гребли обратно к причалу с ополовиненными экипажами. А что галера? Потеряв половину гребцов убитыми, она по инерции, замедляясь, выплыла из гавани и тихонько прилепилась к нашему кораблю бортом. Чтобы её не унесло, волонтёры зацепились за её борт «кошками» и стянули канатами. Экипаж галеры сбился в кучу на корме, потеряв способность сопротивляться.

Чтобы они не успели очухаться, три десятка дружинников, пинками загнали их под навес кормы, заставив бросить оружие. Там они и сидели, тесно прижавшись друг к другу. Такая картина предстала перед моими глазами всего через полчаса с начала боя. Уцелевшие солдаты и матросы нефа, выбравшиеся на берег, улепётывали в сторону крепости. Струги, достигнув причала, были брошены своими командами, которые тоже помчались в крепость. На часах половина пятого вечера. Быстро темнеет.

Бой закончен в нашу пользу. Корабль опять даёт ход вперёд, и мы оказываемся у входа в гавань, на прежнем месте. Прицепленная галера, конечно, мешает движению, но я считаю, что это не страшно. Душа поёт, напряжение потихоньку уходит. Хорошая была охота! У нас вообще нет потерь. Корабль несколько пострадал. Борт утыкан стрелами,

пол палубы проломлен в нескольких местах, в трюм влетела одна стрела, распоров мешок с зерном. Этот же многострадальный борт немного обуглился в одном месте, где горящая нефть текла особенно густо. Примерно метровой ширины, чёрная полоса, нарисовалась на борту от верха до самой ватерлинии.

А вот генуэзцы пострадали гораздо сильнее. Насколько я понял, байло Тана, ожидая нашего возвращения, подготовил ловушку. Из Каффы пригласили боевой неф, наняли сотни три черкесов на стругах и применили свою, единственную галеру. Те два часа, в течении которых, байло, якобы собирал для нас деньги, пошли на подготовку нападения и предупреждения нефа, дежурившего выше по реке. А теперь нефа нет вообще, галера у нас, струги потоплены, нападавшие, в большинстве уничтожены. Крепость замерла в ужасе. Торг и дома на берегу опустели, так как все жители спрятались в крепости. Я приказал произвести несколько выстрелов из пушки по крепости, в направлении, откуда велась стрельба камнями и стрелами. Скорее всего катапульта мы не достали, но побивали несколько зубцов на стене и пробили насквозь ворота, что заставило генуэзцев прекратить все попытки к стрельбе. Повисла тишина.

Я подошёл к борту галеры и взгляделся в толпу пленных. Кроме генуэзцев, здесь присутствовали десятка два черке-

сов. А в качестве гребцов, выступали вольнонаёмные далматинцы, иначе говоря, хорваты, их тут было большинство. Всего набиралось около 100 человек. Позже мы насчитали точно - 113. Я пожалел, дрожавших от холода, людей, и приказал отвести их в нижний трюм, где сейчас ничего важного не было, кроме запасных мачт, парусов и досок. Совсем стемнело, дождь не стихал, а температура опустилась до +5 градусов. К тому же дул сильный ветер, сгонявший обломки стругов и галеры к берегу. Мы продолжали стоять, на этот раз бросив якорь.

На берег к торгу послали две плоскодонки с двумя десятками дружинников, под командованием прапорщика Радомысла. Я поколебался, раздумывая, но поехал с ними. Мы сошли на пустынный берег и в темноте вышли к торгу. Свет, горевших факелов на стенах крепости, по которым сновали её защитники, готовясь к обороне, слегка освещал площадь торга и мы, из обычного любопытства, начали разглядывать брошенные хозяевами товары. Я разрешил дружинникам брать всё, что им понравится.

Раздобыв где-то мешки, они начали набивать их различным барахлом. Вдруг я услышал громкий шёпот, зовущий нас на русском языке. Я вынул пистолет и, подозвав Радомысла и пять дружинников, направился в сторону звука. Шёпот раздавался из зарешеченного окна

длинного здания. Мы подошли ближе и увидели в окне за решёткой, обросшего бородой человека.

Он, громким шепотом, спрашивал: – Вы с Руси?

– Да – ответил я.

– Слава Богу и пресвятой Богородице! – произнёс борода-тый. – Помогите, братцы! Здесь нас 25 человек, мы работаем на рынке грузчиками. А в соседнем здании рабы на продажу. Когда ваш корабль вошёл в гавань, нас загнали в дом и закрыли. А как поднялся шум, так мы страшно перепугались и сидим здесь молча. Мы было подумали, что это монголы напали на город. А они никому пощады не дают, сам видел. Однако слышу, по-русски говорят, вот я и позвал. А шёпотом потому, что боюсь, как бы латиняне не услышали.

– Сейчас мы вас выпустим – сказал я и сделал знак одному из волонтёров. Тот прикладом карабина сбил замок и раскрыл дверь. Из дома, боязливо, начали выходить гуськом, оборванные, худые люди, на ногах которых висели цепи. Я показал на торговые ряды и предложил им поискать себе одежду. Взяв цепи в руки, чтобы не мешали, рабы ринулись к рядам, шаря по углам. Выпустили и невольников, предназначенных к продаже. Им тоже я позволил приодеться. В плоскодонки набросали кучу барахла и отплыли к ко-

раблю. Выгрузили вещи и начали перевозить в корабль рабов. Для всех них отвели помещение на второй палубе, ниже нас.

Их оказалось 25 мужчин и 116 девушек. Девушек отвели к русским пленницам. Время подходило к 11 часам вечера, и я уже собирался ложиться спать до утра, когда к нам направилась лодка, в которой стояли несколько человек с факелами. Я приказал включить прожектор и направил его на лодку. В ней, заслоняясь рукой от света, стоял байло Антонио и несколько безоружных мужчин.

Я весело крикнул Антонио: – Что же ты нас так неприветливо встречаешь? А я уж так было обрадовался нашей встрече! Байло стоял, опустив голову. Я пригласил итальянцев на борт. Антонио с крайне виноватым видом, низко кланяясь, начал просить прощения.

– Простите сеньор Теплов, бес попутал. Разве же мы могли предположить, что вы настолько сильны!

– Ага! – ответил я, – А на слабых значит можно нападать?

– Что вы, сеньор, мы никогда не обижаем слабых. Господь велит бедных и беззащитных защищать.

– Знаю я, как вы их защищаете! Однако хватит болтать! Где мои деньги? А я ведь просил совсем не много, а ты устроил мне такой приём. Мой корабль повреждён, несколько человек ранены (это я его обманул, запугивая). Жизнь каждого моего воина бесценна, и вы должны за это ответить.

– Мы согласны, отвечал Антонио. Во сколько вы оцениваете ущерб?

– С вас причитается 10 тысяч дукатов золотом или серебром. И никаких отговорок. Иначе, завтра с утра я начну штурм крепости и отберу всё, а вас лишу жизни. Антонио схватился за голову. Его спутники испуганно и виновато молчали. Я решил немного подсластить пилюлю.

– Как только вы оплатите мне эту сумму, я не буду вас трогать 3 года. Я жду деньги к завтрашнему завтраку- твёрдо сказал я и отпустил их. На корабле объявили отбой, и все улеглись спать. Дежурные всю ночь светили прожектором по стенам крепости. Утром всем раздали пищу, и мы стали ждать выкуп.

Около 9 часов утра, **29 ноября**, к борту подплыл баркас. В нём находился Антонио и несколько солдат. Они передали нам несколько мешков с деньгами. Я не стал их пересчитывать, лишь только проверил содержимое.

– Ладно –крикнул, я. – Поверю тебе на слово! Надеюсь, в мешках именно столько, сколько я запросил? Антонио обречённо закивал головой. – Тогда принимай своих людей, – сказал я и велел выгонять из трюма пленных. От причала пригнали три струга и в них загрузились все черкесы и генуэзцы, а вот далматинцев, их насчитали 54 человека, я оставил себе – пригодятся для каторжных работ. – До скорого свидания! –крикнул я и приказал отплывать. Через 15 минут катамаран плыл вверх по реке. Мы спешили, поскольку с неба уже сыпался снег, а кромки берега замерзали.

Я пригласил к себе в каюту Радомысла и Парамона. Положив мешки с деньгами на середину каюты, мы начали пересчитывать деньги. В мешках оказалось, 1200 дукатов, 6800 серебряных гроссо, или, как их ещё называли, матапанов, которые примерно равнялись половине дирхема. А вообще разобраться во всей существующей в те времена мешанине денег, было крайне затруднительно. В восьми мешках находились слитки серебра. По прикидкам, серебра должно было быть около четырёх центнеров. Примерно так оно и было. В Воронеже взвесим точнее. Мы шли на полных парах и под парусами. На наше счастье, ветер был попутным. У меня появилось время разобраться с результатами похода. Итак, мы сумели урвать кучу денег, а именно 3700 дукатов, 6800 гроссо или матапанов, почти 6 центнеров серебра в слитках,

что, примерно равнялось 3720 гривен. С нами следовали: 10 турецких мастеров, 54 далматинца, в качестве рабов, 219 мужчин и 259 женщин, из бывших невольников, 40 молодых турчанок. А всего на борту находилось 573 новых пассажира. Мы потеряли в походе 2-х бывших бродников и 3-х новообретённых граждан.

Следовало обязательно поощрить команду за риск для жизни, при боевых столкновениях. Поощрению подлежали, в первую очередь, волонтёры и дружинники из Воронежа, коих насчитывалось 136 человек без меня, а также 145 бывших невольников и гребцов. Всем волонтёрам и дружинникам я положил по 5 дукатов, десятникам по 6, взводным по 10, бывшим невольникам, участвовавшим в сражении, по 2. Я пригласил к себе командиров и передал им наградные деньги для раздачи подчинённым, вызвав шквал радостных восклицаний. Таким образом, добыча полегчала на целую тысячу дукатов, примерно на 175 гривен. Я пошёл знакомиться с новыми попутчиками. Это были 25 молодых парней на продажу. Все они оказались русскими из Чернигова.

Все бывшие крестьяне. А вот из 125 девушек, 30 оказались грузинками, 18 армянками, 39 эрзя, 12 болгарок, остальные русскими. А уж происхождения были самого различного. Две грузинки утверждали, что они дочери какого-то князя и это подтвердили остальные, многие русские

оказались из дворян и даже бояр. Я, правда распорядился, чтобы обе грузинские княжны также были помещены в отдельную каюту с четырьмя служанками, а остальных оставил, как есть. Что меня позабавило, так это тот факт, что абсолютно все бывшие невольники, были наряжены в богатые венецианские одежды, позаимствованные нами на торге. Со всеми хлопотами, я почти забыл про Забаву и посчитал это хорошим признаком. Вот так, мы и прибыли в Воронеж 2 декабря. Я отвёл княжну и её свиту в квартиру на нашем этаже и распорядился доставить сюда их мелкие пожитки. Сам я проследовал в свою квартиру к двум наложницам и с тоской глядя на них, видел перед собой только лицо княжны Забавы.

Хлопоты с размещением и трудоустройством

3 декабря. Суббота. Сегодня и завтра объявили выходными. Надо было разместиться в соответствии с производственной необходимостью. После завтрака все руководители собрались на совещание. На повестке дня стоял вопрос – «Куда селить прибывших и чем их занять?». Начали считать: всего прибыло новичков 573, из которых 299 женщин и 274 мужчины. Причём 54 далматинца – рабы, которых необходимо охранять. А у нас уже было 43 бродника, пока ещё тоже считающиеся рабами. Ещё имелись целых 3 княгини. По конфессиональному признаку, имелось 40 Турчанок и 44

Булгарки, относящиеся к мусульманам, а из мужчин 3 иудея и 13 мусульман.

Все остальные считали себя православными, если не считать 54 хорватов католиков, но их мнения спрашивать мы не будем. Ещё имелись язычники – Эрзя, в общем 67 женщин и 18 мужчин. Первым делом распределили княгинь. Как раз на 3 этаже имелись 3 свободные квартиры, одна 85 кв.м и две по 72 кв.м. Княгиню Забаву поселим на 85 кв.м., а грузинок, каждую на 72. При этом вместе с Забавой будут жить Малуша и ещё две девушки, а с грузинками по две девушки. Вот сразу 10 девушек отпадают.

Волонтёров селим на первый этаж казармы, обе роты плюс 20 матросов и полурота дружинников. На третий этаж в одну половину всех мусульманок -84 девушки, а в другую половину девушек, не понимающих по-русски, то есть грузинок, армянок, эрзя – всего 111. А русских там же, в одном из крыльев здания. Так что ещё одно крыло останется свободным. А на второй этаж заселим 264 мужика. Останутся свободными два крыла здания ещё на 200 человек. Турок специалистов поселим в многоквартирный дом по 2 человека в квартиру. Вот и всё. Слава Богу, всем хватило места!

С понедельника начнём строить крепостную стену вокруг посёлка. Этим займутся далматинцы и бродники, под руководством 3-4 строителей. С работой остальных определим-

ся завтра. Надо всё аккуратно продумать. Сегодня почти все приезжие гуляли по территории лагеря, знакомясь с новым местом жительства, удивляясь тем новинкам, которые они никогда не видели прежде. Я, Теплов, Терентий Петрович (Теря) и главбух Леонид Фёдорович, как самые главные в посёлке, навестили всех приезжих, представляясь им, чтобы они нас знали в лицо, и предложили для всех национальных групп, выбрать себе старших, чтобы те могли защищать их интересы перед руководством посёлка. После обеда собрались вновь.

По поводу строительства крепостной стены, заслушали прораба Килибаку. Он предложил следующее: – От условной линии границы посёлка, вырубается лес на 12 метров шириной по всему периметру, равному 200 x 400 м. По этой условной линии начинается строительство бревенчатой стены, из этих срубленных деревьев. Ширина стены будет равна 4 метра. Брёвна укладываем секциями по 10 x 4 метра, которые наполняем землёй из рва, шириной 5 метров, который будет выкапываться параллельно строящейся стене. Так что далеко таскать материалы не придётся. Всё под руками. Землю утрамбовываем до каменного состояния. Идею этой стены, мы с Тепловым, вычитали из истории строительства Великой Китайской Стены. В Китае, правда, вместо брёвен, применяли камень, но это из-за отсутствия лесов поблизости.

К сожалению, количеством этих деревьев не обойдёмся, потребуется ещё тысяча брёвен, которые срубят в другом месте. Зато извлечённой земли из рва хватит на всю стену. С понедельника, все суздальцы, начнут валить лес обычными пилами, бродники выкладывать секции из брёвен, под руководством двух бригадиров из строителей, а далматинцы копать ров. Язык хорватский для нас вполне понятен, так что поймём друг друга. Так что 120 человек будут заняты работой. Оставшиеся 4 суздальца будут продолжать валить лес бензопилой. С ними поставим 40 новичков, которые будут корчевать пни, обрубать ветки и возить брёвна на пилораму. Строители, которых у нас 32 человека, продолжают строительство на свободных от леса участках многоквартирных домов, на этот раз полностью кирпичных. Им в помощь дадим 32 новичка, по одному на строителя, из числа, не русских.

Эти решения мы уже согласовали с Килибакой и приняли их единогласно. По проекту, этой работы для такого количества людей, хватит на 2 года. Далее, я предложил, до начала работ, предварительно, выбрать из русских невольников 100 человек в возрасте 19-25 лет и сформировать из них сотню дружинников. С понедельника назначить им командиров и начать учить воинскому делу, а начиная со следующего понедельника, начать применять их в качестве караульных, пока

практикантами при старослужащих, а ещё через месяц самостоятельно. Не понимающие русского языка мужчины, будут работать до обеда, а после обеда учиться русскому языку. Учить их будут старослужащие. Их всего 44 человека вместе с турецкими мастерами. Так что организуем два класса. А вот не русских девушек, которых аж 199, будем учить русскому несколько иначе. Из них создадим 25 групп по 8 человек. Каждую группу будет учить дружинник из числа бывших гребцов, освобождённых в первом походе в Гераклею. Свободных помещений у нас хватает. Я надеюсь, что близкое общение, позволит молодым людям познакомиться и, возможно, создать семьи.

Собственно говоря, девушек привезли именно для этого. Меня удивляло поведение Теплова. Он почти не применял участия в совещании, летая где-то в облаках. Все проблемы решал я один. Я продолжил: – Из русских девушек создадим две группы по 35 человек, которые будем учить после обеда мы с Тепловым. А с утра их можно распределить в качестве уборщиц и работников кухни. Для этого узнать потребности у поваров и завхозов. Ну и последних 27 человек послать на производство кирпичей и керамики. К сожалению, я не мог придумать, какую работу предложить для всех девушек. Уборка и помощь в готовке пищи займёт человек 50, а куда пристроить ещё 250? Решил подумать об этом завтра. А пока все разошлись. Сегодняшний день прибывшие посвятили

благоустройству своих квартир, мытью в бане, стирке и т.п. Теплов ринулся было куда-то, но я его остановил и стал обсуждать вопрос о трудоустройстве девушек, но он не слушал.

Я спросил: – Валера, что с тобой случилось? Ты какой-то потерянный. И он признался, что влюбился и не может ни о чём думать, кроме, как о княжне Забаве.

Я задумался. Да, проблема стоит очень острая. Я не мог ничего ему посоветовать, это слишком личное. Я понимал, что наличие двух наложниц не может его связывать, как и меня. Мы должны будем рано или поздно жениться. И женой может стать не обязательно одна из наложниц. Да и они об этом догадывались. Очень некрасиво, даже не по-человечески, но так уж вышло. Мне нравилось проводить время с моими девчатами, ла и дети ещё у нас. Но в качестве жён они, как-то, не воспринимались.

Я только спросил: – А ты думаешь её отправить в Ярославль?

Он ответил: – Это неизбежно, но пока там идёт война, она будет жить здесь. История говорит, что монголы вернутся из похода только в 1241 году. А это через два года. Так что ей там пока делать нечего.

– Ну вот – сказал я, -ты и добивайся. У тебя времени вагон и маленькая тележка. Я уверен, что ты её достоин и она тебя полюбит. Мало того, не стоит забивать свою голову мыслями о социальном неравенстве. Ну и что, что она княжна? Да хоть дочка Папы Римского! Мы в этом мире должны считать себя выше любого князя и, даже императора. Это она должна быть вне себя от радости, что её любит, столь высокопоставленный индивидуум.

Теплов благодарно взглянул на меня и сказал: – Ладно, давай решать вместе, что делать с девушками? Мы пошли с ним в его кабинет, прихватив с собой бутылку водки и кое-какую закуску. Конечно же, ни о каких планах мы уже не говорили. Выпили бутылку, беседуя о превратностях судьбы. Я выслушал его историю любви, посочувствовал, как мог. Потом мы побрели в свои квартиры, благо, что они располагались в этом же здании, так что никто не смог увидеть нас пьяными.

4 декабря. Воскресенье. Сегодня на службе у отца Никодима собралось около 400 человек. Клуб набился под завязку. Да и служба уже проходила прямо, как в церкви. Отец Никодим приобрёл почти все, необходимые для службы, предметы. Я даже задумался о необходимости постройки церкви. В самом деле, если люди настолько пропитаны религиозным духом, то пусть пользуются! Между прочим,

во время службы, я заметил на Малуше вязаный свитер. Меня озарило – вот ведь чем можно занять девушек! Поэтому, сразу после службы, я подошёл к Малуше и задал ей вопрос по поводу вязания. Малуша ответила, что она научилась вязанию от итальянцев.

Кстати, почти все пожилые женщины, освобождённые в этом походе, умеют вязать и имеют при себе все необходимые для этого инструменты. Ну вот, а Теплов переживал за судьбу этих женщин, предполагая, что они лягут бременем на нашу экономику! Я взял его с собой, и мы навестили этих 11 женщин. Говорить, что они пожилые, не поворачивался язык, ведь самой старшей из них было едва 46 лет, а самой молодой 38. Как оказалось, все они умели вязать и на спицах и крючком. Я сделал им предложение –открыть курсы вязания. Женщины приняли это предложение с восторгом.

Почувствовать себя нужной, очень важно для любой из них. А то они уже

переживали, что им придётся быть нахлебницами. Мы тут же приняли решение использовать второй этаж столовой, в качестве цеха для вязальщиц. Вот что интересно, Малуша сообщила нам, что в Итальянских колониях, вязанием занимаются исключительно мужчины. А в самой Венеции и Генуе имеются предприятия, занимающиеся вязанием на станках. Идея с вязанием натолкнула нас на ещё одну идею, ков-

роткачество. Ведь Турки, это те же Туркмены, которые известны своими коврами.

А может турецкие девчонки имеют об этом представление? Мы немедленно отправились к Турчанкам, взяв с собой переводчика половца. Мы оказались вознаграждены. Во многих Турецких семьях сохранился обычай, ткать ковры молодым девушкам, чтобы принести его в дом мужа, в качестве приданного. У многих оказались с собой и соответствующие принадлежности. Это было просто чудесно. Окончательно приняли решение. Половину второго этажа столовой, в котором могли поместиться 1100 человек, разделить пополам. В одной половине оставить обеденный зал, а в другой половине разместить ковровое и вязальные цеха.

Что нужно для вязания? – столы и стулья, а они имеются. Для ковров посложнее, но турчанки объяснят плотникам, что надо сделать, и работа пойдёт. Туркменский ковер – произведение ручной работы и рождением этого чуда, все, конечно, обязаны женщине-мастерице. С незапамятных времен жены кочевников возили за собой, как самую большую драгоценность, простейший ковровый станок, выглядевший примерно так.

Две пары кольев вбивались в землю на расстоянии, которое ограничивало длину и ширину ковра, позади кольев

укреплялись два бруса, и уже между ними натягивалась основа. Сложно представить, что на площади в 10 кв см, мастерица без всяких инструментов вручную завязывала 2-3, а иногда и 6-8 тысяч узлов, затем ножом обрезала нити, оставляя ворс от 4 до 12 мм. За месяц этой изнурительной работы женщина могла соткать 4-5 м ковра. Работа эта требует хорошего освещения, которое вполне можно усилить керосиновыми лампами, уже со стеклянными колбами, которые мы начали производить. В понедельник этим надо заняться незамедлительно.

Кстати, я предложил половцу заняться обучением турецких мастеров русскому языку. Тот с готовностью согласился. Всё-таки это не ров копать в мёрзлой земле! Теплову я посоветовал лично сходить к княжне и уговорить её учить русскому языку обеих грузинских княжон, прямо в одной из квартир. А заодно и их служанок. Теплов обрадовался новому поводу посетить Забаву. Я рекомендовал ему держаться с ней раскрепощённо, демонстрировать свою значимость и величие. И не стесняться. В конце концов, она, хоть и из Рюриковичей, но всего лишь обычная девчонка, к тому же, только что из рабства, где ей наглядно разъяснили монголы, кто она есть на самом деле. Я был рад, что мы нашли выход из положения. Работой и учёбой будут заняты все, притом на многие годы. С понедельника мы будем заняты на все 100 %.

Теплов убежал к Забаве, а я позвал Терю и мы с ним посетили столовую, а в частности осмотрели второй этаж и распланировали, где будет располагаться производство, а где помещение для принятия пищи. Меня сопровождали Арзамас и Алёшка. Между делом, я рассказал им о самых первых электрических лампах, использующих принцип электрической дуги. Арзамас сообщил мне, что он собрал группу энтузиастов, любителей механики и создал группу из 8 человек, которые уже предложили некоторые, ими разработанные рацпредложения для улучшения качества и увеличения производительности труда. Я похвалил Арзамаса и сообщил ему, что с сегодняшнего дня он будет считаться главным инженером производства и соответственно, моим заместителем, на равных правах с главбухом и Терей.

Этот день, пятое число каждого месяца, обычно являлся днём выдачи зарплаты и стипендии. К сожалению, тратить эти деньги было практически негде и не на что. В этот день всем трудящимся полагалась премия за счёт богатой добычи в результате «обкатки корабля». Участвующие в походе свою долю получили ещё в походе, а остальным выдали сегодня. На премию и собственно зарплату, ушло 240 золотых дукатов. К слову, практически не пришлось тратить на продукты, которых у нас, в результате походов накопилось, по крайней мере, ещё на полгода жизни.

11 декабря. Воскресенье. Прошедшая неделя полностью измотала меня своей напряжённостью. Нам удалось организовать практически все запланированные виды производственной и учебной деятельности. Индустриализация Воронежа приобретала вполне реальные контуры. Уже уложили первые брёвна в основание будущей крепостной стены, срубили деревья на первых 10 метрах периметра, выкопали первые метры рва, оснастили первыми ковровыми станками производственный цех, девушки вязальщицы вязали первые узлы, под руководством наставниц.

Я и Теплов до обеда учили волонтёров, а после обеда русских девушек грамоте. Нет нужды говорить, что строители продолжали строить жилые дома, кузнецы, горшечники, бочары и плотники, оснащать производство необходимой оснасткой, а также выпускались стеклянные колбы для керосиновых ламп и керамические трубы, которые тут же пускали в дело, проводя разводку трубопроводов в жилых и промышленных помещениях. Работа кипела. Требовалось ещё и снабжать производство шерстью, кожами, пухом и перьями, которые набивались в матрацы, заменяя солому. Я приходил домой замотанный, без сил.

Ещё с месяц и всё наладится окончательно. Но нам не дали месяца. Из Маргелово сообщали, что по данным разведки, монголы вышли на рубежи Нижнего Новгорода и Му-

ромского княжества. Со дня на день начнётся их завоевание. Неизвестна позиция ханов Гуюка и Кадана, руководящими этим походом. Свернут ли они на Рязань или нет? Судейкин просил меня прилететь к 22-23 января, чтобы вести наблюдение за отрядами монголов, чтобы в случае чего, быть готовым к отражению нападения. Мне следовало подготовить самолёт к полёту. Я и Судейкин считали, что имеющихся сил в Маргелове, в союзе с Пронском и Рязанью, будет достаточно для отражения нападения, поэтому наши люди останутся на месте. Между тем замёрзла река Воронеж и по первому льду к нам прибыли 5 волонтёров Эрзя из команды Микиша, наши гвардейцы, которых я выписал я тем, чтобы они возглавили вновь сформированные сотни дружинников, а также для обучения последних ратному делу. Также 10 дружинников из отряда Архипа, с аналогичными целями, хотя я просил больше. Но специалистов и в Маргелово не хватало. Все они прибыли с семьями и имуществом. Им предоставили квартиры в новостройках.

19 декабря. Понедельник. Отлёт я назначил на завтра. С собой я решил взять Алёшку, в качестве ординарца. А Арзамас был нужен здесь, как руководитель производства. Я оставлял за собой сравнительно организованное производство с налаженным бытом. Всё работало, всё крутилось. На Теплова было мало надежды, но у него были отличные заместители. От Теплова требовалось лишь продолжать обу-

чение волонтеров и девушек. Тем не менее, его старания по охмурению княжны, давали заметные плоды.

Он уже объяснился ей в любви, и она благосклонно принимала его ухаживания. Они много времени проводили вместе, то прогуливаясь по посёлку, то у неё в квартире, под неусыпным вниманием Малуши. К своим наложницам он потерял всякий интерес и обращался с ними, просто, как с воспитательницами своих детей, что в первое время вызывало сцены ревности и слёзы, но вскоре перешло в норму.

Девчонки понимали, что они никак не могут претендовать на роль жены члена «Совета десяти», тем, более, что их двое. Так что они смирились и занимались воспитанием детей, которым ещё и года не исполнилось. За всего две недели с начала обучения Турчанок и Булгарок русскому языку, восемь их преподавателей настолько сдружились со своими ученицами, что их пришлось женить и отстранить от учительства, предоставив эту должность следующим 8 дружинникам. А молодым семьям предоставили квартиры. Однако остро встал вопрос о жилплощади.

Если все переженятся, разом, то квартир не хватит. Поэтому строительство квартир следует ставить во главе угла. Но задел оставался. Имелось ещё около 70 свободных квартир, так что мы должны успевать за процессом возникнове-

ния новых семей и это внушало надежды. За пределами лагеря жизнь тоже не останавливалась. К моменту замерзания реки были закончены работы по строительству новых причалов.

А на днях закончен перенос рынка на новые площади. Теперь рынок начинался в 300 метрах от реки, как раз напротив паромной переправы. Перенос рынка не повлиял на изменение образа жизни обслуживающего персонала рынка и торговцев, построивших свои дома до переноса. От их жилищ до новых торговых рядов, расстояние увеличилось на самую малость, от 100 до 300 метров. Торг уже работал, не очень шумно, но тем не менее. Пронские и Рязанские купцы торговали здесь по мелочи.

А торгом пользовались не менее двух тысяч взрослых жителей, живших здесь ранее и новых, перебравшихся поближе к нам из других мест.

После утренних лекций и послеобеденных уроков с русскими девчатами, я посетил ковровый цех и трудящихся там же, вязальщиц. Работа шла в нормальном ритме.

Вечером я вернулся в свою квартиру и провёл прощальный вечер со своими наложницами, которые, будучи в курсе состояния дел у наложниц Теплова, были со мной необычайно ласковы и предупредительны.

Авантюра Гуюк хана.

22 декабря. Четверг. Я не стал проводить лекции, а сразу после завтрака отправился к самолёту. Ещё вчера я, Арзамас и Алёшка выгоняли его из ангара. Проверили все узлы. Погоняли на холостых оборотах, проверили наличие топлива. Всё было в норме, а сегодня собрались лететь с Алёшкой. С собой взяли канистру бензина. Оделись, как можно теплей. У обоих куртки с меховыми воротниками и шапки ушанки. На ногах тёплые сапоги с мехом, работа наших кожевников. ВПП устроили по образцу Маргеловской. Разгонная полоса в 100 метров и точка подскока.

Нас провожали только Теря, Леонид, который раньше никогда не видел самолёта и десяток волонтеров, на всякий случай. Я не стал устраивать шумные проводы, не хотелось ещё и афишировать моё отбытие. Мы забрались в самолёт, и я запустил мотор. Помахал рукой провожатым и отпустил тормоза. Расстояние до Переяславля Рязанского, по прямой линии, а не по маршруту кораблей, составляло 250 км, я решил так и лететь. Для этого очень внимательно рассматривал карту, пытаюсь запомнить все мелочи. Итак, мы взлетели, и я начал постепенный набор высоты.

Стояла отличная солнечная погода, на земле температура

опустилась до минус 18 градусов, а сколько было наверху, определить было нечем. По карте нам следовало лететь вдоль реки Воронеж примерно 150 км, а затем, заметив крутую излучину реки в сторону востока, держать курс строго на север. Компас у нас был. В любом случае, Оку мы узнаем. Как и во время полёта из Маргелово, я планировал экономить топливо и поэтому, достигнув высоты в 5 км, отключил два мотора и полетел с минимальным снижением. Опустившись до высоты 2 км, вновь включил все моторы и набрал 5 км.

Такие маневры я совершил несколько раз. К нашему счастью, ветер был не значительный и не мешал полёту. Через полтора часа мы увидели замёрзшую Оку. Мы оказались в месте впадения в Оку Прони. Ну, тут уже не заблудимся! Я повернул влево и через 15 минут мы сели в лагере. К самолёту в Воронеже приделали лыжи, натёртые салом, поэтому самолёт весело заскользил по ВПП и без проблем остановился у старого ангара. Нас встречал Судейкин, Микиш и несколько дружинников.

Алёшка остался, чтобы осмотреть самолёт, а я поздоровался со встречающими меня, и мы прошли в штаб. Ещё не было 11 часов, ещё продолжались занятия, люди работали. Мы уселись за столом в кабинете у Судейкина втроём. Судейкин осведомился о моём здоровье, перелёте и состоянием дел в комендатуре. Я отвечал, что всё в норме. Затем

он рассказал последние известия о боях в северо-восточной Руси. Уже, однажды ограбленный, Нижний Новгород вновь подвергся ограблению, но в меньших масштабах. На этот раз горожане не сопротивлялись.

Беженцы доносили, что следующей жертвой станет Муром. Монголы двигаются в его направлении, уничтожая всё живое на своём пути. Захвачены города Гороховец и Стародуб. Скорее всего монголы уже под Муромом. Необходимо слетать туда и осмотреться. – Торопиться не стоит, полетишь завтра.

Я согласился. Сообщил Судейкину о том, что Теплов привёз с собой специалистов по чеканке монет, а также несколько центнеров серебра.

– Почему бы нам не начать чеканить свои деньги?

– Идея хорошая. – огласился Судейкин. – Как только разберёмся с монголами, присылай к нам мастеров и серебро. Я давно уже думал об этом. Мы здесь даже согласовали размер и форму монет. Не будем далеко ходить – возьмём свои деньги в качестве образца. Ты сам должен помнить, что в 20-е годы СССР чеканила полтинники из чистого серебра. И мы будем. А ещё введём мелочь из меди. А если разживёмся золотом, то будем выпускать червонцы. Наш автоматический

пресс вполне сможет штамповать деньги.

Я обрадовал Судейкина новостью о производстве стекла, а в частности колб для керосиновых ламп, производство которых в Маргелово было налажено. Вместе с мастерами монетного производства пришлём партию стеклянных колб. Мы уже делаем и стекло оконное, но на него без слёз не взглянешь. Всё ещё в процессе эксперимента. Выдуваем стеклянные лепёшки диаметром от 30 до, максимум, 50 см. Очень мутные и с большим количеством пузырьков. Но эксперименты продолжаются.

Я рассказал и о автомобиле системы Арзамаса. Судейкин заинтересовался, но я его огорчил, что всё упирается в подшипники, которые мы не можем делать, а кроме того, валы и оси точного диаметра, которые можно сделать только при наличии токарного станка, который опять же, без подшипников не сделать. Получается замкнутый круг, выйти из которого не позволяет слабая техническая вооружённость мира этого века.

– А стоит ли вообще пытаться обогнать прогресс в отдельно взятом государстве? – задал вопрос Судейкин. – Я боюсь, что страны запада, гораздо более продвинутые в техническом отношении, украв наши проекты, очень быстро обгонят Русь и задавят её, используя её же разработки.

– Да, такая возможность очень даже вероятна – ответил я. – Мне кажется, что лучшим вариантом явится уничтожение всех наших машин и механизмов, обогнавших свою эпоху, сразу же, после устранения или тотального ослабления всех наших врагов, чтобы история продолжила своё обычное течение. При этом мы должны быть уверены, что Руси уже никто не сможет навредить, по крайней мере, в ближайшее столетие.

– Я тоже так считаю, заметил Судейкин. – Что ещё нового у вас?

Я коротко рассказал ему о княжне Забаве, и о способах сообщить её братьям о том, что она жива, не упоминая при этом о Теплове и его любви к ней. Судейкин отметил, что возможно, нам придётся всем выступить в Рязань, для оказания отпора Гуюк хану и тогда я сам смогу поговорить на эту тему с Ингварем, который является родственником Ярославских князей. В настоящее время в Маргелово бьются над решением проблемы изготовления замкового механизма к пороховому ружью. С пушкой гораздо проще, там ничего придумывать не надо. Но свой порох мы сможем изготовить только через два года, когда наши селитряные ямы дадут первую продукцию.

В настоящее время здесь наладили производство перьев для письма и тут же собирают ручки, те самые, обычные ученические ручки, которыми мы сами пользовались в первых классах. Ручки очень хорошо идут на рынке. Я ещё рассказал о производстве ковров и вязании предметов одежды. Мне теперь крайне необходима шерсть, которая раньше в избытке поставлялась половцами, но теперь, из-за войны, она почти исчезла. На первое время у нас есть некоторые запасы, но их хватит едва на 3-4 месяца. Возникла проблема у нас всех в отношении сапог. Кончились кирзовые сапоги, а юфтевые, все на ногах у волонтёров. Надо изобретать кирзу или переходить на кожу. С обмундированием положение дел гораздо лучше. Мы ещё не износили форму старого образца, а новой имеется 1200 комплектов. Ещё на 3-4 года растянем, но уже пора задуматься о налаживании шитья военной формы. Но у нас нет хлопка.

Нужно налаживать связи с Египтом или Улусом Хулагуидов. А ещё у нас имеются перспективы на рекордный урожай 1240 года. Если он оправдает наши надежды, то мы будем готовы снабжать высокопродуктивным зерном всё княжество, да и сами запасёмся в избытке. А затем мы перешли на обсуждение вопроса по отчуждению в нашу собственность городов Переяславля Рязанского и Борисово Глебова, с прилегающими деревнями, в радиусе 20-30 км от Маргелово.

Нам просто необходимо создать вокруг себя очаг передовой цивилизации. Мы оба согласились в том, что это вполне возможно будет осуществить после исчезновения угрозы нападения монголов на Рязань. Мы можем припугнуть Ингваря этим нападением, если он не передаст нам указанные земли. Ну, а в случае нападения, он пойдёт на любые условия в нашу пользу, лишь бы сохранить княжество и свою жизнь. На этом мы закончили и отправились на обед, где я встретился со своими друзьями, так что обед прошёл в радостном настроении. После обеда мы вновь собрались, уже в полном составе, где Судейкин рассказал о наших планах и достижениях.

За последние 4 месяца в Маргелово было построено 24 новых избы и их общее количество достигло 158. Площадь внутри лагеря, позволяет построить ещё 124 избы с водопроводом, в течении полутора лет. Пока ещё строительство жилищ успевает за скоростью образования новых семей, но, если понадобится, то можно увеличить число строителей и ускорить ввод новых домов. Средства на строительство имеются. Так что лозунг – каждой семье по квартире к 1243 году, вполне реально воплотить в жизнь.

Затем перешли к вопросу о возможном нападении монголов. Имея самолёт, мы можем своевременно определить пути наступления врага и его количество, чтобы подготовиться

встретить того во всеоружии. Для этой цели будут выставлены 700 волонтёров, вооружённых стрелковым оружием, мы их будем впредь называть стрельцами, на подходе 200 дружинников из Пронска, а также мы используем 300 дружинников из Рязани. Это все наши люди, прошедшие общие учения и знакомые с тактикой монгольских войск. Князь Ингвар обещает выступить со своей дружиной из 400 человек и плюс ополчение в 900 человек. Итого получается 2500 человек – огромная сила, даже в случае отсутствия огнестрельного оружия.

А ещё мы применим два САУ и БМД. Потом были рассмотрены местные проблемы, и мы разошлись. Алёшку я нашёл среди своих земляков, и мы отправились в отведённые для нас апартаменты в новой, кирпичной гостинице, со всеми удобствами. Кстати сказать, на этой гостинице, все запасы сантехники, труб, радиаторов отопления и электротехники, в наших складах, были исчерпаны и о маленьких прелестях цивилизации, можно забыть. Вечером я навестил своих лучших друзей- Винокурова, Забуирова и Иманкулова. Мы собрались у Забуирова на квартире и просидели там до 11 часов вечера, вспоминая прошлое. Пить мы не стали, в связи с военным положением.

23 декабря. Пятница. Мы с Алёшкой вылетели в 10 утра, напутствуемые Микишем и Судейкиным. Полёт про-

ходил над Окой, на высоте 5 км. Ещё издалека мы разглядели Муром и окружившие его войска монголов. Производился обстрел города камнемётными машинами. В город летели камни и горшки с горящей смесью. Во многих местах города виднелись пожары. Стена, на небольшом участке, уже почти была разрушена. Возможно, к концу дня последует штурм. Лететь дальше не было смысла, и я вернулся в Маргелово. Доложил об увиденном, а также свои выводы о скором захвате Мурома. Увы, нам нельзя было вмешиваться в эту битву, чтобы не навлечь на себя гнев Батыя. Против всей его армии нам не выстоять. Я задался вопросом – видели ли меня монголы? В те времена люди, не очень-то, глазели на небо.

Оттуда никто не ждал сюрпризов. Так что если меня кто-то и видел, то не придавал значения – ответил я сам на свой вопрос. Будем ждать завтрашний день. Я с Алёшкой прошлись по посёлку, разглядывая новостройки и людей. Посёлок, всё ещё являлся секретным объектом и посторонних сюда не впускали, а местные, в основном, знали друг друга. Население посёлка приближалось к полутора тысячам человек. Если бы не запрет, то вокруг посёлка уже выросли бы посадки. Люди стремились жить вместе, так было безопаснее. Я с Алёшкой вернулись к самолёту и внимательно рассмотрели его исправность. Залили полный бак бензина и поставили самолёт в ангар.

24 декабря. Суббота. Вылетели с Алёшкой в 11 часов утра. На этот раз вид сверху показал горящий город и густой чёрный дым от него, уносимый ветром в сторону. Мы тут же повернули назад и в 14 часов приземлились в посёлке. Я доложил об увиденном Судейкину, и мы решили ждать до завтра. Остаток дня я провёл в своём номере гостиницы, отсыпаясь. Мы сделали вывод из прежнего опыта, что монголы ещё целый день останутся у Мурома, чтобы вынести из него всё ценное, а также для похорон погибших соплеменников. Сегодня в посёлок прибыли двести дружинников из Пронска, чтобы участвовать в походе против монголов.

27 декабря. Вторник. Каждый день я вылетал в сторону Мурома, и мы с Алёшкой, явились свидетелями разорения монголами всего Муромского княжества. Все сёла и городки вдоль Оки представляли из себя чёрные пятна сгоревших домов. А монголы, как тараканы, растекались вдоль реки, нападая на всё новые села. и, наконец сегодня, нарушили границу Рязанского княжества. Теперь они продвигались в направлении Городца Мещерского. По моим предположениям, силы монголов представляли всего один тумен, под командованием Гуюк хана. Как стало известно позднее, хан Кадан со своей частью войска продолжил наступление на запад, через земли Владимиро-Суздальского княжества. Он отговаривал Гуюк хана от нападения на Рязань.

Именно так и приказывал Батый, назначивший им встречу на границе Волыни и Чернигова. Но своенравный и крайне завистливый Гуюк хан, пошёл всем наперекор, решив ограбить, непонятно за какие заслуги, защищаемого самим Батыем, Рязанского князя Ингваря. Батый не решится его наказывать, он сын самого Угедэя, великого кагана Монголов. И он повернул свой тумен на городец Мещерский, первый город Рязанского княжества. По пути, его воины грабили встречающиеся им деревни, без жалости, истребляя их население. Расстояние в 80 км от Мурома он преодолел за два дня и к утру третьего подошёл к Городцу, который не собирался сопротивляться, ещё не оправившись от первого нападения два года назад.

Ему навстречу вышла процессия местных уважаемых жителей, священников и обычных людей, нёсших впереди процессии иконы и хоругви. Вперёд выдался глава города, Рязанский боярин Пленко, с караваем хлеба на подносе, прикрытом расшитым полотенцем. Гуюк хан ждал, сидя на своём коне, в окружении тысячников и телохранителей. Низко кланяясь, боярин подал поднос с караваем хану и остановился в ожидании. Гуюк хан был прекрасно осведомлён о русских обычаях и, хотя он презирал эту нацию, со всей присущей ему ненавистью, он всё-таки протянул руку и отломил кусочек хлеба, но не стал его есть, а поднёс к морде своего коня. Конь схрумкал кусочек хлеба и поглядел одним глазом

на хозяина, ожидая добавки. Гуюк хан расхохотался и его смех подхватила его свита. Твой подарок понравился моему коню, боярин. Я не буду сжигать твой город, но моим людям нужна еда и тёплая одежда.

Чтобы не затруднять тебя, они сами возьмут всё, что им нужно. С этими словами Гуюк хан тронул коня и тот, спихнув с пути боярина и священников поскакал к городу, увлекая за собой всех остальных монголов. Процессия именитых граждан, отступив в сторону, с ужасом наблюдала, как войско въезжает в город и растекается по улицам.

А вскоре слышались крики женщин и детей, выгоняемых на улицу. Процессия разбилась на группы и одиночек и понуро возвратилась в город, чтобы стать свидетелями разграбления имущества жителей. Весь день монголы выискивали в домах и дворах спрятанное имущество и насиловали не успевших спрятаться молодух. Всех, кто пытался им перечить, убивали без лишних слов. Проведя ночь в городе, монголы отправились дальше, оставив людей без средств к существованию.

Несколько домов всё-таки загорелись, но их удалось потушить. Были и жертвы, по крайней мере, человек пятнадцать, не вытерпевших издевательств и попытавшихся защищать своё имущество. Все они теперь лежали рядком перед

церковью, куда их принесли их домашние, чтобы отслужить последнюю службу. На кладбище рыли могилы, а священник читал молитвы, размахивая кадилом.

28 декабря. Среда. Наши выступили в поход в 9 часов утра. 900 человек на конях, ЗИЛ 131 с палатками, продуктами питания и патронами. Два САУ и БМД. Машины умчались вперёд колонны уминая снег, чтобы облегчить нам путь. Около Рязани, создадут ВПП, сообщат об этом по радиии мне, и я вылечу туда же. А пока я в Маргелово, ставшим необычайно пустым. До вечера я бродил по посёлку, не находя себе места. Поздно вечером сообщили, что ждут меня завтра. ВПП, на ночь глядя, не стали устраивать, создадут завтра и обозначат флажками.

Утром **29 декабря в четверг**, я и Алёшка, вылетели в Рязань. Пролетая над лагерем волонтёров, устроенном в 15 км вниз по течению Оки от Рязани. мы сверху разглядели палатки и ВПП, но сначала полетели в сторону монголов. Мы их обнаружили продвигающимися в сторону Рязани, примерно на подходе к селу, которое позднее назовут городом Шилов. Монголы передвигались по льду Оки, держась ближе к правому берегу. Впереди скакала разведка, примерно в сотню всадников, затем шла колонна в тысячу человек, а ещё через 500 метров все остальные.

Следом, отставая на пару километров, тянулся обоз из, не менее 700 саней с награбленным добром и колонна пленных, примерно в две тысячи человек, сопровождаемые двумя сотнями всадников охраны и возчиками на каждых санях. А ещё дальше, двигался арьергард в сотню всадников. Колонна вытянулась на 8-10 км. Мы тут же развернулись и сели в поле у лагеря. Меня встретили Судейкин, Ингвар, несколько бояр, воевода, Коверда и Забуиров. Я обрисовал ситуацию и доложил, что между нашими войсками примерно 40 км.

По моим соображениям, Монголы продолжают свой путь по правому берегу Оки и, если мы поспешим, то встреча произойдёт в районе деревни Воино. Нам следует подойти туда и подготовиться к встрече. Очень интересную картину рисовала в этом месте река Ока. Начиная от Исад, Ока раздваивалась и сливалась вновь уже за Шилово, образуя настоящий остров, длиной чуть более 20 км, при средней ширине 3-4 км, совершенно незаселённый и покрытый дремучим лесом, не проходимый для конницы, что позволяло нам не опасаться засады с того берега. Того же мнения, наверняка придерживался и Гуюк хан. А почему бы нам не атаковать монголов с юга и запада, заставляя их бежать в ту сторону, вынуждая бросить коней и вообще застрять в снегу, что заставит их вернуться и сдаться, чтобы не замерзнуть на острове.

А в том, что мы заставим монголов спасаться бегством, у нас не было сомнений. Поэтому наша армия разделилась на две части. 500 спешенных стрельцов выстроятся поперёк рукава Оки и, частично, правого берега. Между стрельцами встанут 300 дружинников, вооружённые монгольскими луками. С левого фланга расположится БМД, которая не позволит врагу обойти нас по левому берегу, а справа ЗИЛ 131 с пулемётом, обе САУ и 2 миномёта. От Оки на юг местность заметно повышалась, так что монголы окажутся в лощине, откуда отступление возможно лишь на север, через Оку, в лес или назад к разорённому Шилову.

Сзади шеренги стрельцов расположатся Рязанские ополченцы. Ещё 200 стрельцов, дружина князя и 200 последних наших дружинников, пройдут южнее, скрываясь за высотами и выйдут посередине между Шилово и Воино, перевалят через высоты и нападут на монголов с правого фланга, гоня их на остров. Возможно, некоторые монголы убегут в сторону Городца Мещерского, но это будут разрозненные, малочисленные группы. Очень быстро мы выдвинулись дальше, оставив сзади себя Воино и начали выстраиваться. В это же время, два САУ, установив бульдозерные отвалы, поспешно сгребали снег со льда Оки в стороны, к берегам, образуя высокие, непроходимые завалы из снега.

При этом была освобождена площадка шириной около

350 м, при ширине Оки в этом месте около 500 м, и длиной в 250 метров, представлявшая из себя ледяной каток, по которому могла пробраться лишь техника на гусеницах. Быстро скинув отвалы, САУ встали на свои места, пехота в 50 метрах перед катком, а засадный полк двинулся в обход. Как и следовало ожидать, примерно через полчаса, на нас выскочила разведка монголов. Всадники остановились и начали внимательно разглядывать наше построение. Часть всадников умчались назад с донесением. Мы стояли без движения.

Еще через 20 минут к месту встречи подтянулся авангард, числом в 1000 всадников. Они распределились полукругом перед нами и также остановились в нерешительности. Вот начали подходить основные силы монголов и сам Гуюк хан, который расположился со своим штабом в стороне от реки, выбрав небольшую возвышенность, откуда начал оценивать обстановку. Наконец, приняв решение, отряды монголов начали передвигаться, занимая определённое положение. По реке, на редкую цепь стрельцов и, стоящую за ними, слабовооружённую пехоту ополчения, приняв их за главные силы, устремились до 3-х тысяч лёгких кавалеристов. Бой начался в 14 часов.

Тактика врага была нам прекрасно известна и её мы вдолбили в головы своих волонтёров, поэтому никто не тронулся с места. По идее, всадники, не доезжая до передних ря-

дов противника 100-150 метров, должны были резко снизить скорость и, остановившись уже за 30-50 метров, начать расстреливать нас из луков, заставляя либо отступить, либо кинуться в атаку. Однако, вышло очень неожиданно для монголов. Кучи снега вдоль берегов, заставили их скучиться в узкую, шириной всего 250-280 метров, колонну, состоящую по фронту из тесно сплотившихся 300 всадников, глубиной в 10 рядов, наступавших передним на пятки. Отряд выскочил на каток и покатился по льду, поджигаемый задними рядами. Абсолютно все всадники закружились в хороводе, образованном тысячами распластанным по льду конями, бившимися в безуспешной попытке встать на ноги, опрокидываясь на бок и спину, придавливая наездников или отпуская их в дальний полёт, скользящими по льду.

Получилась самая настоящая куча мала. Ни люди, ни кони, не имели возможности встать и, в лучшем случае принимали положение на четвереньках, из которого никакая стрельба, а тем более, прицельная, была невозможна. Некоторые подкатились к нашей передней линии совсем близко, и стрельцы наблюдали за обескураженными воинами, перекошенные лица которых, показывали на их отчаянные попытки встать, а также их беспомощное положение, приводящее их в ужас при виде направленных в них луков.

Прозвучала команда: – Огонь! В барахтающихся монго-

лов полетели стрелы из наших и ополченских рядов. Большая часть вражеских воинов вообще лишились луков при падении и были совершенно беспомощны, расплзаясь в сторону берегов, к снегу, где они могли бы подняться. Однако именно по таким ползунам и вели стрельбу лучники. Командиры подали команду и ряды стрельцов, подойдя непосредственно к началу катка, начали методично расстреливать ползающих противников. Всю эту картину имел возможность наблюдать Гуюк хан, с высоты своего положения.

Чтобы спасти попавших в неприятность, он отдал приказ отряду тяжёлой конницы ударить по той части наших войск, которые выстроились на берегу. И здесь монголы не смогли развернуться. Рельеф местности позволял им мчаться на нас колонной, по свободному от деревьев берегу, шириной едва 150 метров. Следом за ними скакали ещё около 3-х тысяч легкой кавалерии. Примерно 4 тысячи всадников оставались в резерве, около хана. Тяжёлая кавалерия из полутора тысяч всадников, должна была смять и уничтожить жалкую кучку волонтёров, состоящую из сотни стрельцов и 500 ополченцев.

На САУ, миномёты и ЗИЛ 131, никто не обращал внимания, принимая их за неподвижные объекты. Едва конница приблизилась на 300 метров, по ним был открыт огонь из пушек и пулемётов. Остановить мчащегося на полном скаку

коня в доспехах и несущему на себе тяжело вооружённого всадника, невозможно. Их можно только убить и этим, заставив упасть. Первые ряды были сметены огнём пулемётов. Не менее 400 кавалеристов с конями, рухнули под ноги задних рядов, вызвав новую кучу малу.

Гуюк хан, не дожидаясь результатов атаки тяжёлой кавалерии, послал 2 тысячи всадников на другой берег Оки, чтобы, пройдя берегом, напасть на нас с другого фланга. Пока пулемёты и пушки, уничтожали тяжёлую кавалерию, две тысячи монголов пересекли Оку и поскакали в нашу сторону, опять же, вынужденные тесниться между горами наваленного снега и лесом. Но и здесь их ждала неудача. БМД, взревел мотором и двинулся им навстречу, стреляя одновременно из пушки и пулемёта.

Жуткий монстр напугал монголов до потери сознания. Резко тормозя, падая с коней, теряя десятки убитыми и ранеными, монголы разворачивались и скакали обратно, но БМД уже настигал их, расстреливая буквально в упор, заодно давя отстающих. Ужас перед чудовищем, заставил всадников изменить маршрут и свернуть в лес, заставляя коней, по грудь в снегу, скакать из последних сил, а уже через сотню, другую, метров падать замертво, надорвавшись. Всадники, соскакивая с коней продолжали бежать, но это было невозможно. Снег доходил им до пояса и выше, так что, пробежав

несколько метров, воины останавливались и без сил падали под ближайшие деревья, пытаясь спрятаться. Но их никто не преследовал. Не менее полутора тысяч их, так и завязли в 300-400 метрах от начала леса, не имея сил двигаться дальше.

В то же время, кровавая куча, из тяжело вооружённых всадников, преградила путь задним рядам и те, вздыбив коней, пытались обходить эту кучу с обеих сторон, но тут в их рядах начали рваться мины. Дальнейшее наступление было невозможно, и воины попятились назад. И тут, неожиданно для монголов, прямо в 100 метрах от стоянки Гуюк хана, с южной стороны, появились новые участники боя. Это были стрельцы и дружинники Ингваря, перевалившие через возвышенности и ринувшиеся в бой, отрезая путь к отступлению. Последний резерв монголов ринулся им навстречу развёрнутым строем. Однако, стрельцы, уже перестроившись в шеренгу, открыли огонь по накатывающейся лавине всадников, заставив их остановиться и повернуть коней назад.

Гуюк хан понял, что пора уносить ноги, тем, более, что к его стоянке приближались две САУ, поливая из пулемётов убегающих монголов. Гуюк хан стегнул коня и поскакал прочь, в окружении своего штаба и трёхсот личных тургаудов. За ним погнались 400 дружинников Ингваря. А вот отступающие монголы оказались в окружении и кинулись по

льду реки на другой берег, где стоял БМД, охраняя завязнувших в снегу монголов. 200 Пронских дружинников, обогнав пеших стрельцов, ринулась за убегающими. А вот это было напрасно. На всех уроках им разъясняли, что увлекаться погоней чревато.

Убегающих на тот берег монголов насчитывалось более 3 тысяч и многие из них, в отчаянии, развернулись и кинулись на преследовавших их Пронских дружинников. На льду реки разгорелось сражение, в котором наши дружинники оказались в десятикратном меньшинстве. Только вмешательство БМД и САУ, заставило монголов отказаться от боя и кинуться в бегство следом за дружиной Ингваря, в свою очередь, гнавшихся за Гуюк ханом. Другая часть монголов заметалась между берегами Оки, отрезанная уже со всех сторон, замкнувшими кольцо окружения САУ и двумя ротами стрельцов, поражающих окружённых из карабинов и автоматов.

Ещё одна САУ помчалась за удиравшими монголами, чтобы помочь Ингварю, вместе с ней помчались 300 конных ополченцев и остатки Пронских дружинников. Избиваемые монголы, всё-таки ринулись в лес, мимо БМД, которая расстреляла боекомплект и замолкла, перезаряжая пулемёт. Наконец бой, в основном, затих. Слышались только стоны раненых и треск моторов. Картина поля боя выглядела следующим образом – большая часть попадавших с коней, на

скользком катке, монголов, затаились, прекратив попытки уползти. Несколько тысяч завязли в снегу, среди заснеженного леса, не имея возможности убежать.

Сотни коней носились по льду реки, сотни лежали убитые. 300 Рязанских дружинников, вскочив на коней, также поскакали за убегающими монголами. На месте остались 700 волонтеров и 600 ополченцев, все пешие. Судейкин в мегафон закричал по-монгольски: – Сдавайтесь, мы никого больше не будем убивать. Оружие несите с собой и бросайте в одну кучу у берега. Застрявшие в снегу, поняли безвыходность своего положения и начали возвращаться к берегу. Они бросали оружие в кучу и шли на правый берег Оки, в указанном им направлении, где их сбивали в одну толпу, окружённую 4 сотнями волонтеров и ополченцев, державших их под прицелами луков и карабинов. Лежащие на катке, подползали к снегу и, встав на ноги, несли оружие в другую кучу у правого берега, а затем также вливались в общую толпу пленных. Две сотни ополченцев ловили коней и сводили в один табун. Ещё одна сотня ополченцев проверяли лежащих монголов и добивали раненых, а притворяющихся убитыми, гнали в общую толпу. Вся эта процедура заняла почти три часа, а с начала сражения прошло 4 с половиной часа и уже начало темнеть. К нам прискакал гонец с донесением, что Ингвар не догнал хана и был вынужден вступить в сражение с догнавшими его удирающими монголами. Разгорелся бой, который

Рязанцы начали проигрывать, но тут подоспела помощь в лице САУ и 300 конных ополченцев.

Бой продолжился, так как САУ почти не имела возможности помочь сражающимся, боясь поразить своих. Но, по мере возможности, уничтожала выбившихся из битвы врагов. Однако примчались ещё триста наших Рязанских дружинников и монголы, наконец прекратили бой и ускакали за Гуюк ханом. Не став преследовать монголов, Ингвар, с остатками войска, повернул назад, к брошенному монгольскому обозу. Все возчики исчезли вместе с конями и их места заняли спешившиеся дружинники, которых не хватило на все сани. Сейчас, когда уже стало темнеть, Ингвар позвал всех прибыть к обозу, чтобы провести ночь в этом месте, а уже утром отправиться обратно.

Так и поступили. Пленных пригнали к обозу и разместили в середине, поставленных в круг, саней. Им разрешили развести костры и ждать утра. Пленных освещали фарами САУ, БМД и ЗИЛ 131, что не помешало к утру убежать человек 50-70. С русскими пленниками даже не знали, что делать. Их было много, наверно до 3 тысяч. Они были практически раздетые, многие и вовсе босиком. В большинстве это были молодые люди от 12 до 40 лет, женщины и мужчины. Пошарив в возах обоза, нашли какую-то одежду и раздали русским пленным, на это ушло несколько часов. Собрали

все имеющиеся палатки и разместили в них столько людей, сколько было возможно, под самую завязку.

30 декабря. Пятница. Наконец наступило утро. Приготовили завтрак для себя и накормили пленных. Всех пленных тщательно обыскали, отобрали деньги и ценные вещи, отняли доспехи и пересчитали. Их оказалось 4896 человек. Среди них оказалось 2 тысячника и 38 сотников. Тысячники были монголами. Среди обычных воинов также оказались монголы, всего 1220. Остальные были сборной солянкой: половцы, башкиры, огузы, ойроты, коми, буртасы, болгары, мокша, манси и ещё кто-то. Были и русские- 78 человек из Суздальцев. Затем пересчитали убитых, заодно обыскав и сняв доспехи.

Убитых оказалось гораздо более 4-х тысяч человек на месте главной битвы и до 600, убитых во время бегства. Точно считать никто не собирался. Монголам повезло, что наступила ночь, поэтому многим удалось уйти. Речь шла о почти двух с половиной тысяч скрывшихся. Мы удивились, что монголов оказалось столь много. Один из тысячников доложил, что кроме тумена постоянных войск, с Гуюк ханом шли союзники монголов, Мокша, в количестве более 3 тысяч, в так сказать, добровольно-принудительном порядке. У нас тоже были значительные потери.

Из тех двухсот Пронских дружинников, самонадеянно ввязавшихся в бой, погибло 98 человек. Были и раненые, но они не дожили до утра. А догнавшие дружинников Ингваря, удирающие монголы, порубили 140 его людей. Ополченцев погибло 212 человек. Все эти потери были получены в бессмысленной рубке с отступавшими монголами. Были убиты также и 23 волонтера, а 15 легко ранены, в основном стрелами.

Хорошие доспехи спасли их жизнь. За убежавшим Гуюк ханом отрядили в погоню БМД, САУ, ЗИЛ 131 и 500 стрельцов на конях, вооружённых огнестрельным оружием, под предводительством Коверды, Забуирова, Семёнова, Винокурова и Иманкулова. Остались со своими ротами Зотов и Марченко. Я и Алёшка пошли поднимать самолёт для розыска убежавших, хотя, скорее всего, Гуюк хан движется по Оке. В Рязань отправили гонца, с просьбой прислать пару сотен ратников, из остававшихся в городе ополченцев, да ещё столько же мужиков с подводами, так как не хватало людей для конвоирования пленных и вывоза захваченного обоза.

Мы с Алёшкой, немедленно вылетели вниз по течению Оки. Примерно в 40 км от Шилово, мы обнаружили беглецов, которые оказывается, свернули влево, по реке Пра, в направлении Владимира. Видимо, они скакали всю ночь, а теперь остановились отдохнуть. Усталые люди и кони спали в

захваченной деревушке, домов на 20. Здесь они нашли кое-какие запасы сена и соломы, а также продуктов. Возвращаясь обратно, мы встретили погоню в пути, в 15 км от Шилово. Я посадил самолёт на снег реки и подсказал волонтерам местоположение Гуюк хана. В БМД влезли 4 дополнительных человека и на броню сели ещё 6 человек. Также и в САУ уселись ещё трое, а кузов ЗИЛа был набит битком. Все три машины помчались на всей скорости к цели.

Остальные продолжили скакать следом. Я вновь поднялся в воздух и полетел к месту нашего лагеря. В имеющихся палатках грелись наши люди, пока другие стерегли пленных. В деревне Воино, мобилизовали всех, живущих там мужиков, которых оказалось всего 24 человека и велели им везти в Рязань первые 24 подводы с добычей. 300 ополченцев погнали пешком 700 пленных. Остались около 1100 наших и более 4000 пленных. На русский полон, надежды не было и их держали отдельно.

К месту боя собрались, невесть откуда узнавшие о нашей победе, местные жители, мужики и бабы, дети постарше. Они бродили по полю боя, собирая всё, что им пригодилось бы в хозяйстве. Многие приехали на санях и грузили на них всякую всячину, даже куски конины. Мы не препятствовали им мародёрствовать. Судейкин с Ингварем, я и Зотов с Марченко, бегло осмотрели некоторые повозки, чего там только

не было! Однако почти половина возов везли продукты для людей и лошадей.

А лошадей оказалось очень много, тысяч 14-15, пересчитать их было некогда. Были верблюды, сотни две. Голова кружилась от такого обилия всякой всячины. Нам удалось найти главный предмет наших поисков – кассу Гуюк хана. Она размещалась в трёх повозках. Шатёр хана, бронзовые котлы, ковры, роскошные доспехи, несколько мечей и кинжалов, оправленных драгоценными камнями. Парчовые халаты, горностаевые, бобровые и медвежьи шубы, три сундука с деньгами. Несколько мешков с награбленными золотыми и серебряными изделиями.

Чтобы всё это осмотреть и рассортировать, потребуется работа нескольких человек на несколько дней. А ещё был захвачен гарем хана. Четыре жены и 12 наложниц. Их всех разместили в двух избах деревни. Надо было решать, что делать с убитыми. Мобилизовали 500 пленных, заставив их стаскивать трупы убитых в одно место под надзором сотни волонтеров. Убитых воинов Гуюк хана решили сжечь, как поступали монголы в таких случаях. Сотня пленных начали валить деревья и складывать гигантскую поленницу, перемежая трупы с брёвнами. Укладывая по 400 человек в один слой, гора дров вышла в 4 метра высотой и площадью в 400 кв.м.

Своих убитых укладывали в повозки, чтобы везти с собой. На все приготовления ушёл весь день. После обеда отправили в Рязань ещё одну колонну из 100 подвод с убитыми Рязанцами и кое-какими вещами. С ними отбыли 100 ополченцев. Вечером прибыли 200 дружинников из Рязани и 300 мужиков с подводами. Опять одну ночь пришлось провести здесь же.

31 декабря. Суббота. Устроили завтрак для всех, благо, что еды хватало с избытком. Продолжили отправку обоза. Снарядили 400 саней, 1000 коней с 50 табунщиками и отправили в Рязань. Судейкин уговорил Ингваря пожертвовать всем местным, по паре лошадей на семью. В результате общий табун уменьшился на 400 голов. Ингвар был возбуждён и потирал руки в восторге от такой добычи. Около 11 часов мы собрались в одной палатке на совещание. Присутствовали, я, Судейкин. Зотов и Марченко от нас.

Ингвар, его воевода, 4 сотника и тысяцкий ополченцев. Решали судьбу добычи. Никто не отрицал нашей роли в разгроме монголов, поэтому предлагали разделить добычу на две равных части. Мы не возражали. Нам требовались лишь деньги, а весь хабар мы отдавали Рязанцам. Между прочим, Судейкин высказался о будущем Гуюк хана. Его надлежало принять, как гостя, относиться к нему с почтением, дабы не вызвать гнев Батыя и самого великого хана монголов Угедэя.

Следовало также вернуть ему его имущество и гарем, кроме кассы тумена и награбленного. Ингвар хотел было возразить, но Судейкин его осадил, тонко напомнив князю, что тот здесь лицо с совещательным голосом. Ингварю дарились Муромское, Переяславское и Черниговское княжества, Гороховец и Нижний Новгород с сёлами. Ранее ему уже достались Пронское, Московское и Козельское княжества. А взамен, Судейкин заявил, что мы забираем для себя, территорию от Ольгова до Коломны и Каширы включительно, по реке Оке, а на юг все деревни почти до самого Пронска, не доходя до него 15 км, также среднее течение реки Осётр и Ростиславль.

По грубым подсчётам около 15 тысяч квадратных километров, с населением, до нашествия монголов, примерно 120 тысяч человек, а сейчас едва ли 60 тысяч. Наш анклав будет автономен от Рязани, но условно будет считаться входящим в Рязанское княжество. Ингвар, получив такие богатства, почти не думая, согласился. Рязанское княжество раскинулось на весь юго-восток Руси, став больше даже Владимирского княжества. После обеда прибыл САУ, участвовавший в погоне за Гуюк ханом.

Прибывший с ним Семёнов рассказал о пленении хана. БМД, ЗИЛ и САУ, ворвались в занятую монголами деревню,

расстреливая из пулемётов, пытавшихся оказать сопротивление. Моментально выскочив из ЗИЛа, волонтёры, уничтожив охрану, ворвались в избу, где находился хан и его свита. Гуюк хан не оказал сопротивления и сдался. Сдались и все его воины, кроме нескольких сотен, сумевших удрать дальше.

Как оказалось, все бывшие возницы из обоза, в количестве около тысячи человек, ушли на лошадях, имея по паре запасных, в сторону Мурома по Оке. Таким образом, по крайней мере, полторы тысячи монголов всё-таки убежали, но мы решили с этим смириться. Провели беседу с полонем. Спросили у людей, куда они хотят идти. Многие изъявили желание вернуться домой, в Муром и деревни княжества. Уже не считая этих людей, каждому из них выдали лошадь, продуктов на несколько дней и отпустили.

От себя, Судейкин, выдавал на каждых троих убывающих по серебряной монете. По количеству выданных монет, определили, что ушли 1150 человек. Остальные заявили, что им некуда деваться и они рассчитывают на княжью волю. Я подсуетился, и Судейкин предложил князю, передать 1000 человек для меня в Воронеж и 200 в Маргелово. Князь со всем соглашался, лишь бы меньше хлопот себе. Тем не менее, оставались ещё почти тысяча пленных, которых Ингвар взял себе. Гуюк хан и остатки его тумена, ожидались толь-

ко завтра, так как они шли пешком. Коней у них отобрали. Только Гуюк хан ехал в ЗИЛе с пятью волонтерами. Вечером вернулись 300 возниц с подводами, а 200 прибывших дружинников, после обеда, послали встречать Гуюк хана с его отрядом. С этой суматохой, мы были вынуждены и эту ночь, провести здесь.

Монголов держали в кругу саней, пленные русские и мы, в палатках. Вечером я зашёл к Ингварю, чтобы договориться насчёт моих 1000 пленных. Я попросил дать мне молодых ребят, не старше 22-23 лет и таких же девушек. Притом девушек, мне нужно больше. Договорились, что я забираю 650 девушек и 350 парней. Здесь, в Рязани, после боевых действий, мужиков не хватает, а у меня наоборот. За разговором, я сообщил князю, что нам удалось отбить из плена дочку Ярославского князя Забаву.

Хотелось бы обрадовать её братьев известием о том, что она жива и здорова. Возможно, что они захотят забрать её к себе. Но я не в курсе, как там ситуация в Ярославском княжестве. Князь обрадовался и напомнил мне, что князя Ярославские являются ему родственниками, а значит и Забава его родственница. Он даже выразил желание забрать её у нас.

– А сколько ей лет? – спросил он. – Наверное лет 5-6?

– Что ты, князь! – возразил я. – Ей уже 18, она взрослая девушка, к тому же красавица писаная!

– Погоди, погоди – остановил меня Ингвар. – Ты наверно ошибаешься. На сегодня князю Владиславу было бы 31 год. Это что же получается? У него дочь родилась, когда ему было 12 лет? А старшего сына я знаю и лично мы с ним встречались летом этого года, когда он с дядьями ходил к Батью за ярлыком на княжение Ярославское. Мальцу ещё 10 лет не исполнилось, а он старшим считается. Непременно бы он мне рассказал о пропавшей сестре. Что-то тут не так. Может она его племянница?

– Прости князь, я уточню непременно. Вышел от князя смущённым. Да, тут какая-то непонятная история получается. Ну и ладно, надо будет у княжны спросить как-то помягче. Может на неё плен подействовал так, что она память потеряла?

1 января. 1240 года. Воскресенье. Сегодня праздник –новый год. А мы тут в поле, на морозе, проблемы решаем. Сразу после завтрака, снарядили следующие 300 возов. С ними погнали ещё 500 пленных под охраной 200 дружинников и 1000 коней. Оставалось ещё больше 100 возов от обоза, почти 100 возов добычи, снятой с пленных и убитых и ещё оружия и доспехов 200 возов. В 9 утра прибыл ЗИЛ

с Гуюк ханом.

Судейкин и Ингвар встречали высокого гостя. Судейкин приветствовал хана по- монгольски: – Мы рады вашему визиту, ваше высочество! Милости просим, погостить у нас. Надеюсь, что вам не причинили неудобств?

Гуюк хан, хмуро отвечал: – Я здоров, спасибо за приглашение!

Судейкин и Ингвар пригласили хана в заранее расставленный, собственный шатёр хана, где был разведён костёр и хана ожидали его жёны и наложницы. Надо сказать, что Гуюк хан был удивлён и огорошен происходящим. Вначале он было подумал, что над ним издеваются, но тут, поняв, что к нему относятся серьёзно, заметно повеселел. Он попросил его оставить, чтобы, наверно, прийти в себя и успокоиться. Его и оставили. Кстати, в шатре были сложены все его личные вещи, вплоть до инкрустированного драгоценными камнями оружия и доспехов. Судейкин, Ингвар, я и Марченко с Зотовым, собрались, чтобы решить, куда нам деть Гуюк хана? Никто не хотел брать на себя эту обузу.

– А давайте у него самого спросим! – предложил Марченко. В самом деле, а почему нет? Мы решили завтра задать ему этот вопрос. Пусть придёт в себя. После обеда прибыли

пленные остатки Гуюкова войска, в количестве до 3 тысяч. Их присоединили к остальным пленным, заставив снять доспехи и сдать оружие, которое везли в 20 возах, взятых взаимы у найденных поблизости крестьян, которыми они сами и управляли. Крестьянам передали по 2 коня и отпустили по домам.

Куда девать такую прорву коней? Приняли решение гнать их пока в Рязань, а потом 3 тысячи передать мне для моих пленных, вместе с 100 саней. 4 тысячи коней и 200 саней возьмёт Судейкин, тысячу коней и 100 саней заберут Пронские дружинники. Всё остальное останется Ингварю. Затем начали считать деньги, захваченные в кассе хана. Оказалось, совсем не много. 15 250 золотых динаров, 42 620 дирхемов.

Грубо говоря, всего по золотому на каждого воина, хотя, по некоторым данным, самому простому воину полагалось до 1,5 золотых в месяц, которые, кстати, исправно выделялись хану из общей казны. Гуюк хан не заморачивал себя выплатой зарплаты, а заставлял воинов добывать всё необходимое у местного населения, присваивая все казённые деньги себе, как, впрочем, и многие другие ханы, и военачальники.

Таким образом, большая часть казённых денег, находилась в личных вещах хана, которые мы условились вернуть хозяину. Казённые деньги поделили следующим образом:

половину отдать войскам, участвовавшим в боях, остальные разделить ещё на две части – Рязани и нам, поровну. Близким убитых, выдавалась сумма в 4 раза большая, чем живым участникам сражения. Похороны осуществлялись за счёт княжества. Каждому участнику сражения полагалось по одному коню, комплекту вооружения, 3 динара и 10 дирхемов, которые раздали в этот же день. Нам же дополнительно досталось 12 мешков с золотыми и серебряными предметами. Один мешок получили Пронские, дружинники, три для меня, остальные в Маргелово.

2 января. Понедельник. Сегодня, наконец, мы все тронулись в путь, предварительно поджёгши громадную кучу с убитыми. Столб огня и дыма наблюдался ещё в 15 км от села Шилово. Чтобы не оставлять без присмотра колонну пленных и обозы, пришлось сдерживать коней и поэтому нам пришлось ночевать в поле ещё одну ночь.

3 января. Вторник. Около 12 часов дня входим в Рязань, встречаемые звоном колоколов и торжественной процессией из священников, во главе с епископом, Ефросином Святогорцем. Всех пленных оставили за городскими стенами, разбив там лагерь их же шатров. Надо было решать, что с ними делать. Я намекнул Судейкину, что ему необходимо взять себе сотни три пленных для постройки стены вокруг Маргелово.

Эта работа потребует не одного года строительства. К тому же нужны люди для грязных и тяжёлых работ. Я тоже решил взять себе две сотни рабов. Сотню заберут Пронские. Сегодняшний день провели в торжествах по случаю спасения Рязани от захватчиков. Были торжественные литургии в церквах и крестный ход и т.п. Ну а вечером состоялся праздничный обед у князя, где и мы присутствовали, а также Гуюк хан, его темник, а также два хана из свиты Гуюка, не имевших своих подразделений. Столы ломились от еды и питья. Для народа выкатили несколько бочек на площадь, где расставили столы с угощением. Гуюк хан оказался совсем не дурак выпить.

Убедившись, что его не тронут, он вёл себя раскованно и даже рассказал несколько смешных историй. Гибель тысяч его подчинённых не сказалась на его поведении и не повлияла на самочувствие. Что люди? Он наберёт новых. Во время пира Судейкин спросил у него: – Что Гуюк хочет предпринять в ближайшее время? Отбыть в Сарай или к Батыю? На что, тот ответил, что хочет несколько дней погостить у князя, а затем отправиться к Батыю, который непременно предоставит ему новый отряд.

Судейкин похвалил такое решение хана и смог успокоиться в том, что ему больше не надо нести ответственность за

Гуюка. Мы хорошо погуляли на пиру, отметив между собой и наступление нового года. Особенно радовался князь Ингвар. Ведь он постепенно, правда с нашей помощью, превращался в владыку огромного княжества, размером, чуть не в половину тогдашней Руси. А мы ему, между прочим, обещали через пару лет, передать и Киевский стол. Как тут не почувствовать себя великим государем!

3 января. Вторник. Мы хотели уже разъезжаться по домам, но в городе ещё не затихали торжества и весь день вновь был потрачен на обязательное участие в церемониях. Мы оставили для этого Судейкина, Винокурова и Забуирова, а сами занялись распределением трофеев и подготовкой к возвращению домой. Я лично должен был улететь. А вот руководить перемещением большого числа людей и грузов из Рязани в Воронеж, нужен был волевой и знающий человек. Мы договорились, поручить это Винокурову с Алёшкой, а я взялся сформировать колонну.

Итак, я отобрал 350 парней и 650 девушек, а также 200 пленных. Из общего числа пленных я выпросил всех Суздальцев - 78 человек и остальных 122 человека - Булгар. Я не судил их строго за службу у монголов. В эти времена такое поведение не было зазорным. Тем более, что их к этой службе, принудили под страхом смерти. В сущности, этим людям было всё равно кому служить. Поэтому, я даже не стал их за-

ковывать в цепи, а заставив поклясться мне, что они не убегут и не станут против меня замышлять бунт, позволил им взять коней.

Из 1000 бывших невольников, отобрал две сотни возниц для 100 возов с шатрами для пленных, провизией людям и лошадям, нашей части добычи, состоящей из 500 комплектов доспехов и вооружения, некоторого количества различной одежды, посуды и котлов. Для надёжности, Винокурова будет сопровождать его рота волонтёров, которая погонит более 2 тысяч оставшихся лошадей. Продуктов хватит, благодаря нашей предусмотрительности, позволившей набрать огромное количество фуража и продуктов из Муромского княжества в долг, уже не обязательный к оплате, по причинам исчезновения заимодателей. Также готовились к возвращению наши соратники из Маргелово и Пронска. Отбирали пленных, лошадей, добычу и т.д.

4 января. Среда. С торжествами закончили и все вернулись к обыденным делам. Гуюк хан переменял решение и собрался немедленно уходить к Чернигову. Ему было по пути с Судейкиным, и они решили выйти вместе. Гуюк хану вернули всех его выживших телохранителей тургаудов. Их осталось чуть больше 200. Им вернули их доспехи и оружие. Также с ним уходили все монголы, но без доспехов и оружия. Всего более 1000 человек. Они имели по 2 коня и

с ними ехали 70 возов с продуктами, фуражом и шатрами. Весь гарем хана и его личное имущество. Я попрощался с Маргеловцами и князем, проводил свой караван, выступивший в Воронеж, а сам, в одиночестве, вывел свой самолёт из-под укрытия в 4-х км от Рязани, подальше от любопытных. Укрытие охраняли аж два десятка дружинников князя, которые помогли мне вытолкать самолёт на ВПП, и полетел к себе. Уже через два часа я сел у себя на поле. Самолёт загнали в ангар, а я пошёл отдыхать домой после всех приключений.

Часть 5.

Новые назначения

5 января. Четверг. Утром я выбежал на зарядку, обычным маршрутом с волонтерами. Провёл лекции до обеда. После обеда 2 часа занимался с русскими девушками, уча их грамоте. Только в 16 часов, наши руководители собрались в кабинете у Теплова. Вчера я уже рассказал о битве под Воино и разгроме армии Гуюк хана. Сегодня нам надлежало решить, куда мы поместим новоприбывших. Всех 350 русских парней решили свести в батальон из 3 рот. Командирами рот предложили не назначить пока никого, а вот командирами взводов, а их мы сформируем 10, по 35 человек в каждом, назначим 10 прибывших из Маргелово, по моей просьбе, во-

инов Архипа и Микиша.

Условно включим в каждую из наших двух рот, по 5 взводов дополнительно. Я напомнил собравшимся, что согласно первоначальному плану, на каждом этаже казармы возможно размещение до 460 человек, при 2-х ярусном распределении. Благодаря нашей малочисленности, волонтёры раскинулись на одноярусных кроватях. Теперь им придётся потесниться. Кто у нас сейчас живёт в казарме?

Бродники, суздальцы, волонтёры, полусотня Горкуши, Далматицы, бывшие невольники и все девушки. Если всех их распределить по 2-х ярусным койкам, то у нас появятся 470 мест в казарме, а в штабе на втором этаже свободная казарма на 448 человек. В свободных квартирах можно разместить по 4 человека. Итого имеем 1162 места. А прибывают 1200 человек. Выход простой – пленных воинов Гуюк хана, разместить на 3-х ярусных койках, а это значит, что вместо 100 коек для них, можно обойтись 67. Далматинцев тоже потеснить на 3-х ярусные и все помещаются.

Но произведём переселение. Всех волонтёров, их 183 холостых, плюс 20 матросов, а также холостых мастеровых, разместим на втором этаже штаба. Всех девушек на второй и третий этажи казармы, а на первый этаж всех остальных. Ну вот и решили проблему. Сегодня же после обеда все должны

переехать на новые места. С прибытием каравана, население лагеря достигнет 2468 человек, из которых взрослые -2328.

Вечером ко мне подошли 3 освобождённых нами еврея. Я пригласил их в свой кабинет. Они начали меня агитировать о необходимости открыть в посёлке ломбард и банк. Проблема их была в отсутствии денег и рекламы. А ещё им крайне было нужно наше поручительство и помещение. Вообще-то их предложение меня очень заинтересовало, и я хотел позвать Теплова, чтобы вместе обсудить этот вопрос, но его не было на месте.

Я как раз вспомнил о Забаве и о том, что мне следовало рассказать ему о странном поведении его пассии. Я сообщил евреям, что я согласен с ними и обязательно решу их вопрос немедленно, в 2-3 дня. Это дело обещает быть весьма прибыльным. Мы согласовали необходимые требования к устройству банка и ломбарда. Здание банка разместим вблизи рынка. А вот начальный капитал, я мог предоставить в размере 4-5 тысяч динаров. А дальше пусть сами крутятся. В самом деле, зачем держать деньги в кубышке? Пусть они работают. Обещал рассмотреть их вопрос в ближайшие дни.

Отпустив их, я пошёл искать Теплова. Он, конечно, оказался в квартире Забавы. Я вызвал его в коридор и намекнул, что у меня есть для него известие. Мы пошли в его кабинет,

и я рассказал ему о разговоре с князем Ингварем. Тепло, как и следовало ожидать, не поверил в историю с Ярославским князем и даже возмутился, чуть ли, не обвиняя меня в распространении вздорных слухов. Я обозлился и предложил ему рассказать Забаве о возможности её отправки с ротой Винокурова, в Рязань и оттуда в Ярославль к братьям. И вообще, посоветовал ему решать эту проблему самостоятельно.

Затем я пошёл к главбуху Леониду и поведал об идее основания банка. Леонид

поддержал эту идею и похвалил меня за поддержку евреев. В настоящий момент мы можем вложить в это начинание до 10 тысяч золотых дукатов и 1000 гривен, лежащих без движения. Отдавая эти деньги в рост, даже всего за 10%, мы сможем иметь прибыль до 1500 дукатов ежегодно, как минимум.

– Однако – сказал я. Очень даже, не дурно! Это соответствует годовой стипендии почти 2-х рот волонтёров. Я согласен на открытие банка. Завтра же даём задание на строительство здания банка вблизи рынка. Леонид одобрил моё решение. Он также сообщил мне, что кое-где берут по 30-40% годовых, но я сказал, что это будет госбанк, а не ростовщическая организация. Леонид пожал плечами и согласился. Как вам будет угодно!

7 января. Суббота. После обеда прибыл караван с Винокуровым. У нас уже всё было готово для приёма людей. Расселили новоприбывших и распределили доставленные продукты и вещи по складам. Я повёл Винокурова по нашему лагерю, хвастаясь своими достижениями. Винокуров сообщил мне, что на совещании в Маргелово, приняли решение о присвоении очередных воинских званий всем принимавшим участие в военных действиях. Этот вопрос мы решили обсудить с Тепловым.

Пригласили его и разместились в моём кабинете в штабе. Винокуров позавидовал нам, имеющим такие просторные кабинеты. Посмеялись и затем выслушали Винокурова. Все курсанты Маргелово уже единогласно постановили, что пора бы уже нам выбраться из курсантских пелёнок. Всем присваивается звание «лейтенант», что на самом деле соответствует званию подполковник, в этом мире, нами отменённое.

Соответственно мы теперь будем носить офицерские погоны с одним просветом, но двумя большими звёздочками. А Судейкину присвоим звание полковник. Этим же приказом, воинские звания присваиваются следующим товарищам – Тере – лейтенант, Микишу – майор, Архипу, Кежаю, Парамзе, Михею и Радомыслу – капитан. Всем бывшим волон-

тёрам, из числа прибывших в Маргелово людей Микиша и Кежая –подпоручик (30 человек), а исполняющих обязанности десятников (3 человека) – поручик. 10 девушек и двух вдов, принявших участие в захвате Батыя –подпоручик. 50 дружинников Архипа, начавших у нас службу с января 1238 года –прапорщик.

А десятникам его полусотни (5 человек) –подпоручик. Волонтёрам, несущим службу с марта 1238 года (140 человек) и людей Тери (47 человек) –старшими унтерами. А их десятников (18 человек) старшинами. 520 волонтёров, обучающихся с сентября 1238 года младшими унтерами, а их десятников – унтерами. Соответственно полученному званию, носить погоны с соответствующими знаками различия. Произойдёт и изменение размера получаемого оклада. Я и Теплов согласились с этим решением. Однако решили непременно обмыть это долгожданное офицерское звание. Что мы и сделали, после ужина, втроём у меня в кабинете. Это решение командования, я решил объявить завтра утром всему личному составу.

8 января. Воскресенье. После завтрака, я и Теплов проводили Винокурова с его ротой в путь до Маргелово. С ним уходили два турка-специалисты по штамповке монет. Также они увозили 6 центнеров серебра в слитках. Уже, когда они почти скрылись из глаз, Теплов признался мне, что вчера пе-

ред ужином, зашёл к Забаве и предложил ей выехать с караваном Винокурова до Рязани, а там князь Ингвар примет её, как родственницу и переправит в Ярославль с охраной. Однако Забава очень странно себя повела. Сначала она смутилась и долго думала, но потом повеселела и сказала, что не стоит ей сейчас туда отправляться, так как там идёт война и она боится за себя.

К тому же она, якобы, хочет сделать сюрприз своим юным братьям и задумала появиться у них ко времени, когда монголы вернутся из Руси к себе домой. Теплов не нашёл, что ещё ей сказать. Так что вопрос оставался открытым, хотя я уже понял, что девчонка обманывает Теплова. Но, как я заметил, он сам хочет быть обманутым. Мы отправились на службу в клуб. Однако желающих присутствовать на службе, оказалось

слишком много, более 1000 человек и мы не вместились в помещение. Поэтому отец Никодим провёл службу на свежем воздухе. Было холодно, и он закрутился за полчаса. Между прочим, вчера было рождество, но прибытие колонны с Винокуровым, не позволили отметить это событие с надлежащей торжественностью.

Я, по окончании службы, оповестил всех о присвоении воинских званий, заслужившим их своей честной службой. Уже через несколько минут, толпа волонтеров получала

со склада погоны, звёздочки и сержантские галуны, чтобы немедленно, дома, пришить к своим плечам новые погоны. Этим приказом Арзамас производился в поручики, как и мои командиры взводов – Кемай, и Кечуш, и старшина роты Инжеват (Женя).

А вот Парамза (Парамон) становился капитаном., имея под своим начальством корабль и 50 человек матросов. Таким образом у нас в Воронеже оказывалось 3 лейтенанта (подполковника), надо бы не забыть, что у нас лейтенант главнее майора и младше полковника и относится к старшим офицерам, 3 капитана, 7 поручиков, 5 подпоручиков и 5 прапорщиков. Всего 23 офицера, которые, по новому положению, обязывались нести преподавательскую деятельность, что весьма облегчало нашу нагрузку.

Оно и верно, все офицеры прошли курсы, где их обучили грамоте и математике, тактике и огневой подготовке. Так что этими знаниями они могли поделиться. Зато в нашей метрополии, Маргелово, появились аж 77 офицеров, что позволяло им обучить ещё более тысячи новых волонтёров. Наша роль заключалась в преподнесении нашим слушателям, некоторых, необычных для людей этого века, знаний и общего руководства педагогической деятельностью офицеров. Поэтому мы теперь могли гораздо больше внимания уделить девушкам, которых мы готовили к роли учительниц.

Но это касалось лишь 89 девушек, освобождённых в ходе похода Теплова. Надо было ещё организовать обучение новых 350 учеников. Так что и в этом случае, наш день был распisan до 3-х часов дня. Тем не менее, чтобы научить 650 девушек, хотя бы азам арифметики и грамматики, решили привлечь 30 матросов Теплова, которые относились к группе волонтеров, начавших обучение с марта 1238 года и удостоившихся звания старшего унтер-офицера. До самого ледохода в апреле, они были совершенно свободны. Жизнь продолжается! А вот на строительстве стены добавились 200 человек. И лес продолжали валить.

Техническая революция.

23 февраля. Четверг. День Советской Армии и Флота, я и Теплов, отметили после ужина, потреблением спиртных напитков. Обидно было находиться вдали от своих сокурсников, которые по рации поздравили нас с праздником. Последние полтора месяца прошли в довольно спокойной обстановке. По слухам, ханы Гуюк, Мунке и Бури, занимались разорением Волыни и Галиции. Другие ханы громили алан и остатки половцев. Как мы и предполагали, монголы захватили Судак в 20-х числах декабря.

Наверняка они не стали торговаться с турками, а забра-

ли всё их имущество и жизни большинства из них. Я сообщил об этом трагичном, для наших 40 турчанок и 8 турецких спецов, событии, чтобы поднять их настроение, и чтобы они не очень стремились вернуться обратно. Зато в Маргелово, произошёл технический скачок вперёд. Удалось создать подшипник. Он был не совсем шариковый, а скорее роликовый, так как его ролики напоминали бочонки лото.

Внутреннее кольцо было нормальным, а внешнее из двух половинок, скрепляемых вместе винтами. Для нас это был прогресс, позволивший создать агрегат, состоящий из паровой машины и пилорамы на 5 циркулярных пил, позволяющих распиливать брёвна диаметром до 350 мм на доски, регулируемой толщины. И кольца подшипников, и ролики, и валы агрегата, изготавливались на токарном станке. Изготовление каждого подшипника происходило индивидуально, но это должно было быть преодолено через короткое время и можно было начинать их производство мелкими партиями.

Это сулило грандиозные успехи в скором будущем. Стало возможным изготовление другого токарного станка, правда без коробки передач, но с набором разнокалиберных

шківов, позволяющих менять скорость вращения детали. Но вот создать токарный резец из быстрорежущей стали или твёрдого сплава, не удастся ещё лет 600. Турецкие мастера изготовили штамп для монет, по примеру наших денег. Были

получены пока ещё экспериментальные оттиски, но работа в этом направлении продолжалась.

Планируется произвести денежную реформу в Маргеловской комендатуре, название которой, мы хотим изменить на «Россию», после обретения большей территории. Судейкин задался целью выбить для нас Пронское, Козельское и часть Новгород -Северского княжеств, вдобавок к уже имеющимся землям к 1243 году. На подвластных Маргелово землях провели следующие реформы -1. Цифровую, заменив буквенные аналоги цифр на арабские. 2. Правописания, введя новый алфавит. 3. Календаря, объявив началом года 1 января и обозначение 1240 год. 4. Налоговую. Налог будет браться в размере 15% от урожая или от другого вида доходов. 5. Запрет холопства.

Все люди свободны, и никто не имеет права, заставить их работать на себя, без их, на то, согласия. Этот пункт решили вводить постепенно, так как ощущалось сильное противодействие бояр, которых, к счастью, в Пронском и Рязанском княжествах, можно было пересчитать по пальцам. Так прошлись по их сословию монголы. Так что, суля назначаемым на должности новым боярам, какие-то блага, можно будет провести в жизнь немало законов, которые всего 2 года назад были бы абсолютно не реальными. Эта реформа, как ожидается, принесёт больше всего неожиданностей и непри-

ятностей. Между тем, Судейкин, велел извлечь на свет божий, небольшую походную типографию из комплекта походного лагеря. Типография малогабаритная, с маленьким запасом букв и цифр, предназначенная для печатания боевых и информационных листов, формата 11-12, не больше, но и это явится небывалым достижением технического прогресса. Имеется и бумага в рулонах, газетная, марки Б. К счастью, мы не использовали эту бумагу ранее, по несколько иному, более прозаическому назначению.

А теперь мы можем пустить её в ход. Бумаги всего 3 рулона по 160 кг. Примерно 6,8 тысяч квадратных метров, из которых выйдет до 54000 листов формата 22, то есть в половину газеты. В первую очередь мы предполагаем выпустить небольшие обучающие листки со старой и новой азбукой, цифрами и таблицей умножения, для начала тысячу штук, чтобы раздать по всем населённым пунктам, монастырям и церковным приходам. У нас, в Воронеже, успехи тоже имелись.

Кроме ковров, первые 15 которых, увидели свет всего 3 дня назад, мы посадили 650 девушек ткать полотно для одежды, полотенец, постельного белья и т.п. Наши экспедиторы налаживали связи для покупки сырья, как для полотен, так и ковров. Первые ковры пошли для внутренних нужд. Мне и Теплому достались по два ковра из первых пятнадцати,

размером 2х3 м, весьма симпатичные, очень понравившиеся мне и моим девочкам. Мы их постелили в детской, чтобы дети по ним ползали.

Это было очень ко времени. Свою очередь ожидали жители более 100 квартир. Ковры эти сгодятся и в присутственные места, казарму и школу. Пять ковров вынесли на торг, для определения спроса на них. Ковры моментально ушли за хорошую цену, по 2 дуката и 8 милисиариев. Боюсь, что мы продешевили, но будущее покажет. Винокуров привёз с собой 20 бочек нефти, и мы наладили производство топливных брикетов из опилок. На эту работу определили 10 человек. Вся продукция, опять же пошла на внутреннее использование. Кожевники начали изготавливать сапоги.

По нашим указаниям, из дерева, изготовили болванки в размеры от 39 до 47. По этим болванкам и начали тачать сапоги конвейерным способом. Нам были нужны много сотен сапог. Как только наладится производство тканей, начнём пошив военной формы, а потом и гражданской одежды. Вязальщицы выдали первые сотни шапок, шарфов, рукавиц, перчаток, носков и чулок. Я и Теплов передали вязальщицам эскизы свитеров, женских кофт. Вскоре появятся и эти предметы одежды. Никак не можем придумать лучший способ применения парового автомобиля конструкции Арзамаса.

Пока приладили ему бульдозерный отвал и несколько человек, по очереди, очищают снег с дорожек между деревьями и побережьем, внутри лагеря, а также выкорчёвывают пни и разравнивают землю для будущих посевов. Очень много желающих поработать или просто прокатиться на этой машине. Во время работы, на ней обязательно сидят до десятка детей разного возраста, готовых часами ехать на ней, с энтузиазмом, помогая

водителю заливать воду в котёл и подкидывать в топку брикеты. Жители окрестных деревень привыкли к этой машине и уже не пугаются при виде её.

С прибытием более тысячи человек пополнения, пришлось сократить площадь помещения по производству ковров до половины этажа столовой и использовать вторую половину по своему назначению. Хотя около сотни человек питались дома, а мастеровые в помещении завода, оставались более 2000 человек, которым одного этажа не хватило. Из-за этого часть людей перевели на питание во вторую смену. А для ковроделов спешно строили новое производственное здание. Его должны будут закончить к 15 марта. Там разместятся ковроделы, вязальщицы и ткацкая мастерская. Ещё одно помещение останется на запас. Удалось произвести прорыв в области производства стекла. Наши стеклодувы применили новый способ – выливание расплавленной массы на раскалённый стол, раскатывание скалкой до определённого

ной толщины и обрезка в размер 0,5 x 0,5 м. Большой размер пока не получался.

Но и это было отлично. Стекло получалось сравнительно одинаковой толщины 3-5 мм, достаточно прозрачное. Под этот размер плотники выпускали оконные рамы и ими начали заменять окна, затянутые полиэтиленовой плёнкой. К сожалению, выход продукции был невелик, и замена плёнки на стёкла обещала затянуться до конца года.

Зато наладили производство стеклянных колб для керосиновых ламп, которые появились почти во всех помещениях лагеря и в домах местных жителей. Понемногу выпускались и бутылки, в которые мы разливали оливковое масло. Продвигалось строительство крепостной стены. Решили строить её не отдельными кусками, а по всей длине периметра, постепенно поднимая стены. На сегодня уложили 200 метров из 20 секций, на высоту, равную толщине одного бревна и засыпали землёй.

Рядом с новым торгом нами был выстроен дом, в котором расположились ломбард и банк, где распоряжались все 3 наших еврея. Самым главным из них был 45-летний Мойше бен Мендель, который просил называть его просто Михаил. Контора работала уже 2 недели, но доход был пока невелик. Во-первых, ещё не наступил сезон и торг едва теплился, а во-

вторых, местные жители были слишком бедны, чтобы заложить что-нибудь ценное. Однако мы надеялись, что со временем, это начинание получит значительный размах, так как банковское дело уже было достаточно распространено в мире и приносило баснословные барыши. В качестве начального капитала мы с Тепловым пожертвовали 3500 дукатов, 6000 генуэзских гроссо и 10 тысяч дирхемов.

Деньги эти, конечно, большей частью, находились у нас в лагере, а в самом банке имелось лишь 5% этой суммы. Наши евреи устроились жить в этом же доме, а для денег и ценностей устроили сейф из железа. В одном из свободных помещений большого склада, напротив причала, устроили холодильник. Углубили пол на один метр и уложили туда большие куски речного льда, а потом ещё сверху залили водой и когда всё это смёрзлось, засыпали опилками. Теперь нам обеспечено место для хранения скоропортящихся продуктов до следующей зимы. Арзамас взялся собрать ещё одну машину с паровым двигателем, побольше предыдущей, с кабиной и кузовом. Требовались только подшипники разных типов, которые я заказал в Маргелово и, как только их изготовят, слетаю туда за ними.

15 марта. Четверг. Морозы начали потихоньку ослабевать. Но впереди ещё апрель. Безусловно в этих широтах гораздо теплей, чем в Рязани, но тем не менее. Сдали в эксплу-

атацию большой производственный корпус, размерами 48 х 24 м. Конечно же

3-х этажное здание, притом первый и половина второго этажей, кирпичные. На первом этаже расположили ткацкое производство, оставив кусочек помещения в 24х 6 м для токарного станка, который будет готов к концу месяца. Там же расположили один

сварочный пост и одну кузницу. На втором этаже разместились вязальщицы и ковровое отделение. Третий этаж был в резерве. С начала года отстроили три 28-ми квартирных дома. Все 84 квартиры были уже заселены молодыми семьями, как и пустовавшие до этого ещё 16. Уже образовалась очередь на их получение.

Да и как тут не образоваться семьям, если в лагере сотни молодых ребят и девушек, постоянно общающихся между собой. Было принято решение построить 3 общежития для молодоженов, чтобы хотя бы так решить жилищную проблему. В каждом общежитии временно поселим по 300 пар, до постройки новых домов, а позже из общежитий образуем многоквартирные дома. 350 новобранцев уже влились в общественную жизнь посёлка и несли караульную службу самостоятельно. В реальности, мы не планировали заставлять всех стать военными. После уборки урожая, желающие смогут выделиться в крестьянские наделы.

Мы выделим каждой семье по 2 гектара пахотной земли. Предположительно, мы будем помогать таким семьям в строительстве собственных домов. Больших успехов мы достигли в ликвидации неграмотности. Все дети наших работников, в количестве 90 человек, были обязаны посещать школу. За этим мы строго следили. Они уже проучились 8 месяцев и знали все буквы и цифры. Могли производить простые арифметические действия и по слогам читать. Из примерно 300 детей местных жителей, начавших посещать школу, половина отсеялась, узнав все буквы и цифры.

Видимо их родители посчитали такую степень грамотности достаточной, но до 150 детей продолжали посещать школу довольно регулярно и многие из них подавали надежды. Стена вокруг посёлка замкнула периметр, и строители начали укладывать по второму бревну в секции и засыпать внутрь землю. Заодно и ров перед стеной углубился до половины метра.

Мы чеканим деньги.

17 марта. Суббота. Сегодня, около 10 утра, отправился к самолёту, который был готов к полёту. Я собирался посетить Маргелово, с целью забрать комплект подшипников для нового автомобиля с паровым двигателем, а также ещё кое-каких необходимых вещей. Меня провожали Теплов, Арза-

мас, Алёшка и Теря. Несколько волонтеров выгнали самолёт на ВПП, проверили полосу и дали добро на взлёт. Я не стал брать с собой Алёшку, чтобы не перегружать самолёт. С собой я вёз 100 кг серебра для монетной мастерской. У нас оставалось ещё 100 кг здесь.

Взлёт и полёт прошли вполне удовлетворительно и обедал я уже в Маргелово. После обеда Судейкин провёл меня в цех по штамповке монет, чтобы я смог увидеть этот процесс воочию. Чеканка монет началась с понедельника. Было много недоработок, которые пришлось домысливать и исправлять. Но теперь всё в норме и станок работает 8 часов в день. Мы будем чеканить в основном, пока только серебряные и медные монеты, хотя имеется чекан для золотых монет.

За единицу измерения приняли 1 рубль равный 1 куне. Получилась монета диаметром 25 мм, толщиной 2 мм, общим весом 9 грамм из серебра 92 пробы. Таким образом содержание чистого серебра в рубле 8,2 грамма, точно соответствовало одной двадцать пятой гривны. Полтинники тоже были из серебра и содержали соответственно в два раза меньше серебра. Серебряной была и монета в 25 копеек, с содержанием серебра в 2,05 г, что примерно равнялось одному милисиарию. Дальше шли бронзовые монеты по 10, 5, 3, 2 и 1 копейки. Они все имели толщину в 2 мм и диаметр от 3,5 см у 10 копеек до 2 см у 1 копейки.

Все монеты имели настолько чёткие параметры и профиль, что подделать их, при существующей технологии Европы, было практически невозможно. Итак, мы имеем -1 рубль из 100 копеек, где рубль равен 1 куне, а в гривне 25 рублей. 25 копеек равно милисиарию, а зарплата чернорабочего составит примерно 4 -6 копеек в день. Видимо, придётся ещё спроектировать чеканы для более мелких денег –полушки, равной четверти копейки. Для пробы золотых чеканов, расплавили некоторое количество золотых динаров, колец и кубков, общим весом в 20 кг и получили из них монеты достоинством в 5 и 10 рублей из 585 пробы. При этом 5-ти рублёвая монета оказалась равной примерно одному дукату, имея около 3 граммов золота и почти столько же серебра, меди 4 грамма, имея общий вес почти 10 граммов.

Золотой червонец равный 10 рублям имел вес 15 грамм. Изготовили 3 тысячи 5-ти рублёвых и полторы тысячи 10-ти рублёвых монет. Серебряных и бронзовых монет начеканили общим числом 12 тысяч. Технология производства была следующая: из сплава изготовляли полосу шириной и толщиной соответствующую монете, которую взялись чеканить, прокатывая полосу через вальцы. Эту полосу рабочий вставлял в пресс и подвигая её, нажимал на педаль.

Монета вырубалась из полосы, уже готовая, с аверсом, ре-

версом и гуртом. С лицевой стороны стояло обозначение цены монеты, а с другой стороны знак ВДВ – напоминающий два креста, прислоненных к парашюту, который для непосвящённых, выглядел, как купол церкви, год изготовления и надпись –Россия. С учётом замены пуансонов и ленты, производительность станка достигала до 3-4 тысяч монет за 8-ми часовой, не спешный, рабочий день. Каждый день штамповали какой-то один тип монет. Из имеющихся, только в нашем распоряжении, слитков серебра, мы могли начеканить до 200 тысяч серебряных монет и столько же мелочи.

Но мы, вполне резонно, ожидали заказов на чеканку денег от Рязанского и других княжеств, что могло обеспечить работу пресса на длительное время. За чеканку, вполне законно будем брать плату, не большую, но справедливую. Я выразил своё восхищение нашим общим достижениям и проследовал дальше, чтобы увидеть производство подшипников. Ознакомившись со всеми производствами, я в компании с Иманкуловым прошлись по посёлку. В границах начавшейся возводиться стене, появились ещё с десятков изб для новых семей. В Маргелово делали ставку на индивидуальные или двухквартирные дома, тогда, как у нас, на многоквартирные.

Возможно, в будущем, мы тоже перестроимся на индивидуальные. Очень много коней потребовали кардинального расширения конюшен. Судейкин планировал передать ко-

ней безвозмездно в каждое крестьянское хозяйство, которые ещё следовало подсчитать, но их предположительно должно было быть 2-3 тысячи. Как раз, именно эта акция, позволит произвести примерную перепись населения, главной особенностью которой станет отсутствие эксцессов, характерных для населения, в штыки воспринимающего любую попытку их пересчёта.

В настоящий момент по всем поселениям разослали роту волонтеров, по три человека и два табунщика с 20 конями в каждой группе. Они производят подсчёт хозяйств и тут же передают в каждое хозяйство по коню. При этом, незаметно, переписывают примерное количество членов семей, прикидывая отдельно детей, молодёжь, пожилых и т.п. Я взял эту идею на заметку, собираясь и у себя провести аналогичную акцию. Вечером устроили пирушку в доме у Судейкина. Вспоминали давно прошедшие времена.

Трагедия Теплова.

18 марта, Воскресенье. Народ отправился в церковь в Переяславль, где возвели новый, каменный собор. Я не поехал, а начал готовиться к отлёту. Набрал мешок

подшипников, несколько металлических валов, 1000 червонцев, 1000 пятирублёвок, полмешка серебряных и бронзовых денег. Ящик последних винтов, шурупов, гаек и гвоз-

дей. Вылетел обратно после обеда, провожаемый всеми нашими ребятами. Полёт и посадка прошли удачно. Разгрузили багаж и поставили самолёт в ангар. Я отправился к

себе домой, но в дверях штаба меня встретил Теплов и попросил пройти к нему в кабинет. Он рассказал мне, что Забава, сегодня призналась ему, вся в слезах, что она не княжна, а всего лишь дочь настоятеля соборной церкви в Суздале.

Как известно, Суздаль не смог оказать сопротивления монголам и не был тотально разрушен, но её отца и мать убили, а её взяли в плен и далее, как она уже рассказывала, хан Бури взял её и использовал, как наложницу, но очень короткое время, имея сотню подобных. После продажи её итальянцам, она начала фантазировать и рассказывать своим подругам по несчастью и новому хозяину о своём, якобы, высоком происхождении, чтобы получить больше внимания и сочувствия.

А когда её освободили из неволи, то и вовсе назвалась княжной, в надежде получения преимуществ перед другими невольницами. И в самом деле, Теплов отнёсся к ней в соответствии с её придуманным положением. Но в предчувствии скорого разоблачения, особенно после того, как я предложил сообщить о ней её, на самом деле не родным, родственникам, она решила открыться Теплову. Ей было очень стыдно перед нами, особенно перед Тепловым, Малушей и прислу-

живающими ей девушками.

Кроме этого, после всех ухаживаний Теплова, она строили планы выйти за него замуж, и теперь была в панике, ожидая, что он выгонит её или просто поместит к другим девушкам в цех, где ей придётся работать наравне с ними, и которые начнут её презирать за столь наглый обман. И наверняка будут правы. Теплов был в растерянности и спрашивал у меня совета, как ему поступить. Я оказался в затруднении. Случай этот оказался очень непростым. Я понятия не имел, как бы я поступил в такой ситуации.

Я сказал: – Если ты в самом деле её любишь, то прости её, но только если она пообещает никогда больше не врать. А если её поведение отвратило его от неё, то её лучше увезти подальше, иначе её бывшие подруги по несчастью в самом деле сживут её со света. А уж презирать её будут непременно, это даже к гадалке не надо ходить. С другой стороны, даже если Теплов возьмёт её в жёны, у ней никогда не будет подруг из числа всех женщин лагеря. В лучшем случае, её можно взять себе в наложницы, большего она не заслуживает. Но я думаю, что ей самой будет нетерпимо среди нас, где на неё будут показывать пальцами.

И тут мне в голову пришло очень нехорошее предчувствие. Я вскочил на ноги и крикнул Теплову – Бежим скорее!

И помчался на 3 этаж. За мной побежал ничего не понявший Теплов. Я добежал до квартиры Забавы и ворвался в неё. Но было уже поздно. Тело Забавы висело в петле, конец которой был накинута на косяк двери. Я схватил её и, скинув верёвку с косяка, положил её на пол, пытаюсь расслабить петлю на её шее. Следом за мной забежал Теплов и в ужасе, упав на колени, начал мне помогать.

Мы, общими усилиями, сорвали верёвку с её шеи, и я предоставил Теплову возможность, оказывать ей помощь, а сам отошёл в сторону и со слезами на глазах, смотрел на его попытки воскресить девушку. Теплов тормозил её, делал искусственное дыхание и, слава Богу! Она зашевелилась! Теплов рыдал, как ребёнок, обнимая и целуя её. На шум выскочили Теря с женой, Леонид, обе грузинские княжны со своими служанками, жена Арзамаса и 4 наши наложницы с детьми на руках. Все галдели и толпились в коридоре. Теплов стоял на коленях, удерживая голову Забавы в своих руках. Одна из служанок грузинок побежала за врачом. Забава, мутными глазами взирала в потолок. Теплов взял её на руки и отнёс в кровать, а сам встал подле неё и продолжал обнимать её за шею и шептать что-то ей на ухо.

Я успокоил соседей, сказав, что всё уже позади. Я хотел было объявить, что с княжной случился обморок, но, к сожалению, верёвка с петлёй на полу и след на шее выдавал

произошедшее. Тогда я, обратился ко всем и попросил их, ни в коем случае не рассказывать об этом никому. Несмотря на трагичность ситуации, я отметил про себя, что грузинские княжны весьма красивы. Раньше я как-то не обращал на них внимания, да и они очень редко попадались мне на глаза. Прибежал врач Тарас и его помощник Остап. Тарас отодвинул Теплова в сторону и начал осматривать Забаву.

Та постепенно начинала приходить в себя. Я, между тем, задавался вопросом, а где же Малуша и девушки? Врач заявил, что Забаве ничего не угрожает, но ей придётся несколько дней лежать в постели и лучше всего не волноваться. Кто-нибудь обязательно должен находиться рядом и ухаживать за ней. Теплов заявил, что он сам будет ухаживать. Поняв, что всё худшее позади, народ разошёлся. Теплов попросил меня принести валерьянки, и я отправился к себе. Найдя пузырёк с валерьянкой, я отнёс его в комнату Забавы и передал Теплову. Чтобы не стеснять его, я тут же вышел.

Между тем, новость уже распространилась по лагерю. Виновницей оказалась грузинка, бегавшая за врачом. Скрыть случившееся не удалось. Я вышел на улицу, собираясь разыскивать Малушу. Раздумывая, куда мне идти в её поисках, я заметил, что она приближается ко мне.

– Что случилось? -спросила она у меня.

– Это я у тебя должен спросить – ответил я. – Почему Забава осталась в одиночестве?

Малуша начала рассказывать: – Забава ходила куда-то после обеда, одна. Сказала, что ей нужно к Теплому в кабинет, что-то спросить. Оттуда она вернулась вся не своя, в ужасном расстройстве. Мы её начали расспрашивать, – Уж не обидел ли её кто? Вот тогда она и рассказала нам, что никакая она не княжна, а всего лишь дочь священника из Суздаля. Даже встала перед нами на колени и слёзно умоляла простить её. Уверяла, что её уже наказал Бог, что она запуталась в обмане и ей наверно лучше уйти в монахини. И я, и девушки, сильно рассердились и обиделись на неё.

Ведь мы, как последние дуры, прислуживали ей, кланялись и бегали по её поручениям, выполняя все прихоти. Мы собрали все свои вещи и сказали, что больше не хотим с ней знаться, а поэтому уходим. А она обманщица и Бог накажет её обязательно. Мы пошли к Терентию Петровичу и попросили предоставить нам другое жильё. Он нас распределил в 3-х комнатную квартиру. Я вышла на улицу по делам, а тут прибегает знакомая девушка и кричит: – Забава повесилась! Вот я и пришла узнать про её самочувствие. Хоть она и обманщица, но я к ней очень привязалась.

Да и не со зла она соврала, а это её жизнь поломала, много ей пришлось пережить. Хотя, здесь все горя навидались. – Спасибо вам, что нас пригрели и заботитесь за нами, как за родными. Где бы мы такого отношения к нам горемычным и натерпевшимся, нашли? Я виновата, не углядела за Забавой. И чего вдруг так обиделась на неё? А ведь она как умоляла её простить! – Я успокоил Малушу, сообщив, что опасность для жизни миновала и она приходит в себя.

– Пожалуйста, я прошу от себя лично –попросил я – возвращайся к ней, у тебя хорошо получается с ней ладить. Ты для неё как родная мать! Тащи свои вещи обратно и живи с Забавой. Она поняла свою ошибку и больше не будет. Как говорится –«не суди и не судим будешь!» И девушек зови обратно. Простите её и живите, как одна семья, не таите на неё зла.

Малуша побежала за своими вещами, а я, в раздумьях, вернулся домой. Мои девчата стали меня пытаться: – Чем всё кончится? Раньше я замечал, что они не очень жалуют Забаву, возможно даже завидуют, но случившееся изменило их мнение и теперь они переживали за неё. Я обнял их вместе с детьми и пообещал, что лично прослежу за развитием событий и не позволю обижать Забаву. На ужин Теплов всё-таки заявился и, сев рядом со мной, поведал, что явившаяся вско-

ре, Малуша, выгнала его из квартиры, пообещав, что проследит за Забавой сама. Забава поддержала её и попросила его уйти, чтобы она успокоилась окончательно. Чуть позже вернулись и обе девушки. Теплов признался, что теперь он всё передумал и не взирая ни на что, сделает Забаве предложение. Я поддержал его мнение. Такую любовь надо беречь. Однако, думаю, что конец этой истории ещё очень далёк и неизвестно чем закончится

Кое-что о Грузинском царстве.

19 марта. Понедельник. День начался обычно. Пробежка, завтрак, занятия с волонтерами, после обеда с девушками. В 16 часов собрались у меня в кабинете. Я показал привезённые из Маргелово рубли и копейки. Леонид и Тера были в восхищении от необычайной, для их взгляда, полученной чёткости рельефа и геометрической правильности монет. Я поставил их в известность о нарицательной стоимости рубля и о том, что зарплата будет выдаваться новыми деньгами. Эти деньги получит и наш банк, для обмена валюты. Леониду я дал задание пересчитать стипендии и зарплаты, в соответствии с денежной реформой.

Тере я предложил организовать примерно 20 групп по 4-5 человек, обязательно вооружённых, по крайней мере одним автоматом, передать каждой группе по 20 коней, и послать

по округе, с целью нахождения населённых пунктов, определению количества хозяйств, по возможности, переписывая примерную численность домохозяев и тут же наделять каждое хозяйство бесплатным конём. В результате и нам будет облегчение. Не нужно нам столько коней. Максимальный радиус поиска – дневной конный переход, это около 40-50 км. Жителям вновь найденных населённых пунктов, рассказывать о нашем поселении, разъяснять нашу политику, обещать защиту от нападения, в случае признания за нами права руководить ими и собирать с них налоги. Рассказал о технических достижениях в Маргелово и их планах на будущее.

ке шерсти, льна и других компонентов, необходимых нашему производству. Прораб Килибака сообщил о готовности первого общежития и ещё одного жилого дома. Он же предложил строить впредь 4-х этажные дома, что будет гораздо эффективнее и экономичнее 3-х этажных. Все согласились и одобрили его предложение. Мы также отметили, что в процессе обучения иностранцев русскому языку, достигнуты значительные успехи. Практически все понимают русскую речь в достаточной степени, чтобы понять и самим составить несложное предложение. Одновременно, все изучили азбуку и цифры, умеют считать и производить математические вычисления. Стена строится и достигла высоты 60 см. Теря доложил, что площадь освобождённых земель для посевов, достигла 100 гектаров. На этом все разошлись, а я остался в кабинете, записывая в план необходимые мероприятия. В дверь постучали, и я пригласил входить. На пороге возникли обе грузинские княжны. Я тут же встал и, слегка кивнув головой, предложил им садиться на стулья. Сел на своё место и осведомился у них о цели их прихода. Ненавязчиво, я рассмотрел их вблизи.

Извинился, что до сих пор не нанёс им визита вежливости и даже не знаю их имён. Княжны назвали себя. Старшую звали Этери, а младшую Манана. Говорили они с акцентом, но вполне понятно. Они были двоюродными сёстрами. Отцом Этери был Этерийский Эристав, отцом Мананы – Эри-

став Рачи. Это было небольшое княжество на границе с Аланами на севере, Имеретией на юге, Сванетией на западе. На карте Грузии 20 века, Рача располагалась на севере Грузии, между Кутаиси и Южной Осетией.

Как оказалось, княжество существует уже с 10 века, фактически являясь автономным образованием в границах Грузинского Царства. Я, честно говоря, не очень хорошо знал об этом этапе в истории Грузии и попросил их рассказать об этом подробнее. Как оказалось, после смерти в 1213 году, великой царицы Тамар, первым мужем которой был сын русского князя Андрея Боголюбского, Георгий, а племянником – правящий в Трапезунде император Алексей Комнин, Грузия, считавшаяся одним из самых сильных государств на Ближнем Востоке, соперничая даже с Византией, сильно слабла позиции. Став, после развала Византии, сильнейшей державой региона, вассалами которой являлись все окрестные мусульманские государства, с приходом монголов, потеряла всё. Армия грузин трижды была разгромлена и практически перестала существовать.

Вся территория Грузии, кроме её западной части – Сванетии, Менгрелии, Абхазии и, частично, Имеретии, была оккупирована. Многие крепости и города уничтожены, население угнано в рабство. Царица Русудан, поняв безвыходность своего положения, признала над Грузией верховную власть

монгольского хана; в Восточной Грузии, как в стране, завоеванной монголами, наряду с грузинскими властями, правили ханские чиновники и стояли монгольские отряды. В Западной Грузии, которая монголами была покорена не силой оружия, полностью сохранялась власть грузинского царя.

При этом, Грузия обязалась выплачивать дань, в размере 250 кг золота ежегодно, а также рекрутировать в армию монголов 90 тысяч воинов к 1242 году. Сёстры попали в плен к монголам всего полгода назад, во время захвата Тбилиси, где они находились в гостях у царицы. Вместе с десятками других пленных, их продали Генуэзцам. После нескольких месяцев мытарств, их освободил Теплов и привёз в Воронеж. Во время разговора, я очень хорошо рассмотрел обеих женщин. Обе они были весьма красивы, с отличной фигурой. Старшей было лет 26, а младшей не более 20. Должен признаться, Манана мне понравилась настолько, что я несколько потерялся и начал было рассматривать её в упор, что привело её в смущение, но затем спохватился и взял себя в руки. – Неужели я начинаю влюбляться? – подумал я. Только этого мне ещё не хватало!

Но странное чувство уже начало овладевать мной. В руках появилась противная дрожь, в голосе натянутость. – А ну-ка соберись! – приказал я себе. – Хочешь превратиться в безропотного барана, как Теплов! Воспоминание о страданиях

Теплова и его печальный итог, заставили меня встряхнуться и взять себя в руки. Да, Манана очень красива, стройна, как кипарис, которых я никогда не видел. В отличии от яркой брюнетки Этери, она была почти блондинка, светленькая, беленькое, холёное, не загоревшее личико, нежнейшая кожа, высокая, выше 170 см.

За три месяца, проведённые у нас, обе княжны подобрались, похорошели. Хорошая пища, добрые отношения, вежливость со стороны руководства, помогли им вернуть свои прежние качества, как-то – гордая осанка и несколько надменный взор. Но не для меня. Меня они считали своим новым хозяином, как и Теплова и даже, я думаю, раньше они боялись к нам обращаться и только недавний, печальный случай, показал им нас в новом свете, более человечном. На выделенные им деньги, они купили себе красивую одежду. Даже не представляю, где они нашли именно такую одежду, соответствующую национальным традициям.

Наверняка кое-что сшили сами, что-то вышили. На Манане было длинное платье, перехваченное на поясе ремешком, красивая кофта, сверху камзол с золотыми пуговицами. Честно говоря, я с трудом сдерживался, чтобы не пялиться на неё. Этери наконец сообщила о цели их визита. Они спрашивали у меня: – Возможно ли их возвращение на Родину? Если возможно, то в какие сроки? Как это будет осуществ-

лено? Я успокоил их, пообещав, что приму все меры к их скорейшей отправке. Скорее всего, нам удастся доставить их домой в мае этого года. Я лично доставлю их в Абхазию, Гурию или Трапезунд, куда они пожелают, а дальше, я надеюсь, они найдут способ добраться до Рачи? Девушки обрадовались. Они даже не надеялись, вообще вернуться домой, а тут оказывается осталось ждать всего ничего. Они горячо благодарили меня за моё к ним доброе отношение. Я даже предложил им остаться у нас, а мы им предоставим полную свободу действий, найдём мужей.

Последнее предложение я вставил с некоторой, очень слабой, надеждой на то, что Манана останется у нас в самом деле. Дело в том, что обе они перенесли монгольское пленение, с непременным насилием и не один раз. На Кавказе выйти замуж, не являясь девственницей, проблематично. Это для Этери не столь важно, она замужем и её муж, возможно, жив и примет её в любом состоянии. Что интересно, Манана, на моё предложение, встрепенулась и бросила на меня очень заинтересованный взгляд, который проник в мою душу и выстроил между нами неустойчивую связь, ниточку, но имеющую тенденцию к укреплению, по которой проскочила искра взаимопонимания.

Я почувствовал, что при достаточном упорстве с моей стороны, есть надежда на взаимность. Всё это, промелькну-

ло, между нами, в одну секунду, но мы оба поняли друг друга. А я утвердился в мнении, что Манана и есть, то самое, что мне нужно в этой жизни. – Нет, я её так просто не отпущу! – решил я. Этери решительно возразила на моё предложение, она не представляла своей дальнейшей жизни вдали от своего мужа и родных. Выявилось, что у неё оказывается имеется ребёнок и она ничего не знает о его судьбе. Понятно, что Манана вряд ли останется одна и предпочтёт уехать с Этери, поэтому мне следует вплотную заняться её привлечением к моей персоне.

Чтобы подольше задержать их при себе, я начал их расспрашивать об их жизни в Грузии. Манана рассказала, что её отец, Бадри Кахаберидзе, приходится правнуком знаменитому Кахаберу Второму и правит с 1233 года. Кроме Мананы у него есть ещё дочь и два сына, старшему из которых уже 24 года и с годами он займёт трон своего отца. Меня поразило известие Мананы о том, что в Раче чеканят собственную монету из серебра, добываемого на их территории. Вообще-то, я и слыхом не слыхивал об этом княжестве. Этери, жена князя Анчабадзе, очень интересовалась принадлежностью нашего посёлка. Она много слышала про Русь, про её князей.

От неё я, к своему удивлению, узнал, что женой знаменитого Всеволода Большое гнездо, сына Юрия Долгорукого, была грузинская княжна. Получается, что у всех потомков

Всеволода имеются грузинские корни! Этери не могла понять наших странных отношений в посёлке, отсутствию у нас слуг, а с другой стороны, наличие у меня и Теплова, считающих себя православными, по 2 наложницы. Удивлялась нашему юному возрасту. Вообще всё, что они увидели воочию в нашем посёлке, совершенно не соответствовало их понятиям о феодальных отношениях между господами и слугами.

Я даже не знал, как ответить на их вопросы. Пришлось выкручиваться. Рассказал легенду о России в Ледовитом океане и о нашей миссии по защите православия в лице Руси. Эта история крайне взволновала и удивила княжён, для своего времени имеющих самое высокое образование, знающих греческий и турецкий языки, знакомых с работами известных историков и географов и заставила взглянуть на меня с совершенно другой стороны. Наша беседа продолжалась до ужина и я, с неохотой, отпустил их, а сам отправился в столовую. С некоторых пор, разнообразие подаваемой в столовой, еды, просто поражала.

Конечно же, в этом была заслуга двух турецких поваров из Судака, которые, кроме приготовления пищи, обучали своему ремеслу 10 девушек и 10 парней. Вкусная и разнообразная еда, радовала глаз и желудок, приводила в добродушное настроение. Я уже не раз хвалил турок и предлагал им остаться у нас навсегда. Вообще-то я обещал их отпустить

через год. Турки, зная о печальной судьбе их родного города, никак не могли прийти к единому мнению, но я их не торопил. Пусть привыкают к нам.

Знакомство с регионом.

20 марта. Вторник. С утра сформировали 30 отдельных групп, в составе 2-х курсантов с автоматом и карабином, трёх дружинников, с обычным вооружением и двух

табунщиков из числа новоприбывших. Всем им придавалось по 30 лошадей, кроме своих, с задачей – пройти в одном из 30 предложенных направлений, 30-40 км от посёлка, в поисках поселений, для их переписи и агитации по вступлению в наше, свободное от рабства и княжеского произвола, общество. Я посоветовал им держаться настороженно и опасаться провокаций. После их отъезда, проследовал обычный рабочий день. В 16 часов собрались на совет. Выступил главбух Леонид.

За два дня он пересчитал зарплаты рабочим и стипендии волонтерам в рублях. Стипендия становилась равной 50 рублей в год или 4 рубля 16 копеек в месяц. Соответственно рассчитали и зарплаты рабочим и другим специалистам. На сегодняшний день, в кассе посёлка имеется валюты на 13080 дукатов золотом, серебра 47943 милисиариев, а также привезённые мной 1000 червонцев, 1000 пятирублёвых монет и

мелочи на 2000 рублей. Если всё это округлить и перевести в рубли, то у нас имеется приблизительно 120 тысяч рублей. Точно сказать невозможно из-за разных весовых категорий милисиариев, флоринов, драхм и дирхемов. Сумма приличная, но, к сожалению, весьма недостаточная для содержания всех нас. Мы тратим в год до 80 тысяч рублей, то есть этих денег нам хватит ещё на полтора года.

– Мне очень жаль, – произнёс Леонид, обращаясь в сторону меня и Теплова. Назначенная вами стипендия волонтерам и зарплата рабочим, превышает все разумные пределы и составляет сумму в 3-4 раза выше средней зарплаты на Руси. К примеру, княжеский дружинник получает всего одну гривну в год, а у вас 2. Я боюсь, что нам придётся понижать стипендии и зарплаты до среднего уровня.

– А ведь он прав, – подумал я. – Это, мы погорячились. Хватанули один раз добычу и давай транжирить! Экие мы хорошие! – Однако я встал и сказал – Господа, я согласен с Леонидом Фёдоровичем, что зарплата у нас слишком высокая, но дайте нам срок до июня и, если нам не удастся выправить положение, то мы в самом деле будем вынуждены её снижать.

На этом все разошлись. Со мной остался Теплов. Он рассказал мне, что состояние Забавы пришло в норму, но она

теперь изъявила желание уйти в монастырь. Теплов уже объяснился ей в любви и просил выйти за него замуж, да и Малуша её уговаривала, но та упёрлась. Что мне делать? Здесь я, с ужасом заметил, что его проблемы стали и мне близки. Я уже понимал его, как себя самого. – Неужели и меня коснётся подобное? – думал я. Тем не менее, я ему ответил: – Ты знаешь, Валера, мне кажется, что Забава, из тех женщин, что получают удовольствие от причинения мучений людям их любящим. Есть такая порода, называются энергетическими вампирами.

– Мне очень неприятно тебе это говорить, но я думаю, что Забава не та девушка, которую ты заслуживаешь. Забаве нужен мужчина, который будет над ней владычествовать. Она даже будет счастлива, если он ударит её или даже избьёт до крови. Короче ей требуется не воздыхатель, а хозяин с кнутом. Никак иначе я не могу это охарактеризовать. Забава истеричная и крайне эгоистичная натура, которой требуется ремень. А ты, как я вижу, сам загнал себя в капкан и изводишь себя незаслуженной жалостью к ней. Я могу тебе посоветовать следующее. Приволоки её силой в свой кабинет и прямо скажи, что достаточно ты слушал её сказки. Ты берёшь её в жёны и никаких оправданий и отказов слышать не намерен. А если она начнёт изображать оскорблённую и несчастную, дай хорошую пощёчину или две. И там же в кабинете трахни её, как последнюю девку. Насчёт дивана я

распоряжусь и завтра же его тебе поставят в кабинет. И вообще, займёшь на этом этаже, для жилья, один из свободных кабинетов, на время. А там будет видно.

Теплов выслушал мою речь, не перебивая. Я по его лицу видел, что он набирается злости и решимости. Завтра мы посмотрим, чего стоит эта самая Забава! А вот как поступить мне? Начать ухаживать за Мананой? Я представил себе сцены ревности от моих подружек. Скрыть от них наши взаимоотношения? Каким образом? И как я буду ухаживать за Мананой, которую стерегут Этери и служанки? Одни лишь вопросы без ответов. Но на всякий случай попрошу завтра Терентия Петровича поставить и в мой кабинет диван. Диваны предложили делать плотникам ещё в Маргелово.

Здесь, мы с Тепловым, сообща нарисовали эскиз очень удобного дивана, который начали у нас делать и уже изготовили десяток. Пока никто из руководства посёлка не взял ни одного, и они стояли на складе. Народ ещё не был привычен к такому предмету роскоши, но завтра я два дивана заберу. В любом случае, он пригодится, чтобы отдохнуть в своём кабинете от трудов праведных. Кстати, необходимо предложить Тере завести себе пару заместителей. Не гоже ему одному заниматься хозяйственными заботами. До ужина оставалось ещё минут 40, и я пошёл к себе, на ходу изобретая повод выманить Манану к себе в кабинет. Кстати, обучая русских де-

вушек грамоте, давая образование будущим преподавательницам, часто ловил озорные взгляды от молоденьких и хорошеньких русских девушек, но почему-то душа не лежала к ним.

Хотя игривые мысли лезли в голову, но я помнил правило, что преподавателю, ни в коем случае, не следует флиртовать с ученицами. Это считается дурным тоном. Идя к себе, постучал в квартиру Мананы. Дверь открыла служанка. Я вошёл и увидев удивлённую Манану, извинился и заявил, что хочу спросить у неё, как они собираются учить в дальнейшем русский язык, поскольку Забава уже не в состоянии им преподавать? Манана предложила мне сесть и сама, усевшись напротив меня, спросила: – Что я могу предложить?

Я, конечно же, предложил самого себя в качестве преподавателя. Время до ужина, примерно час, у меня не занято и я могу, если они не против, учить их русскому языку и арифметике. Манана обрадованно захлопала в ладоши и закивала головой в знак согласия. Девушкам было скучновато и даже уроки им казались развлечением.

– Давайте будем заниматься у меня в кабинете на 1 этаже, чтобы далеко не ходить, с 5 до 6 часов вечера –сказал я. Манана согласилась. Я ещё добавил, чтобы она предупредила Этери и уже завтра я буду их ждать там. Манана опять кив-

нула головой.

Мне показалось, что она избегает смотреть на меня, а лишь украдкой бросает на меня взгляды. В любом случае, я не заметил, чтобы она проявила неудовольствие моему приходу или как-то проявила признаки неприязни или равнодушия ко мне. Более того, она начала задавать мне вопросы о моей прежней жизни на острове Россия. Мне показалось, что ей приятно моё общество и моя душа просто запела. Как мне приятно было глядеть на её милое, почти детское лицо, слушать приятный голос с забавным акцентом! Мы были вдвоём, служанки болтали о своих делах в другой комнате. Я находился настолько близко к Манане, что чувствовал её запах и едва сдерживался, чтобы не схватить её в свои объятия. Поняв наконец, что дальнейшее моё пребывание здесь становится неприличным, я откланялся и ушёл.

Настроение было прекрасным, и я чуть ли не летел на крыльях. Дома я поиграл с детьми. Они уже всюю ходили и даже бегали, падали и вновь поднимались. Когда я приходил домой, дети мчались ко мне, и я подхватывал их на руки. Я очень любил детей и торопился домой, чтобы обнять их и поцеловать. А вот к девчонкам я несколько охладел, хотя каждый вечер, в обязательном порядке, исполнял свой супружеский долг. Наша совместная жизнь тянулась уже третий год, и мы привыкли друг к другу. Уже не было тех юношеских,

порывистых и жарких схваток в постели. Всё шло степенно и, можно сказать, хладнокровно.

23 марта. Пятница. К обеду вернулись последние разведчики-переписчики, раздавши коней где-то далеко от нас. Отработав последние уроки с будущими педагогами, в 16 часов, собрали руководство и последнюю группу путешественников, чтобы выслушать их рассказ. Рассказы всех остальных групп мы уже выслушали ранее и составили кое-какое впечатление об окружающей нас территории. К примеру, группы, посланные на север и северо-запад, встретили на своём пути леса и скрывающихся в них русских поселенцев из южных княжеств Руси и Литвы.

Они группировались в маленькие деревеньки по 3-4 семьи, обитая в землянках и занимаясь, как хлебопашеством на ограниченных площадях выкорчёванного леса, так и охотой, бортничеством, собиранием грибов и других даров леса. Эти люди старались жить скрытно и не задерживаться на одном месте. Группы эти, старались поддерживать дружеские отношения с другими подобными группами, живущими неподалёку. Подаренных коней они приняли с радостью. О нашем поселении, некоторые группы уже слышали и оповещали о нём соседей. Даже без наших обещаний и посулов, все они уже приняли решение продвигаться поближе к нам, к местам компактного проживания, надеясь на большую без-

опасность вблизи с крупными военизированными поселениями.

Так было и раньше. За форпостами пограничников двигались и мирные жители, обустроиваясь вокруг крепостей и монастырей, образуя, с годами, города. А вот к западу, югу и востоку, лесная зона уступала место лесостепи с незначительными лесными массивами, где скрыться от монголов или, ранее, половцев, было затруднительно. Только вдоль Дона и впадавших в него речушек, оставались наиболее крупные лесные массивы, в которых также удалось обнаружить немало подобных поселений. Кстати, в тех краях, группа подверглась нападению разбойников.

К счастью, удалось вовремя заметить нападавших и принять меры к защите. Была уничтожена практически вся банда из 30 человек. Двое были захвачены в плен и привезены к нам. Я сам допрашивал этих людей. Они пришли из Литвы и занимались разбоем на Дону и вдоль него, грабя малочисленных поселенцев. Между прочим, все они были ничуть не богаче тех людей, которых они грабили. С них нечего было взять. Оружием у них служили рогатины и дубьё, пяток мечей и несколько топоров. В основном они довольствовались отобранными продуктами и одеждой. Их ввела в заблуждение малочисленность нашей группы, и они напали на неё, особенно не скрываясь, надеясь задавить группу числом, но

жестокосчитались. Двое пленных оказались мужиками в возрасте за 40 лет, тщедушных и запуганных, но отличающихся жестокостью. О действиях этой банды мы узнали по рассказам поселенцев, живущих в тех краях. Бандиты грабили и убивали беззащитных людей, отнимая всё, до последней нитки. После допроса я велел отвести их в лес и прикончить.

Никакой практической пользы от них, было невозможно получить. А вот на севере и северо-востоке, обитали в основном Эрзя, там находился их крайний, западный ареал расселения, а восток, опять же, был мало заселён из-за открытой местности. А вот что рассказала последняя группа.: путь их следования пролегал в юго-восточном направлении. Уже через 10 км закончился лес и началась степь с редкими островками лиственных рощ. В конце конного перехода, встретили всего одно поселение, прячущееся в небольшом лесном массиве, вдоль безымянной речки.

Всего 5 семей, живущих в землянках, занимающихся рыбной ловлей и огородничеством. Отдали им 5 коней, вызвав взрыв благодарности. По поводу дальнейшего пути в том же направлении, они сообщили, что ещё в почти двух конных переходах, протекает река Медведица, а чуть дальше Хопёр, впадающие в Дон. Там живут большими группами, люди, называющие себя казаками. Чем они занимаются, им не известно, но об этом нам могут рассказать, живущие чуть дальше

поселенцы, имеющие с казаками отношения. Утром, заинтересованные рассказом этих людей, мы двинулись дальше. К середине дня обнаружили ещё одно поселение.

Оно расположилось у маленькой речушки, впадающей в большое болото, окружённое дубравой. Всего четыре землянки и полтора десятка человек, занимающихся огородничеством, охотой и рыбной ловлей. Крайняя нищета, отсутствие домашних животных, кроме двух собак. Подарили им 4 коней, чему они обрадовались и

благодарили, не в состоянии что-то дать взамен. Питались они сушёной рыбой и репой, последнего урожая. Их национальность мы не смогли определить, но они, хотя бы говорили по-русски. От них мы узнали, что ещё дальше обитают те самые казаки.

Они не сеют и не жнут, живут промыслом. Охота, бортничество, рыболовство, разведение коней и баранов. Живут они хуторами по 2-3 семьи, группируясь вокруг небольшой крепости, называемой станица. В станице живут семей 30-40 и имеет резиденцию, выбираемый ими, атаман, который руководит казаками во время военных действий и выполняет функции судьи. В случае нападения, все жители хуторов скрываются в крепости и отражают нападение.

Лесостепь в Воронежской области

Раза 2-3 в год, они собираются в ватаги, по несколько стаиц и, числом до 500-600

человек, отправляются на юг в лодках или на конях, имея по паре коней в запасе, почти, как половцы, от которых они и переняли большинство своих привычек. Они нападают на живущих в тех краях черкесов, алан, касогов, грузин и других. Захватив добычу и полон, возвращаются. Продав по пути пленных итальянцам в Тане, с собой забирают молодых

девушек и живут с ними, как с жёнами.

А церквей у них нет и верят они в кого хотят. О женитьбе, к примеру, было достаточно объявить народу, для чего жених и невеста приходили на казачий Круг, кланялись пояс-но во все стороны, и жених-казак, принародно обращался к будущей супруге, говорил, называя ее по имени: «Ты, Катерина, будь мне женой!». Невеста, поклонившись ему в ноги, смиренно ответствовала: «А ты, Михайло, будь мне мужем!»

–«Любо ль, атаманы-молодцы, благословить новых мужа и жену?» – спрашивал казаков атаман и первым кричал: – Любо! – Любо! – поддакивали ему казаки, и брак,

свершенный таким образом, считался действительным. Таким же образом можно было и развестись. Иногда, в союзе с бродниками, они выплывают на лодках, называемых «Чайка», в море и грабят любые корабли, не имеющие защиты, а порой нападают и на

военные корабли и города на побережье Крыма. Часто нанимаются в охрану купцов, следующих по Дону или передвигающихся с караваном по степи. На Русь обычно не нападают, поскольку в большинстве сами являются русскими. Но в их среде много и половцев, хазар, черкесов, армян и даже евреев.

Одеваются они, как турки, предпочитая их свободный покрой одежды – в шаровары и сапоги. Группа не решилась

продолжать путь дальше и вернулась обратно. Обобщив все полученные данные, я и Теплов примерно смогли представить себе окружающий нас регион. Мы находились на границе лесов с лесостепью. На юге от нас уже начинались настоящие степи, открытые со всех сторон и дающие возможность проживать кочевникам-скотоводам. Если бы не опасность нападения, здесь можно было бы устроить великолепные сады и пашни. Самые плодородные земли во всей Европе, чернозёмы толщиной в несколько метров.

Так и будет через 500 лет, долго ещё ждать. Мы смогли определить примерное количество населения округи на площади в 4000 кв. км. Из 900 отправленных лошадей, вернулись менее 50, что означало наличие, по крайней мере, 850 хозяйств или, по грубым расчётам 4-5 тысяч человек. А если принять во внимание тех людей, которые избежали встречи с нашими посланцами, то 6-7 тысяч, без учёта людей, живущих в радиусе 5 км от нашего посёлка, многие из которых подтянулись к нам с периферии, узнав о нашем наличии. Получалось, что плотность населения в нашей округе едва достигает двух человек на квадратный километр. Без сомнений, до нашествия монголов, здешние места были гораздо многолюднее. Кстати, я велел принести в наши с Тепловым кабинеты, по дивану. Теплов всё ещё не решился разобраться с Забавой, а я уже два дня учу грузинок русской грамматике и арифметике. Для меня эти уроки пытка. Хочется

схватить Манану и сжать в объятиях, но это невозможно.

На уроке присутствуют аж 6 девушек, которые прилежно слушают меня и решают на чёрной доске, которую мне поставили в кабинет, задачки. Диван стоит в углу и ждёт своего часа. Его появление было не замечено девушками, наверно подумали, что он уже стоял здесь с самого начала. Узнав, что лес, в восточном направлении, заканчивается совсем рядом, я и Теплов, в сопровождении десятка дружинников, проехали в том направлении и определили, что уже через 3 км от лагеря, следует голая степь. Мы велели немедленно прекратить вырубку леса по всем направлениям, а в восточном, прорубить просеку на 3 км, шириной 3-4 метра, с выходом в поле.

Зачем рубить лес, когда рядом бескрайние луга с чернозёмом? А лес –это народное достояние, его надо беречь. Как раз в предполагаемом выходе к полю, примостилась деревенька Эрзя с десятком землянок. Они использовали примерно 7-8 гектаров поля.

Поговорив с ними, я объявил им, что, начиная с этой весны, мы будем засеивать на этой целине столько земли, на сколько у нас хватит посевного материала. Эрзя могут оставаться здесь и продолжать сеять зерно на своих участках, но уже наше зерно, а своё могут оставить себе, с условием, что полученный осенью урожай, они могут продавать только

нам. Мы прикинули, что захватим полосу от леса, шириной в километр или два и распашем в глубину тоже на километр. В то же время, на противоположной стороне предполагаемого поля, необходимо устроить небольшой форт.

Для этого огородить там забором площадку в 1 гектар, а в центре её поставить здание в 3 этажа из мощных брёвен, выполняющую роль крепости, с башней метров в 12-15, для наблюдения за округой. В здании разместить десяток дружинников, сменяющихся раз в сутки, с одним волонтером при автомате и ракетнице, для несения пограничной службы с этой стороны. Лесорубов, после окончания работ по устройству дороги к полю, перевести на строительство форта. Поле даст нам возможность полностью обеспечить себя продуктами питания, а ещё, возможно, для закладки запаса на будущее.

Дела любовные.

24 марта. Суббота. Сегодня короткий день и баня для волонтеров. Провели всего две пары лекций. Волонтеры отправились в баню, а мы провели короткое совещание до обеда, на котором я предложил установить связь с казаками. Наверняка они имеют шерсть, поскольку разводят баранов. А нам шерсть очень нужна. Мы можем найти и другие взаимовыгодные интересы. Тем более, что до них всего два кон-

ных перехода, а до границы с Пронским княжеством целых четыре! Согласились организовать посольство в два десятка человек во главе с одним офицером. Отправку назначить на понедельник. Подготовить кое-какие подарки для атамана. А я, пожалуй, слетаю в том направлении, чтобы уточнить место их нахождения и отсутствие опасности по дороге.

Пока не стемнело и снег ещё не тает, я решил не откладывать и лететь немедленно. Я отправился домой, чтобы одеться потеплее. По пути постучал к княжнам и сообщил им, что сейчас произойдёт очень интересное, никогда ими не виданное событие. Если они хотят увидеть, то я приглашаю их на ВПП со мной. Я переделался в тёплую куртку, шапку, валенки. Позвал Алёшку и вышли на улицу, где нас ожидали обе княжны. Пошли к самолёту. С нами отправились Теплов с Забавой и Малушей, Теря и несколько десятков любопытных. Я, честно говоря, хотел произвести впечатление на Манану.

Никто из грузинок, раньше не видел самолёта. Мы с Алёшкой уселись в самолёт и я, помахав провожающим, закрыл фонарь и пошёл на взлёт. На часах 2 часа дня, солнце почти в зените. Под нами разворачивается панорама дикого поля, перемежающаяся с небольшими островами лесов, пересекающих поля рек и оврагов. Видимость прекрасное на десятки километров. Кроме редких стад антилоп, видели три

поселения справа и слева от маршрута. Через 40 минут полёта заметили постройки. Явно небольшая крепость, обнесённая тыном. Примерно 5-6 гектаров. Внутри крепости постройки. В небо струится дым от печей. Мы летим на высоте в 3 км.

Можно разглядеть людей, снующих между постройками, табун лошадей, гурты овец. Я разворачиваю самолёт, и мы возвращаемся обратно. Спидометр отметил 110 км до станции. С маршрутом мы угадали очень точно. Искать не пришлось. Никаких вражеских отрядов по пути не встретилось. Безлюдная, заснеженная степь, прямо как над Антарктидой. Приземлились в 16 часов 15 минут. Я уже приноровился, взлетаю на трёх моторах, а лечу потом на одном. Экономия топлива и моторесурса одновременно.

Вылетаем из самолёта, и я иду докладывать о полёте, оставив Алёшку заботиться о машине. По пути встречаю гуляющих Манану и Этери. С ними их служанки. Они останавливают меня и восторженно поздравляют с возвращением. Я целую им руки по очереди. Когда я склонился над рукой Мананы, она шепчет: – Перед ужином в твоём кабинете. Я делаю вид, что ничего не произошло, но во мне, будто бы, взрывается бомба! Я чуть не теряю сознания, но с громадным усилием, сдерживаюсь, и отвечаю какими-то ничего не значащими фразами, не отдавая себе отчёта. В голове пому-

тилось, и я быстро уйду от них, бормоча, что очень тороплюсь.

Я нахожу Теплова и Терю и мы идём ко мне в кабинет. Я рассказываю о полёте, чувствуя, что у меня горят щёки. Немного прихожу в себя и заканчиваю рассказ. Показываю по карте маршрут движения и отпускаю всех, говоря, что устал и хочу отдохнуть. Сам снимаю с себя куртку с меховым воротником, шапку и сажусь за стол. В голове картины, одна краше другой – я и Манана. В это время слышу в коридоре возню и вскакиваю, но это оказывается голоса Теплова и Забавы. Он тянет упирающуюся Забаву в свой кабинет, расположенный через стенку с моим.

Слышу, как закрывает дверь ключом. Забава что-то верещит испуганно и возмущённо. Затем чётко различаю звук пощёчины, вскрик, затем шум борьбы, скрип дивана, громкий шёпот: – Нет, нет, только не это! Потом вздохи, стоны, мерное раскачивание и вот уже стоны переросли в восклицания восторга и удовольствия, закончившиеся общим вскриком, и тишина. Ну вот, наконец-то Теплов решил. Я уверен, что теперь у них всё наладится. И в это время раздаётся тихий стук в мою дверь. Я кидаюсь к двери и распахиваю её. В дверях стоит Манана, совершенно одна. Я пропускаю её в кабинет, отступив на шаг и она идёт мимо меня овеивая приятным запахом каких-то духов.

У меня больше нет сил. Она начинает было что-то говорить, но я обнимаю её за плечи. Она испуганно смотрит мне в лицо и вдруг начинает заваливаться на пол. Я хватаю её за руки и несу к разложенному дивану. У меня всё дрожит, я не могу говорить. Ложу её на диван, а она протягивает свои руки и обнимает меня за шею. Её глаза закрыты, а губы тянутся к моему лицу. Я впиваюсь в её губы поцелуем и не отпускаю их до самого конца, задираю её платье вверх, стягиваю шаровары с неё и брюки с себя, ложусь на неё, проникаю внутрь, она стонет, очень громко, яростно хватается за меня за спину, царапает её, обхватывает меня ногами, вжимается в меня насколько возможно. Я читал, что кавказцы очень горячие и это видно, даже по такой хрупкой на вид девушке.

Между тем возобновляется шум в соседней комнате. Манана открывает глаза и с удивлением смотрит на меня. Я тихонько шепчу: – Это Забава с Тепловым. Манана сердито хмурит брови, но я не даю ей никакой возможности и вновь целую её в губы... Когда мы успокоились, часы показывали половину восьмого. Манана вскочила: – Мне надо на ужин к Этери. Мы всегда ужинаем вместе. -

Я помогаю ей одеться, когда за стенкой вновь начинается новый раунд. Мы улыбаемся друг другу. Я спрашиваю: – Завтра в это же время? Она кивает и уходит. Стены в штабе

временные, из досок. Мы не были уверены в именно такой планировке и оставили себе возможность перестроить помещения. Поэтому звукопроницаемость между комнатами высокая. Я сижу за столом и прихожу в себя. Хотелось ещё раз испытать подобное.

Казалось, что я чего-то недополучил, но всё равно было очень хорошо. Ладно, на сегодня достаточно. Я оделся и отправился на ужин. Усевшись за стол с подносом еды, я заметил, что в столовую входят Теплов и Забава, причём он поддерживает её под руку. На лицах обоих умиротворённое выражение. Забава пришла в столовую впервые и Теплов, усадив её напротив меня, пошёл за едой. Я посмотрел на красивое лицо Забавы, её губы были натурально синего цвета, а шею она прикрывала вязаным шарфом. Мы улыбнулись друг другу, и я продолжил принимать пищу. Подошёл Теплов с двумя подносами и поставил один из них перед Забавой. Улыбка не сходила с его лица, а ещё он усмехался, будто вспоминал что-то смешное.

– Спасибо, Фёдор – сказал он мне, а я ответил –

– Чего уж там, свои люди, сочтёмся! – и пошёл на выход.

Мы устанавливаем добрососедские отношения с казаками.

31 марта. Суббота. Неделя прошла сумбурно. У меня практически не хватало времени, чтобы подготовиться к очередным лекциям. Хорошо, что память хорошая. Есть что вспомнить и рассказать волонтерам и курсисткам. Зато я чувствую себя счастливым, хотя уже несколько раз ночевал в своём кабинете. Ещё это громко сказано –ночевал!

Почти до утра мы резвились с Мананой на диване, и я отрубался на нём уже без сил. А утром мчался в квартиру, переодевался и бежал на утреннюю разминку, возвращался обратно, под угрюмыми взглядами Веселины и Бажены, умывался, переодевался и уходил в учебный корпус, читать лекции. Мне было очень неудобно перед моими

подругами и, когда я возвращался с работы домой, после 17 часов, то до ужина играл с детьми, рассказывал девчонкам весёлые, на мой взгляд, истории, случившиеся за день, всячески старался оправдаться перед ними, как всегда безрезультатно.

Зато Теплов расцвёл. Малуша и девушки переселились в общежитие, оставив в квартире Теплова с Забавой. Теперь на эту пару было приятно взглянуть, когда они прогуливались, взявшись за руки, или чинно входили в столовую. После занятий, Теплов мчался домой, неся какой-нибудь очередной сувенир для Забавы, а та встречала его в дверях, це-

ловала и повиснув на его шее, заставляла тащить себя в комнаты. Счастливая семейная парочка, можно сказать идиллия. Наложницы Теплова продолжали жить в его квартире, воспитывая его детей. Нельзя сказать, что они были несчастны, но они держались. Времена были такие, суровые, и люди такие же, можно сказать, закалённые.

Воспринимали всё так, как оно есть, без претензий и жалоб. Ещё три дня назад ко мне подошла Этери и, с осуждением, глядя мне в глаза, отчитала за связь с Мананой. Я извинился и заявил, что женюсь на Манане. Просто мои эмоции настолько захватили меня, что я не смог сдержаться. Этери немного успокоилась и взяла с меня обещание, что я не обижу Манану. Я хотел было съехать в квартиру Мананы, но передумал и оставил всё, как есть, до поры. Ночевал у Мананы, но умываться шёл к себе, там и переодевался. Всё время после работы до сна, проводил со своим детьми и девочками.

К проведению лекций готовился в кабинете, где мне никто не мешал. Сегодня около 13 часов в лагерь вошли вернувшиеся послы от казаков, с обозом и группой людей в необычной одежде. Меня и Теплова предупредили о подходе группы с главного КПП и мы, прервав лекцию, отправились к входу. Стена вокруг посёлка достигла высоты 60 см, ворот ещё не было, но вход был чётко обозначен. Теплов и я, а также десяток волонтеров встречали гостей перед штабом. Впереди

скакали наши волонтеры, за ними группа конных воинов, видимо казаков, а за ними несколько саней. Главным посланцем я назначил своего бывшего старшину, а сейчас поручика Инжевата, которого я называл Женя, а сейчас придумал ещё и фамилию. Он теперь отзывался на имя – поручик

Евгений Инжеватов. Поручик отрапортовал нам о выполнении задания и доложил, что с ним прибыли для переговоров, атаман станицы Успенская.

К нам подошёл, одетый побогаче других, плотный, коренастый мужчина, лет 40, с усами и бородой лопатой. В правом ухе у него висела серьга. На голове блестящий шлем, на туловище кольчуга. На поясе меч. Всё, как полагается, для благородного воина. Он слегка поклонился и представился: - Степан Кочебор, сын Данилов.

Мы представились по званию и фамилии. Тут же велели окружающим нас дружинникам принять коней у казаков и отвести в конюшню. Кочебор показал на сопровождавших его казаков и представил: – Это мои молодцы, старшина станичная.

В слове старшина, он сделал ударение на второй слог, выделяя этим множественное число. Подвёл нас к одному из возов и указал: – Это вам в подарок! В санях лежали скрученные тюки овечьей шерсти, килограммов на 200. –

Вот ещё три воза, принимай хозяин! Не побрезгуй, чем богаты! Мы с Тепловым поблагодарили атамана и предложили всем гостям пройти в столовую. Для этой цели отвели угол перед окном. Поставили столы буквой «П», примерно на 20 человек. Как раз, так и вышло. Казаков было двенадцать, с ними уселись я, Теплов, Теря, Леонид, Арзамас и Инжеватов. На стол начали накрывать дежурные по кухне. Обед был вообще-то рядовой, мы никого не ждали, но из-под рук турецких поваров выходили такие перлы, что и для боярских пиров не стыдно предложить.

За столом мы поинтересовались здоровьем атамана, его семьи и родственников. От атамана следовали аналогичные вопросы. Было очевидно, что казаков поразил факт присутствия на обеде до тысячи человек, притом некоторых в цепях, и все в общем зале и совместно с руководителями! По виду гостей было заметно, что обед им понравился. Мы вышли из столовой и проводили гостей до штаба. В том же составе, что и в столовой, расселись в кабинете Терентия Петровича. У него не было дивана и царил образцовый порядок. Здесь мы перешли на конкретику.

Атаман рассказал, что монголы сильно побили казаков. Чтобы не быть уничтоженными поголовно, пришлось признать их власть. В результате, их обязали выделить каждого пятого казака в ордынское войско, соответственно забра-

ли каждую десятую лошадь, овцу, корову, курицу, гуся и т.д. Так же положили им выплачивать денежный налог, пока только 100 гривен единовременно, а позже, когда будут сосчитаны все хозяйства, то и налог сосчитают пропорциональный. На будущее их обязали сопровождать всякого монгольского гонца, меняя ему лошадей, давая пропитание коню и гонцу.

То же, в случае прохождения отдельных отрядов монголов и многое другое. Кроме этого, они разграбили станицы и ушли. По словам Степана, выходило, что, начиная с их станицы, которая располагалась на самом северо-западном краю их содружества, до низовья Дона, проживают, по некоторым данным, на настоящий момент, около 3000 мужчин, способных носить оружие, всё что осталось. Возможно, чуть больше или меньше, точных данных нет. Все они объединены под общей властью одного выборного атамана, которого выбирают атаманы станиц. Во всём царит демократия.

Все доходы делятся поровну, в зависимости от вклада в общее дело и должности. Взимаются средства на содержание аппарата управления. Казаки никому не платят дани, кроме монголов и никому не подчиняются, кроме, всё тех же монголов. Население пополняется за счёт беглых крестьян и свободных переселенцев, не желающих платить налоги князю. У них полный интернационал – принимают все националь-

ности, без исключения. Лишь бы выполнял все необходимые требования.

Кзаки торгуют с Генуэзцами и Венецианцами, Черкесами и Касогами, с Мордвой и Булгарами и т.д. Продают шерсть, баранов, коней, рыбу, а покупают, в основном, зерно, так как сами его не выращивают. – Чем мы можем быть полезны друг для друга? -спросил Теплов. – Мы можем вам продавать коней, кожу, шерсть и овец- отвечал атаман. – А можем вместе ходить на черкесов и турок.

– Да – согласился я. – Нам нужны кожа и шерсть. А скоро мы сможем предложить вам муку и кое-какие овощи, имея в виду картофель. Только после сбора урожая.

– А как вы ладите с монголами? – спросил атаман.

Ответил Теплов: – Мы с ними не воюем. У нас с ними, тоже мирное соглашение, – не вдаваясь в подробности, заявил он. – Предложение о совместных походах, очень дельное – продолжил Теплов. – Как вы смотрите на то, что мы вас пригласим поучаствовать в набеге на Константинополь?

Атаман опешил: – Да вы что? Ведь это же надо плыть через море, мимо турок и венецианцев. И вообще, для такой авантюры, потребуется тысяч семь воинов! Может у вас есть

союзники на Руси?

– Есть – ответил я. – Вы, главное, согласны?

Атаман оглядел своих соратников и пожал плечами. – Такой вопрос мы должны решить с народом. Надо казачий круг созывать.

– Хорошо, -согласился Теплов – Мы подождём до мая.

После этого мы организовали экскурсию по Воронежу. Казаки поразились размерами наших кораблей. – С такими кораблями и турки не страшны – заметил Степан. Кочебор. Между прочим, его имя означало – «борец с кочевниками». Видимо до монголов, он знатно бил половцев. Показали производство. Казаки восхищались примусами, керосиновыми лампами, фонарями «Летучая мышь», ручками с металлическим пером, стеклянным изделиям, коврам и вязаным изделиям. Особенно их удивила организация труда. Сотни людей, занятых на производстве, работающих вместе в светлых помещениях. Сам лагерь и здания для учёбы, работы и проживания. До самого ужина мы удивляли гостей нашими достижениями, пока они совершенно не устали.

Мы поужинали в столовой. На этот раз ужин приготовили выше всяких похвал. Довольные приёмом и усталые гости

были отведены в гостиницу, размещённую на 3-м этаже столовой. Мы тоже разошлись по домам. Я и сам устал порядком, поэтому, немного поиграв с детьми, ушёл спать в кабинет. Ещё немного поразмышлял на тему, чем отдариться казакам и что ещё можно извлечь полезного, от нашей, с казаками, дружбы.

1 апреля. Воскресенье. Сегодня выходной. Подъём в 8 часов. Все идём завтракать. С нами казаки. После завтрака идём на службу. Ради такого дела, освободили на 2 этаже столовой весь этаж, чтобы поместились все желающие. Отец Никодим украсил помещения своими атрибутами и провёл службу на высшем уровне. Присутствовали более тысячи человек. Казаки, у которых своей церкви не было, впечатлились. После службы их проводили, передав, в качестве подарков, два десятка примусов и столько же керосиновых ламп. К ним, естественно, канистру керосина. Также два ковра 3х4 м, несколько вязаных свитеров, шарфов, шапочек, сотню перьевых ручек, 15 стеклянных листов 0,5 х 0,5 м, один воз загрузили опилочными брикетами. Казаки уезжали в полном восторге от приёма и подарков, обещая непременно поддерживать с нами дружбу. Мы тоже были довольны тем, что смогли встретить гостей на высоком уровне и вызвать у них добрососедские чувства. По крайней мере, с востока у нас обеспечен один верный союзник, на которого можно положиться. Я пошёл домой, к детям.

Вообще, меня крайне не устраивало моё положение. Я был чертовски зол на ханшу Боракчин, навязавшую нам наложниц. А теперь я, да и Теплов, оказались в подвешенном состоянии. Будь мы детьми этого века, мы бы без всякого зазрения совести, выселили наложниц, найдя им мужей за деньги и забыли бы о них навсегда, но мы не могли так поступить. Наша совесть и чувство ответственности за детей не давали нам покоя. Хотя Теплов, вроде бы, вполне доволен судьбой и не вспоминает о своих детях. Может быть, я ошибаюсь. Но что делать с наложницами? Объявить их жёнами, наравне с княжной Мананой? Это абсолютно исключено. В таких раздумьях и провёл весь день и вечер с детьми и девушками, приняв решение жить на два дома, пока не найду решения, по крайней мере до июня-июля. О чём думал Теплов, трудно сказать.

2 апреля. Понедельник. Всё по расписанию до 16 часов. На совещании подвели итоги переговоров с казаками. Мы получили в подарок 3 центнера шерсти, в том числе 100 кг верблюжьей. Да купили ещё 500 кг. С учётом имеющейся, на 2-3 месяца работы наши девушки обеспечены. Теперь будем вести с казаками взаимовыгодную торговлю. Нам нужны и кожа для сапог, перчаток, курток и т.п. Мяса нам хватает своего. Мы обсудили вопрос о возможном участии ограниченного контингента казаков в захвате Константинополя и

пришли к выводу, что 3-4 сотни казаков, нам не помешают.

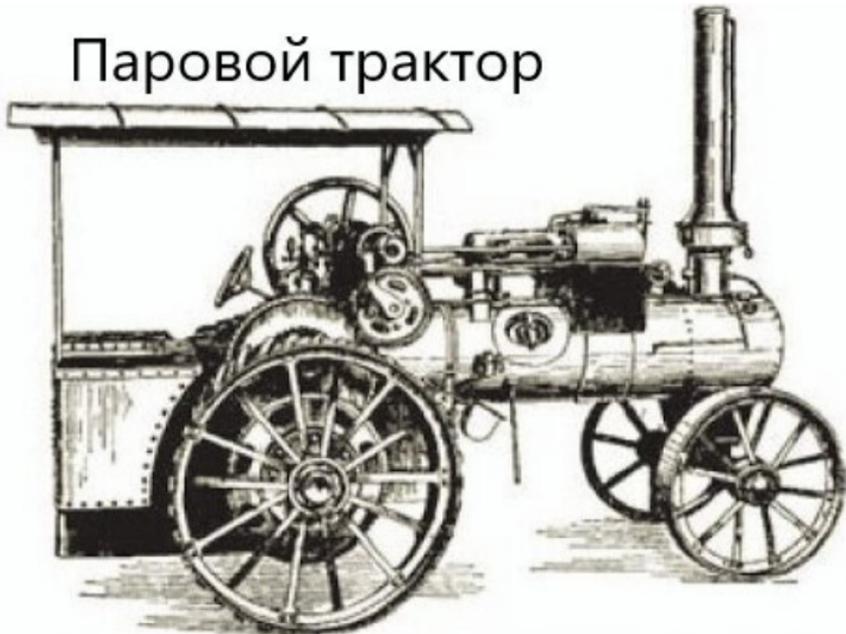
Тем более, что нам по пути, прихватим их в устье Медведицы. Как и планировалось, наконец-то и у нас появился токарный станок! Его установили на первом этаже производственного корпуса. Непосредственно для станка изготовили паровой двигатель. Поскольку никаких шестерен ещё не было, вращение на вал станка передавалось посредством шкива и ременной передачи. Чтобы изменить число оборотов, следовало перекинуть ремень на другой шкив. Были возможны 10 различных скоростей вращения. Маргеловцы пожертвовали несколькими твердосплавными резцами, которые были на вес золота. Теперь и мы могли изготавливать подшипники, валы и многое другое. На станке умел работать Алёшка. Он взялся за месяц обучить десять токарей, а в свободное время, которого у него было крайне мало, сам брался вытачивать необходимые детали.

Дело было за изготовлением фрезерного и сверлильного станков. В то же время, получив из Маргелово необходимые подшипники и валы, группа слесарей под руководством Арзамаса, собрали новый паровой автомобиль. Напоминал он паровоз на колёсах, но имел некоторые преимущества перед первым экземпляром. Во-первых, наличие кабины. Во-вторых, большая мощность, по прикидке, примерно 100-130 л.с.

Скорость до 20 км в час. Мы назвали машину трактором. Предусмотрели возможность прицеплять плуг, борону, тележку, а спереди отвал бульдозера. Специально для трактора собрали прицеп с высокими бортами и длиной в 6 метров, что позволяло перевозить брёвна и, при желании, АСУ 57. Короче говоря, трактор имел универсальные способности и для нашего хозяйства был весьма кстати. Конструктора продолжали работать над усовершенствованием трактора.

Было решено изготовить ещё один такой же. Дали задание конструкторам спроектировать механическую молотилку к сезону сбора урожая. Успехи, как говорится, были на лицо. Меня радовало то, что Теплов наконец-то успокоился и вернулся в своё обычное состояние, позволяющее ему участвовать в управлении нашим хозяйством и обучении со мной вместе волонтеров и будущих педагогов.

Паровой трактор

Мы взялись за развитие Воронежа вдвоём, разделив нагрузку пополам. Я сам тоже несколько поутих. Первые дни безумства наших, с Мананой, отношений, перешли в более спокойную фазу, и я получил достаточно свободного времени, чтобы заняться самоподготовкой и более пристальным наблюдением за организацией жизни в посёлке.

Кстати я заметил, что все волонтёры, крестьяне, мастера и т.д., причисляющие себя к гражданам, создаваемого «Советом десяти», государства Россия, начали гордиться

своим положением и высоко ценить эту принадлежность, более всего боясь этой принадлежности, лишиться. Нигде более, невозможно было найти такой высокооплачиваемой работы, чем у нас, при самом коротком рабочем дне. Бесплатное обучение грамоте и профессии, человеческое отношение со стороны руководства и многое другие факты, в большей мере качество жизни, разительно отличающееся от жизни их соплеменников, обитающих рядом. Показательно, что живущие вблизи Маргелово люди, имеющие общение с жителями посёлка, уже давно завидуют им.

В это время, в резиденции **Папы Римского** Григория IX, кардинал Синибальдо Фиески, граф Лаваньи, докладывал Святейшему о полученных из восточной Европы сообщениях. Новости были не радостными. Монголы продолжали продвижение в западном направлении, разоряя и подчиняя себе, лежащие перед ними страны. Покорились монголам уже и многие христианские государства, как-то: Грузия, Армения, большая часть Руси. В настоящее время, герцог Михаил Черниговский, бежавший от монголов сначала в Венгрию, а потом во Францию, умоляет короля Людовика, выслать ему на помощь войско.

Он же прислал к Папе письмо с аналогичной просьбой, организовать крестовый поход против Батыя. Вся Европа замерла в ожидании полного разгрома Русских княжеств и

последующего за этим, нашествия монголов на католический мир. На фоне этих сообщений, отдельно следует отметить, очень настораживающие известия из небольшого герцогства Рязанского, подвергшегося разорению ранее, но очень быстро восстановившемуся и по непонятным причинам, оставленного монголами в покое, когда другие, окружающие, это герцогство, земли, продолжают подвергаться опустошению. Как ни странно, но, пытавшийся наказать Рязанского герцога, великий герцог Владимирский, был со своим войском разгромлен малочисленной дружиной Рязанского герцога Ингвара и приведён к умиротворению, больше не пытаюсь отобрать у Ингвара, захваченные последним, исконные Владимирские земли.

Более того, Ингвар захватывает, уже разорённые монголами, владения соседних правителей, сажает туда своих людей и заставляет эти земли подчиниться себе. А ещё, кое о чём, вообще не поддающемся разумению. Появилась какая-то новая сила. Некие люди, называющие себя «Советом десяти», подчинили себе часть владений Ингвара, скорее всего с его согласия. Они собрали значительную армию, с которой сразились с войском, непобедимых до сих пор монголов, руководимых царевичем Гуюком, сыном императора монголов Угедэя и разгромили его, как не удивительно, тоже значительно уступая тому в количестве войск.

Говорят, что они, при этом, воспользовались каким-то, совершенно неизвестным оружием, против которого нет защиты. Сообщают также, что войско этого «Совета десяти», на кораблях, вышло в Чёрное море и разграбило некоторые фактории Венецианцев и Генуэзцев, а также захватили Судак и Тан, заставив их уплатить им дань. Имеется вполне достоверное донесение, что представители «Совета», имели встречу с императором Никеи, и о чём-то договорились. Мы должны принять какие-то меры, чтобы получить, как можно больше известий об этой, непонятной и, возможно, угрожающей нам организации. Выслушав кардинала, Папа произнёс: – Займитесь этим, ваше преосвященство. У вас хорошо получается. Сообщайте мне о принятых вами действиях незамедлительно.

Конец 3 книги.

Список справочной литературы:

В. Ян. Батый.

В. Ян. К последнему морю.

Канал Великая Евразия. Русский царь Батый.

Древнерусские земли.

Олег Бажанов. Батый. Золотая Орда.

История вокруг нас. Бату и Берке. У истоков Золотой Орды.

То же. Батый создаёт Золотую Орду.
Интернет. Википедия